This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 127 519

YC119990

СИБИРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Karan Singh

4147.

СИБИРСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ПРІИСКОВАГО ЛЮДА.

I. Въ тайгѣ. *Завиткова.*
II. Сибирскіе мученики *Стрѣтенскаго.*
III Олекминская Калифорнія. *Н. Г—въ.*
IV. Амурская Калифорнія.

Всѣ помѣщенные здѣсь очерки ранѣе были напечатаны въ приложеніяхъ къ газетѣ «Восточное Обозрѣніе».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича Вас. Остр., 2 лин., 7.

1888.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

NOV 2 2 1995

LOAN STACK

1491

PG3283
S5

ВЪ ТАЙГѢ.

ОЧЕРКИ ПРІИСКОВОЙ ЖИЗНИ ВЪ СИБИРИ.

I.

Благодатный пріискъ и его хозяинъ.

Если вы, читатель, попадете лѣтомъ въ тайгу и будете подъѣзжать — разумѣется, верхомъ на лошади, потому что въ тайгѣ иначе не ѣздятъ лѣтомъ — къ стану Благодатнаго пріиска въ ясную погоду, то непремѣнно остановѝтесь на послѣдней горѣ и полюбуйтесь на окрестности: въ ясную погоду и въ тайгѣ хорошо. Вы увидите подъ горой широкую долину, средина которой издали кажется зеленѣющимъ бархатнымъ лугомъ. По лугу, извиваясь голубою лентою, течетъ, журча, по каменистому дну, быстрая рѣчка и теряется вдали за высокими кедрами, елями и пихтами. Эти зеленые великаны окаймляютъ долину съ обѣихъ сторонъ, лѣпятся у подошвы тѣснящихъ ее горъ и по крутымъ скатамъ ихъ уходятъ вверхъ до самыхъ горныхъ вершинъ. Только средина

противоположной горы оголена: владѣльцу Благодатнаго пріиска понадобились когда-то дрова, и вотъ онъ поджегъ лѣсъ. Огонь съ шумомъ и трескомъ, перелетая съ дерева на дерево, охватилъ весь склонъ горы пылающимъ моремъ, и далеко разошлось бы по тайгѣ это огненное море, еслибы не помѣшалъ дождь. Давно это, впрочемъ, было—лѣтъ сорокъ назадъ. Теперь обгорѣлые древесные стволы подгнили, и буря свалила ихъ въ такомъ видѣ, какъ будто бы кто-то исполинскою рукою разсыпалъ ихъ въ безпорядкѣ по горѣ тысячами, да такъ и оставилъ ихъ гнить... Впереди за оголенной горой высится горный хребетъ, покрытый темно-зеленою массою лѣса; за нимъ, сливаясь въ общую сизую массу, поднимаются одинъ надъ другимъ такіе же хребты, пересѣченные въ разныхъ направленіяхъ развалинами и пропастями, и, постепенно ступевываясь въ очертаніяхъ своихъ, уходятъ въ синюю даль на край горизонта. А тамъ, на краю горизонта, бѣлѣютъ, какъ тучи на голубомъ небѣ, снѣжныя вершины высочайшихъ горъ... На всемъ пространствѣ, какое можно окинуть глазомъ, раскинулись горы и горы, точно громадныя окаменѣлыя волны страшно бушевавшаго когда-то моря. Величественна картина дикихъ горъ съ ихъ черными пропастями, мрачными пещерами и таинственнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ!

Если, читатель, вы будете проѣзжать въ полдень, то не полѣнитесь, взойдите повыше, на вершину той безконечной горы, у подошвы которой вы будете пересѣкать горный хребетъ по развалу его. Взойдите, хотя и тяжело подниматься, хотя и не скоро доберетесь до вершины

этой горы, — зато вечеромъ, когда вы будете стоять тамъ, новые виды, новыя впечатлѣнія вознаградятъ васъ за всѣ трудности утомительнаго пути. Представьте: вы стоите на обнаженной вершинѣ, на скалѣ... Пурпурное солнце, охвативъ багровымъ заревомъ весь край горизонта, уходитъ за дальнія горы, позолотивъ бѣлыя ихъ шапки и вершины вѣковыхъ деревъ, покрывающихъ ближайшіе хребты. Въ воздухѣ становится прохладно; горныя долины начинаютъ темнѣть; сизый туманъ, расходясь волнами по долинамъ, окуталъ кругомъ подошву и той горы, на которой вы стоите. Вы стоите гдѣ-то высоко, высоко, между небомъ и землею, вдали отъ всѣхъ житейскихъ треволненій. Стоите и восхищаетесь красотою природы, благоговѣйно склоняясь духомъ предъ тою незримою силою, которая создала эту красоту, эти несокрушимыя твердыни — дикія горы... Мысль уносится въ далекое, загадочное прошлое, за милліоны лѣтъ назадъ, къ началу творенія, воображеніе рисуетъ картину страшнаго переворота: когда раскаленный шаръ земной началъ медленно остывать, когда тонкая скорлупа его мѣстами опускалась, мѣстами поднималась, трескалась на тысячи верстъ, переворачивалась и распадалась, когда огненная лава выливалась изъ этихъ трещинъ и остывала на поверхности, когда кончился переворотъ, но солнце жгло безпощадно однѣ только голыя скалы, когда воздухъ, вода и время стали сглаживать понемногу эти скалы, когда появилась въ водѣ и въ долинахъ органическая жизнь и, мало-по-малу развиваясь и расширяясь, покрыла голыя скалы и достигла, наконецъ, тѣхъ громадныхъ раз-

мѣровъ, которыми вы — послѣднее звено органическаго развитія — любуетесь и восхищаетесь теперь.

Но... спуститесь, читатель, изъ-за облачныхъ высей поближе, къ прозаической дѣйствительности,—къ дѣйствительности подчасъ очень и очень непривлекательной, и вы увидите подъ горой, въ долинѣ, крыши амбаровъ, дворовъ, казармъ и хозяйскаго дома; послѣдній узнаете даже по крышѣ: она новая, большая. Это и есть станъ Благодатнаго пріиска. Когда вы спуститесь съ горы по узкой, размытой весенними водами тропинкѣ и будете подъѣзжать къ стану, то у амбаровъ будьте осторожнѣе: тамъ тропа размѣсилась и превратилась въ настоящее болото, а въ этомъ болотѣ и пни, и корни такъ перемѣшались, что—того и гляди—сломаешь коню ногу или, по крайней мѣрѣ, свалишься вмѣстѣ съ нимъ въ грязь.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ на мѣстѣ нынѣшняго стана была небольшая, чистая поляна, покрытая тонкимъ слоемъ мягкаго мха и мелкой травки и окруженная громадными елями и пихтами. Самъ Парамонъ Ивановичъ Болотовъ, первый владѣлецъ Благодатнаго пріиска, явясь сюда съ поисковой своей партіей, разбилъ первоначально парусинную палатку на этой же полянѣ, и рабочіе его на ней же устроили для себя шалаши изъ древесныхъ вѣтвей.

Осмотрѣвъ мѣстность, Болотовъ нашелъ почти всю долину сплошнымъ топкимъ болотомъ, которое съ боковъ было усѣяно кочками, а посрединѣ покрыто мхомъ и тощею травкой. Однако же, въ руслѣ рѣчки, протекающей по долинѣ, онъ встрѣтилъ такіе камни, которые

призналъ сопроводниками золота, а потому и распорядился выбить неподалеку отъ рѣчки шурфъ *). Долго мучилась надъ этимъ шурфомъ вся рабочая команда, откачивая помпами воду и день, и ночь, но, все-таки, шурфъ былъ добитъ, пески промыты, и Болотовъ получилъ пятнадцать золотниковъ золота. Сообразивъ, что пріискъ долженъ быть богатый, онъ тогда же придумалъ ему названіе „Благодатный“.

Заявивъ, гдѣ слѣдуетъ, объ открытіи золотосодержащей площади, Болотовъ сталъ ждать отводчика площадей, и на другое лѣто дождался нѣкоего горнаго шихтмейстера Дерунова, который оказался славнымъ малымъ, настоящимъ пріисковымъ человѣкомъ. Каждый день Болотовъ и Деруновъ выпивали: утромъ, передъ работой — очищеннаго, которымъ закладывался, какъ говорили они, фундаментъ, передъ обѣдомъ — коньячку для пищеваренія, передъ чаемъ и за чаемъ — ромцу лекарственнаго, а вечеромъ, послѣ работъ, и очищенное, и коньякъ, и ромъ пили, все вмѣстѣ.

Разъ, заложивъ хорошій фундаментъ, Деруновъ отправился проводить прямыя линіи въ такомъ состояніи, когда онъ способенъ былъ выдѣлывать только линіи гнутыя и ломанныя, и, какъ человѣкъ, которому море кажется по колѣно, залѣзъ въ болото по уши и едва не утонулъ въ жидкой грязи. Когда рабочіе вытащили Дерунова изъ болота и утвердили на кочкѣ — жалкимъ выглядѣлъ онъ съ поникшей головой и опущенными руками,

*) Шурфъ — родъ колодца, трехъ аршинъ въ квадратѣ.

весь покрытый липкою грязью съ красной ржавчиной. Рабочіе посмотрѣли на него, переглянулись между собой — одинъ фыркнулъ и всѣ расхохотались.

— Что вы смѣетесь, подлецы!—крикнулъ Деруновъ: —я васъ всѣхъ...—покачнулся и опять упалъ въ грязь...

— И вправду, ребята, чего смѣяться, — разсудили рабочіе:—потащимте лучше его въ рѣчку обмывать.

Взяли Дерунова подъ руки, завели въ рѣчку, выполоскали въ ней и привели въ палатку Болотова сушить. Послѣ купанья Деруновъ немного протрезвился и, будучи по природѣ человѣкомъ незлобивымъ, простилъ рабочимъ неумѣстный смѣхъ и даже попросилъ Болотова дать имъ по стакану водки. На радостяхъ, по случаю счастливаго избавленія отъ неминуемой смерти въ болотѣ, Деруновъ и Болотовъ кутили три дня.

— И зачѣмъ ты, Парамонъ Ивановичъ, придумалъ такое неподходящее прозваніе пріиску: „Благодатный“!— говорилъ Деруновъ, наливая рюмку коньяку. — Давай перекрестимъ его какъ-нибудь иначе.

— А какъ, напримѣръ?

— Да назовемъ его „Чортова трясина“. Ей Богу! Это будетъ самое подходящее названіе.

Но Парамонъ Ивановичъ былъ человѣкъ упрямый, ни за что не согласился перемѣнить названіе пріиска.

Двадцать лѣтъ послѣ этого случая стоялъ Благодатный пріискъ въ запустѣніи, точно проклятый. Не повезло открывателю пріиска, онъ закопалъ капиталъ. Замело и занесло выработанный Болотовымъ разрѣзъ пескомъ и галькой, даже станъ сталъ обростать лѣсомъ, а

застроенная поляна, на которой такъ весело проводилъ когда-то Болотовъ время съ шихтмейстеромъ Деруновымъ, опять покрылась травой и мхомъ. Наконецъ, на двадцать-первомъ году нашелся охотникъ копать землю и взялъ отъ наслѣдниковъ Болотова Благодатный пріискъ въ арендное содержаніе. Но арендаторъ этотъ недолго работалъ: въ два года онъ закопалъ почти все, что имѣлъ, и отказался отъ аренды пріиска. Прошло еще десять лѣтъ, нашелся другой арендаторъ, нѣкій Трофимъ Кузьминъ; онъ обстановилъ работы и въ первый же годъ на двадцать человѣкъ намылъ пудъ золота. И странное дѣло, какое вліяніе имѣетъ на человѣка золото! Какъ получитъ маленькій арендаторъ пудъ золота, и ума у него прибавится будто бы на пудъ, и говорить начнетъ не такъ, какъ говорилъ раньше, и глядить иначе, даже фигуру свою старается передѣлать: все выпячиваетъ впередъ брюшко, чтобы показаться крупнымъ золотопромышленникомъ. Трофимъ Кузьминъ цѣлый годъ шапки не хотѣлъ ломать ни передъ кѣмъ.—„Нешто, если такъ пойдетъ золото, — воображалъ онъ, — то на будущій годъ поставлю пятьдесятъ человѣкъ рабочихъ — и мы будемъ золотопромышленники... Станъ высыплю галькой, а то ужъ ребятишки больно въ грязи мараются“... На будущій годъ Кузьминъ дѣйствительно поставилъ пятьдесятъ человѣкъ, но стана высыпать галькой ему не удалось, потому что все, что было получено въ прошломъ году, онъ закопалъ и прибавилъ еще своихъ денегъ. — „Нѣтъ, на этомъ пріискѣ надо работать съ умомъ да не пьяному“,— заключилъ Кузьминъ и не сталъ больше работать. Прошло

еще шесть лѣтъ — никто не хотѣлъ работать на Благодатномъ пріискѣ. Наконецъ, взялъ его въ арендное содержаніе Протасъ Протасовичъ Шниперъ, человѣкъ трезвый и неглупый.

Какъ дѣлаются сибирскими пріискателями и откуда они вылѣзаютъ — трудно сказать. Нѣтъ опредѣленнаго цвѣтника въ Сибири, гдѣ произростаютъ эти цвѣты мѣстнаго финансоваго міра. Они являются случайно, часто изъ сферъ и изъ кучъ, о которыхъ не подозрѣваемъ. Жалкій приказчикъ, развѣдчикъ, матеріальный на пріискахъ, даже мальчикъ, подававшій чай, дѣлается золотопромышленникомъ. Когда-то знаменитый Мошаровъ вышелъ изъ мальчиковъ, ходившихъ при обозахъ, и впослѣдствіи сталъ служащимъ на пріискахъ, сдѣлался развѣдчикомъ а потомъ первымъ капиталистомъ. Нѣкоторые счастливцы - золотопромышленники наверху блаженства и счастія заставляли обливать себя шампанскимъ, приговаривая: „лей, лей, былъ ты Васька, а теперь Василій Иванычъ!“ Счастливыми золотопромышленниками являлись прасолы, конторщики и даже писцы губернскихъ канцелярій, а ужъ чего далѣе канцелярія отъ тайги и сибирскихъ лѣсовъ. На поприще золотопромышленности выступали и милліонеры, и нищіе, аристократы, отставные кавалеристы, пріѣзжавшіе въ Сибирь искать счастья, техники и прямо безграмотные люди низкаго происхожденія. Бѣлая перчатка съ грязной лапой одинаково тянулась къ завидному металлу.

Новый владѣлецъ Благодатнаго также не былъ человѣкомъ высокаго происхожденія. Въ то утро, въ которое

мы застаемъ владѣльца пріиска, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и предавался какимъ-то думамъ. Богъ знаетъ, что онъ думалъ. Можетъ быть, онъ вспоминалъ свое далекое прошлое. Вспомнилъ, какъ ребенкомъ стоялъ съ отцомъ въ шинкѣ за стойкой и вытягивалъ чрезъ высокій прилавокъ шею, всматриваясь въ покупателей; вспомнилъ, какъ бѣгалъ съ матерью на рынокъ въ какомъ-то грязномъ городишкѣ южной Россіи торговать разнымъ тряпьемъ; вспомнилъ, какъ потомъ взяли его, посадили въ телегу и увезли въ какой-то большой, мрачный домъ; тамъ окунули три раза въ кадку съ водой и назвали Протасомъ въ честь фельдфебеля, бывшаго въ тотъ день именинникомъ и крестнымъ отцомъ его. Онъ росъ кантонистомъ; его плохо учили и кормили, но хорошо пороли. Онъ выросъ и поступилъ въ рядовые, обокралъ какую-то мѣщанку и попался. Его перечислили въ разрядъ штрафованныхъ и, „не вмѣняя въ вину содѣяннаго“, переименовали вмѣстѣ съ другими штрафованными въ казаки и послали въ Сибирь. Здѣсь онъ въ походѣ женился, сдѣлался казачьимъ закройщикомъ; отслуживъ, вышелъ въ отставку и поселился въ губернскомъ городѣ, занялся портняжествомъ, игрою въ карты и еще кое-какими промыслами, поправился и пустился въ золотопромышленность.

Пустившись въ золотопромышленность, Шниперъ сначала арендовалъ старый выработанный пріискъ и поставилъ небольшую рабочую команду, но золото у него было хорошее, потому что его несли рабочіе со всѣхъ сосѣднихъ пріисковъ промѣнивать на спиртъ. Впрочемъ Шни-

перъ бралъ золото и на деньги, и сразу привлекъ къ себѣ рабочихъ, назначивъ имъ вмѣсто двухъ рублей, какъ покупали другіе золотопромышленники, по три рубля за золотникъ. Этимъ повышеніемъ цѣны и спаиваніемъ чужихъ рабочихъ онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ сосѣдей, которымъ трудно было состязаться съ нимъ на поприщѣ закупа золота, тѣмъ болѣе, что въ сущности ловкій и изворотливый Шниперъ не давалъ за золотникъ и двухъ рублей, потому что четверть фунта у него никогда не вѣсила больше семнадцати золотниковъ.

II.

Непредвидѣнное обстоятельство.

Тринадцатаго мая 187... года, даже по святцамъ отца Ивана, пріисковаго священника, не было никакого праздника, а тѣмъ болѣе не могло быть по контракту Шнипера; въ контрактѣ его было ясно сказано: „рабочіе празднуютъ: въ январѣ 6 число, въ февралѣ — два дня масляницы, въ мартѣ 25 число, за симъ три дня Пасхи, день Троицы“—и только. Между тѣмъ на Благодатномъ пріискѣ тринадцатаго мая ни одной души не было видно на работѣ. Хотя рабочихъ, по обыкновенію, будили въ три часа, черезъ полчаса возчики шли запрягать лошадей, а еще черезъ четверть часа забойщики брали кайлы и лопаты и шли въ разрѣзъ копать землю, но въ этотъ день никто изъ нихъ не пошелъ на работу. Даже конюху Роману Перфильеву, который вздумалъ-было дать лоша-

дямъ сѣна, „чтобы не скучали безъ дѣла“, Ѳома Недорѣзъ закричалъ: „что ты дѣлаешь!“ и прибавилъ при этомъ такое нехорошее слово, услышавъ которое, Перфильевъ сплюнулъ, да такъ и не далъ сѣна. Только одинъ хлѣбопекъ Василій Богомазъ работалъ, сажалъ хлѣбы въ печь,— въ такую громадную печь, въ которую онъ, какъ говорилъ шутя товарищамъ, садилъ сначала помощницу свою, мукосѣйку Ѳедору, а ужъ она разсаживала тамъ хлѣбы по порядку... Нарядчикъ Ѳедоръ Крученый разбудилъ рабочихъ своевременно, но его такъ турнули изъ казармы, что онъ больше не рѣшался зайти туда, а отправился развалистой походкой прямо къ хозяину.

Ѳедоръ Григорьевъ Крученый, онъ же по кличкѣ, данной рабочими, „Качало-Земледавъ“, былъ малый изъ числа тѣхъ горныхъ служащихъ, которые дорого цѣнятся на пріискахъ. Хотя онъ плохо умѣлъ читать и писать, зато обладалъ геркулесовскимъ сложеніемъ, имѣлъ увѣсистый кулакъ и широкое горло, ходилъ замѣчательно скоро, дѣлая полусаженные шаги, и не былъ лишенъ нѣкоторой смекалки, т. е. понималъ, гдѣ надо употребить въ обращеніи съ рабочими „волчьи зубы“ и гдѣ „лисій хвостъ“.

Когда постучалъ Крученый въ дверь хозяйскаго дома, ему отворилъ самъ Шниперъ, одѣтый по-утреннему въ сѣрый драповый халатъ съ краснымъ воротникомъ и въ расписныя туфли.

— Ну что, Ѳедоръ Григорьевичъ, много сегодня больныхъ?

— Нѣту ни одного, то-исъ...

— А что? не говорилъ я—у меня не будетъ больныхъ. Я знаю.

— Я пришелъ...

— Я знаю, какъ изъ ними дѣлаться...

— Я пришелъ сказать...

— Всѣхъ ихъ, подлецовъ, обязательно надо лупить,— не будутъ тогда хворать...

— Я пришелъ сказать вамъ...

— Что сказать? — спросилъ, наконецъ, Шниперъ, окончивъ изліяніе правилъ, какъ управлять рабочими.

— Рабочіе не идутъ на работу.

Шниперъ такъ и отскочилъ на два аршина назадъ, какъ будто его кто-нибудь ужалилъ; даже туфля одна спала съ ноги.

— Какъ не идутъ? Почему не идутъ? Кто посмѣлъ не идти?—забросалъ онъ вопросами.

— Всѣ не идутъ. Не пойдемъ, говорятъ, да и баста!

— Знать ничего не хочу! Обязательно сейчасъ же гони всѣхъ въ шею! — горячился Шниперъ...

— Не пойдемъ, говорятъ, насъ бьютъ, насъ...

— А что, цѣловаться изъ ними буду? Что, я нанялъ ихъ въ бирюльки играть? Скажи имъ, подлецамъ, я ихъ...

— Насъ, говорятъ...

— Бить ихъ обязательно и слѣдуетъ какъ собакъ! Ахъ, мерзавцы... убиваютъ! А кого я убилъ? Скажи менѣ на милость, кого я убилъ?

Да, говорятъ, Митька Горемычный умеръ.

Шниперъ остолбенѣлъ, раскрылъ широко глаза и разинулъ ротъ. Видно, хотѣлъ что-то сказать, да не могъ

собрать мыслей. Но вскорѣ, овладѣвъ собою, тихо спросилъ:

— Развѣ умеръ?

— Да, сегодня ночью.

— Какъ же это?.. А впрочемъ... обязательно скажи казаку... пусть выгонитъ...—Наконецъ, овладѣвъ собою вполнѣ, продолжалъ:—У мене бунтовъ не можетъ быть. Скажи рабочимъ, что я бунтовъ не люблю. Пусть они хоть всѣ передохнутъ, а на работу обязательно должны идти... по контракту.

— Нечего и говорить, Протасъ Протасовичъ, не пойдутъ; надо урядника.

— Какъ не пойдутъ? Обязательно должны идти. Знать ничего не хочу! Гони въ шею... А впрочемъ пошли казака за урядникомъ; я имъ покажу какъ бунтоваться... Да ты гналъ ихъ?

— Какъ же... пробовалъ, да самого выгнали...

— Ахъ, каторжные! Ахъ, варначье!

Крученый вышелъ. Шниперъ въ одной туфлѣ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, сѣлъ возлѣ стола и, опершись головой на руку, впалъ въ раздумье:—А все фельдшеръ виноватъ, пьяная рожа; возьметъ, негодяй, спирту больнымъ, да самъ и вылопаетъ... Говоритъ: здоровъ, представляется... Вотъ тебѣ и представляется! Неужели бы я сталъ бить больного?! Умеръ... что я теперь буду дѣлать?

И дѣйствительно, что дѣлать? Шниперъ положительно не зналъ, за что приняться, растерялся. Этотъ Митька Горемычный такъ часто хворалъ, такъ надоѣлъ; а тутъ еще пьяный фельдшеръ сказалъ, что вретъ, притворяется.

Ну, какъ не поколотить лѣнтяя! Вечеромъ поколотилъ, вечеромъ же онъ и умеръ—точно на зло... Рабочіе узнали, не идутъ на работу... Убытки... И что-то еще будетъ впереди: какъ взглянетъ на это дѣло горный исправникъ? Хорошо, если онъ выгородитъ, а если не захочетъ, если явится другой слѣдователь, въ родѣ того, который погубилъ Болотова, тогда... И Шниперу начала рисоваться страшная картина острога, ссылки, каторги...

— Вотъ она, золотопромышленность!—воскликнулъ онъ.—Поколотилъ рабочаго, а онъ и умеръ! Что теперь дѣлать?—Голова Шнипера кружилась, мысли путались: участь Болотова, острогъ, каторга—все перемѣшалось... Глаза его помутились, голова соскользнула съ руки и упала на столъ... Шниперъ заскрежеталъ зубами, и всего его начало конвульсивно подергивать—съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

Да, слабая натура была у Протаса Протасьевича—больная, раздражительная: всякій пустякъ раздражалъ его и повергалъ въ припадокъ, который Ѳеофила Герасимовна, благовѣрная его, называла „порчей“ и говорила, что у него въ животѣ сидитъ какой-то „болетокъ“, и какъ начнетъ этотъ „болетокъ“ подкатываться къ сердцу Протаса Протасьевича, то онъ дѣлается безъ ума. На видъ Шниперъ былъ очень худой, тонкій и долгій („избѣгался молодой“, какъ объясняла Ѳеофила Герасимовна), и хотя не былъ еще старъ, но казался дряхлымъ старикомъ. На головѣ его оставалось растительности немного больше, чѣмъ на колѣнѣ, зато борода была большая, черная, окладистая.

Одинъ сидѣлъ у стола, или, вѣрнѣе сказать, лежалъ на столѣ въ кабинетѣ Протасъ Протасьевичъ. Конвульсіи кончились, припадокъ ослабѣлъ, а вмѣстѣ съ этимъ ослабѣлъ и организмъ его, распустился, сдѣлался точно разваренный; лѣвая рука соскользнула со стола, повисла, потянула плечо, шею, голову, и Шниперъ упалъ на полъ. На стукъ костляваго тѣла его вбѣжала въ кабинетъ Ѳеофила Герасимовна—полураздѣтая, заспанная, съ какимъ-то водянистымъ оттѣнкомъ на лоснящемся лицѣ, и, протирая глаза обширнымъ воротникомъ своей сорочки, тупо смотрѣла на полъ.

— Ахъ ты Господи! опять...—проговорила она и, схвативъ руками неподвижно лежавшаго мужа, кряхтя, подняла его съ пола, уложила на кровать.

Ѳеофила Герасимовна знала, что подобные припадки съ Протасомъ Протасьевичемъ даромъ не бываютъ. Будучи au courant всѣхъ дѣлъ, она рѣшилась оставить его одного, облачилась въ свой длинный, широкій ситцевый холодай, снизу на четверть запачканный грязью, и отправилась на кухню развѣдать кое-что отъ стряпки Лукерьи.

Не сочтите, пожалуйста, супругу Протаса Протасьевича неряхой за то, что она носитъ запачканный холодай; на стану Благодатнаго пріиска и нельзя иначе ходить такой хорошей хозяйкѣ, какъ Ѳеофила Герасимовна,—грязь ужасная! Къ тому же Ѳеофилѣ Герасимовнѣ и некогда было заниматься туалетомъ; до обѣда возилась она на кухнѣ, помогая стряпать Лукерьѣ, а послѣ обѣда перебирала въ кладовой пучки разныхъ травъ, узелки съ крупками, коробочки съ сластями или составляла секретно

отъ мужа лекарство отъ ломоты, отъ лихорадки, отъ головной и другихъ болей. Да и больныхъ приходило лечиться къ ней много, потому что всѣ ея лекарства были составлены для внутренняго употребленія во вкусѣ больныхъ—на спирту или на винѣ. Вообще Ѳеофила Герасимовна постоянно была занята дѣломъ; только дѣло, какъ бы наперекоръ, плохо клеилось въ ея рукахъ, не выходило такъ хорошо, какъ она говорила, принимаясь за него; начнетъ она, напримѣръ, сало топить—сало перегоритъ; станетъ мясо солить—мясо сгніетъ; возьмется съ усердіемъ лечить дѣйствительно больного — больной умретъ (фельдшеру пища для заочныхъ насмѣшекъ: „залечила“, говоритъ). Впрочемъ, неудачи не обезкураживали Ѳеофилу Герасимовну; она съ новымъ рвеніемъ принималась за работу.— „Я хоть купчиха,—говорила она:— а не гордая, не бѣлоручка. Я помощница мужу, и хоть не люблю его, но почитаю; клялась передъ алтаремъ“... При этомъ Ѳеофила Герасимовна посылала себѣ въ носъ хорошую понюшку табаку и громко сморкалась въ подолъ холодая. По совѣсти надо сказать, Протасъ Протасьевичъ не принуждалъ ее работать и не нуждался въ ея работѣ. Ѳеофила Герасимовна нужна ему была только въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по весьма важнымъ дѣламъ, когда нужно было развѣдать, гдѣ и что говорится и что дѣлается, или когда надо было привести въ исполненіе какіе-либо секретные планы.

Какъ сошлась Ѳеофила Герасимовна съ Протасомъ Протасьевичемъ, объ этомъ она не любила разсказывать. Только разъ подробно передала все своей кумушкѣ, а

то обыкновенно говорила, что „выходила замужъ по любви“. Но если вы, читатель, жили въ Сибири въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, то навѣрное помните, какъ носилась въ народѣ молва о томъ, что всѣхъ дѣвушекъ сомнительнаго поведенія будутъ свидѣтельствовать въ рекрутскомъ присутствіи, брать въ солдаты и посылать на Амуръ. Много дѣвушекъ вышло тогда замужъ, и шли онѣ за кого попало: богатыя—за бѣдняковъ, молоденькія за стариковъ, за калѣкъ, даже за нищихъ, а нѣкоторыя такъ просто вѣшались въ хлѣвахъ, только бы избавиться отъ службы на Амурѣ. Ѳеофила Герасимовна, тогда еще молоденькая, недурная собой дѣвушка, тоже побаивалась Амура (не того, разумѣется, котораго создала греческая миѳологія, а другого, что на окраинѣ Восточной Сибири) и готова была выйти поскорѣе замужъ; только въ селѣ, гдѣ она родилась и выросла, не оставалось жениховъ—всѣхъ разобрали менѣе разборчивыя и болѣе проворныя дѣвушки. Случилось проходить чрезъ это село казачьему полку, въ которомъ былъ и Протасъ Протасьевичъ Шниперъ. Его поставили на квартиру въ домѣ отца Ѳеофилы Герасимовны. Была дневка. Вечеромъ Ѳеофила Герасимовна влюбилась въ Протаса Протасьевича, ночью онъ объяснился съ ней въ любви, утромъ сдѣлалъ предложеніе, а послѣ обѣдни повѣнчались, и на другой день молодая чета отправилась въ походъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже двадцать-пять лѣтъ жизни Ѳеофилы Герасимовны съ болѣзненнымъ и раздражительнымъ мужемъ. „И такъ я вотъ мучаюсь съ нимъ четверть вѣка; несу крестъ“... говорила она, наслушавшись, Богъ вѣсть отъ кого, книжныхъ вы-

раженій. Не смотря на то, что въ жизни съ мужемъ Ѳеофила Герасимовна „несла крестъ“, она выглядѣла не сильно изнуренною тяжестью этого креста, что́ могутъ подтвердить и вѣсы Благодатнаго пріиска, показывающіе въ тѣлесахъ Ѳеофилы Герасимовны шесть пудовъ и пять фунтовъ.

Побывавъ на кухнѣ и собравъ изрядный запасъ всевозможныхъ свѣдѣній, Ѳеофила Герасимовна возвратилась къ мужу и нашла его „въ чувствіи“ сидящимъ на кровати. Ей хотѣлось чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь развлечь задумавшагося мужа, хотя и сама она была сильно взволнована полученными на кухнѣ недобрыми вѣстями.

— И стоитъ ли, Протасъ Протасовичъ, задумываться?— проговорила Ѳеофила Герасимовна.

Шниперъ сидѣлъ и молчалъ. Очевидно, мысли его были чѣмъ-то заняты: онъ не слушалъ жены.

— Богъ дастъ, все поправится...

— Что? — очнувшись вдругъ, спросилъ Протасъ Протасьевичъ.

— Я говорю, не стоитъ убиваться. Богъ дастъ, поправится.

Шниперъ молчалъ и смотрѣлъ на стѣну, на которой была прибита гравюра „Рожденіе Венеры“.

— Тебѣ что состряпать къ чаю — пирожки или оладьи? — спросила Ѳеофила Герасимовна, неожиданно перемѣнивъ разговоръ.

— Что?

— Я спрашиваю, что тебѣ состряпать?

— Не знаю; отвяжись...

Ѳеофила Герасимовна помолчала немного и опять заговорила.

— Когда ты лежалъ, Протасъ Протасовичъ, Крученый былъ.

— Ну!

— Говоритъ... Да ты не бойся. Я была на кухнѣ.

— Ну!

— Лукерья говоритъ, мужъ ея, говоритъ, былъ въ казармѣ.

Ѳеофила Герасимовна остановилась. Она видимо затруднялась, какъ передать больному мужу недобрыя вѣсти.

— Ну, былъ въ казармѣ?

— Да ты не бойся, Протасъ Протасовичъ... Насъ хотятъ... Митьку Горемычнаго положили рабочіе въ гробъ и повѣсили въ амбарѣ; караулъ поставили... Да ты не бойся...

— Тьфу ты! чортъ съ тобой! Затвердила: не бойся, не бойся, да что?!

— Тебя хотятъ повѣсить рядомъ съ гробомъ за шею, а меня за ноги... Ей-Богу: Лукерья говорила... Меня-то за что же?!—и Ѳеофила Герасимовна залилась слезами.

— За то, что ты дура!—сердито отвѣтилъ Протасъ Протасьевичъ и добавилъ:—пошла вонъ, къ чорту!

— Хоть бы въ такомъ-то разѣ не ругался!—обиженно проговорила Ѳеофила Герасимовна, выходя изъ кабинета.

Шниперъ опять неподвижно вперилъ глаза въ стѣну и сидѣлъ, не шевелясь. Въ головѣ его зрѣлъ какой-то планъ.

Онъ тихо всталъ, заперъ дверь и началъ совѣтъ съ женой; затѣмъ позвали Крученаго и также заперлись. Въ чемъ состоялъ военный совѣтъ золотопріискателя—увидимъ далѣе.

III.

Нити и узлы.

Казарма—большое, неуклюжее, четырехугольное зданіе, построенное еще Парамономъ Ивановичемъ Болотовымъ изъ круглаго, неотесаннаго лѣса, стояла саженяхъ въ тридцати отъ хозяйскаго дома. Войдя въ казарму, Крученый произнесъ: „эка вонища!“ и остановился у двери. Хотя было 11 часовъ дня, но въ казармѣ царилъ полумракъ. Крученый сталъ вглядыватьья: одни рабочіе лежали на нарахъ и сладко всхрапывали; другіе сидѣли возлѣ желѣзной печи посреди казармы и грѣли воду въ котелкахъ для чая; а въ дальнемъ углу на нарахъ и возлѣ наръ сидѣло и стояло въ кучѣ нѣсколько человѣкъ, которые вели о чемъ-то оживленный разговоръ. Рабочіе не замѣтили прихода Крученаго.

— Ребята!—закричалъ онъ:—идите, васъ Протасъ Протасовичъ зоветъ.

— Самъ не великъ баринъ, можетъ и къ намъ пройтись,—отвѣтилъ кто-то изъ угла.

Крученый постоялъ немного, подумалъ и сказалъ:

— Порція будетъ сегодня. Идите!

— Пусть самъ лопаетъ, жидовская харя!

— Какого чорта сердиться-то, ребята,—сталъ уговаривать Крученый.—Отчего не идти, когда зовутъ.

— Убирайся ты самъ къ чорту, пока бока цѣлы!— закричали рабочіе.

Крученый поспѣшилъ выйти, не дожидаясь исполненія угрозы.

Рабочіе галдѣли, особенно среди нихъ отличался отчаянный рабочій, звавшійся Недорѣзъ [1]).

Причины пріисковыхъ недоразумѣній вообще кроются въ неправильномъ взглядѣ золотопромышленниковъ на рабочихъ и, наоборотъ, въ неестественныхъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ непониманіи тѣми и другими обязанностей своихъ. Вотъ вамъ, напримѣръ, идеальный рабочій золотопромышленника: онъ долженъ быть силенъ и здоровъ, какъ медвѣдь, и, подобно медвѣдю, обязанъ ворочать землю. По характеру онъ—голубь, по вѣрности и привязанности—собака. Ѣсть можетъ то, что̀ ѣстъ собака (разумѣется, простая дворняжка), жить и спать достаточно, какъ медвѣдю въ берлогѣ. При всѣхъ этихъ животныхъ достоинствахъ рабочій долженъ обладать и человѣческими: честностью, трезвостью и терпѣніемъ,— такимъ терпѣніемъ, что если бы вздумалось хозяину хватить его по боку дубиной, то онъ обязанъ смолчать. Въ свою очередь, и рабочіе немалаго требуютъ отъ хозяина или замѣняющаго его мѣсто на пріискѣ—управляющаго. Какъ бы ни были грубы и нравственно испорчены рабочіе, но въ нихъ сохранилось еще понятіе о честномъ,

[1]) На пріискахъ, гдѣ сборный народъ, рабочіе носятъ клички самыя разнообразныя.

правдивомъ человѣкѣ, и то, чего въ нихъ самихъ, приниженныхъ, недостаетъ, они желаютъ видѣть въ другихъ, выше ихъ стоящихъ, даже требуютъ этого отъ нихъ. Ихъ идеальный хозяинъ или управляющій долженъ быть абсолютно честный, правдивый, нравственный, умный человѣкъ: „далъ слово—сдержи, пообѣщалъ что—исполни, чего не можешь дать—не сули, не обманывай; съ виноватаго взыщи по-человѣчески, по мѣрѣ вины—сердиться не будутъ; но безвиннаго не тронь!“ Ни одного изъ этихъ достоинствъ рабочіе не видѣли въ Шниперѣ, и не любили его, даже больше чѣмъ не любили—ненавидѣли и говорили:—„какой это чортъ хозяинъ! хуже нашего брата, хуже послѣдняго жигана!“ Однако же терпѣли этого „жигана“ и работали на него. Терпѣли потому, что въ составѣ разношерстной пріисковой рабочей артели преобладалъ русскій элементъ, жилъ многотерпѣливый русскій духъ; работали потому, что „некуда дѣваться, ничего не подѣлаешь, надо работать“. И терпѣли бы, и работали бы такъ до конца года, если бы не лопнуло терпѣніе по случаю убійства больного Горемычнаго. Впрочемъ это еще не важная причина, а иногда лопается терпѣніе рабочаго просто изъ-за пустяковъ: терпятъ тяжелую работу, терпятъ скудную пищу, терпятъ грязныя помѣщенія, терпятъ грубость въ обращеніи, терпятъ несправедливость и обиду, терпятъ, терпятъ, да вдругъ и взбунтуются изъ-за того, что имъ отказали въ стаканѣ вина.

А тутъ былъ предлогъ поважнѣе. Когда Крученый передалъ Шниперу, что рабочіе не поддаются на водку,

а ругаются и продолжаютъ угрожать, Шниперъ уже сдержанно замѣтилъ.

— Мошенники! Ну, погодите!...

Кухня Ѳеофилы Герасимовны на первый взглядъ ничѣмъ особеннымъ не отличалась: въ ней были тѣ же горшки, ухваты, кастрюли, кадочки и прочая посуда, какъ и во всякой другой кухнѣ; но стоило только взглянуть на кухарку Лукерью, какъ вся кухня принимала другой оборотъ: все въ ней будто бы стушевывалось, сливалось въ одинъ тонъ, изъ котораго выступала одна только Лукерья. Да, Лукерья представляла изъ себя замѣчательное произведеніе природы: короткій станъ ея походилъ на чурбанъ; обширный воротъ ситцевой сорочки совершенно открывалъ плоскую, смуглую грудь, раскаленную огнемъ кухонной печи; изъ засученныхъ рукавовъ вытягивались тонкія руки; дабовая, высоко подобранная юбка плотно обхватывала большой животъ и открывала тонкія ноги, обутыя въ старыя ботинки Ѳеофилы Герасимовны; большая голова, покрытая копною бѣлокурыхъ волосъ, разросшихся чуть не до бровей, походила на кочку; все лице ея было покрыто веснушками и, въ довершеніе красоты, испещрено оспой. Но что всего замѣчательнѣе было въ Лукерьѣ, такъ это сердце. Сердце ея любвеобильное походило на постоялый дворъ: кто только хотѣлъ, тотъ и заѣзжалъ въ него свободно... Ѳеофила Герасимовна любила Лукерью, это была ея „правая рука“.

Послѣ обѣда Ѳеофила Герасимовна пришла въ кухню и принесла большой, новый бумажный платокъ, въ ко-

торомъ оказалась завернутою бутылка вина. Лукерья въ недоумѣніи смотрѣла на хозяйку, вѣроятно задаваясь вопросомъ: для чего она принесла платокъ? Вино Лукерью не удивляло.

— Ну, што, Лукерьюшка, чего слыхать хорошаго?

— Ничего, матушка Ѳифила Гарасимовна, не слыхать хорошаго,—отвѣтила Лукерья, склонивъ голову на правую руку, поддерживаемую лѣвой.—Ребята шибко грозятся. Васъ-то ужъ мнѣ больно жалко. Ребята говорятъ... вотъ Ѳома былъ у меня... и ее, говорятъ, затянемъ въ казарму, да тамъ... и сказать ужъ не могу... Ахъ ты, Господи! Вотъ напасть-то!

— Вотъ што, матушка Лукерьюшка, меня вѣдь Протасъ Протасовичъ къ тебѣ прислалъ, велѣлъ отдать тебѣ эту шаль и бутылку. Помоги ты нашему горю, голубушка.

— Да чего же я сдѣлаю, матушка Ѳифила Гарасимовна? Вѣдь наше дѣло бабье.

— А ты вотъ што, Лукерьюшка, сдѣлай: напередъ всего угости виномъ мужа, да поговори ему ласками... знаешь, мужа почитать надо. Я и не люблю мужа, да почитаю. Поговори...

— Што вы, Ѳифила Гарасимовна, сравняли: вашъ мужъ, али мой мужъ! Одно человѣкъ, а другое растелей. Какое ему вино: не въ коня овесъ травить!

— Нѣтъ, ты слушай, Лукерьюшка, угости мужа и поговори ему...

— Ну, ладно.

— Поговори, пусть онъ потолкуетъ съ ребятами, штобъ они не бунтовались.

— Што вы, матушка, Ѳифила Гарасимовна! Да они и его, и меня убьютъ!

— Не убьютъ, я тебѣ говорю. Пусть такъ потолкуетъ: што-де намъ, ребята, бунтоваться; никакого толку изъ этого не будетъ: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись.

— Знамо дѣло, не тяжись.

— Начальство-де пріѣдетъ, насъ же завинятъ.

— Знамо дѣло, завинятъ.

— Постой, что же еще онъ говорилъ... Ты меня, Лукерьюшка, не перебивай. Да... все равно, Митрій Горемычный хворый былъ, можетъ и самъ умеръ, можетъ ему умереть надо было, а тутъ грѣхъ случился—ударилъ Протасъ Протасовичъ разъ-другой, а ему какъ разъ въ это время умереть надо было...

— Знамо дѣло, грѣхъ.

— Постой, не перебивай меня... Чего же еще онъ говорилъ... Да... што съ хозяиномъ жить въ ладу лучше всего: и жалованьемъ не обидитъ, и въ выпискѣ—чего хочешь бери—не откажетъ, и пьянъ будешь, и носъ въ табакѣ.

Лукерья изобразила на лицѣ своемъ широкую улыбку.

— Чего же еще онъ говорилъ? Ей-Богу, забыла... Ну, да ладно. Ты сама, Лукерьюшка, не маленькая, знаешь, что̀ надо говорить, да и мужъ твой... А главное, вина не жалѣй, Лукерьюшка; я тебѣ дамъ сколько понадобится. Да, вотъ што еще, Лукерьюшка, поговори ты сама Недорѣзу. Онъ тебя больше послушаетъ; я знаю, онъ тебя любитъ; онъ къ тебѣ часто ходитъ, да и ты къ нему бѣгаешь.

— Што-о вы, Ѳифила Гарасимовна! Неужели вы думаете, штобъ я могла законъ переступить!.. У меня мужъ есть; я вѣдь не Ѳедора мукосѣйка!

— Да ты и не переступай законъ, а такъ поговори. Какъ онъ зайдетъ къ тебѣ, ты его угости винцомъ, да поласковѣй и поговори съ нимъ. Ну, да сама знаешь, какъ надо съ мужиками разговаривать... Потомъ поговори и другимъ ребятамъ... Да постарайся хорошенько, матушка Лукерьюшка, вина не жалѣй! Скажи всѣмъ, што мы добрые, ничего не жалѣемъ. А какъ уговоришь кого, посылай ко мнѣ или къ Протасу Протасовичу; мы еще поговоримъ... Да, пожалуйста, Лукерьюшка, постарайся! Богъ тебя наградитъ, и я не забуду. Я тебѣ дамъ къ Троицѣ свое платье—вотъ что съ красными полосками—ситцевое, знаешь? только постарайся... Жалованья и тебѣ, и мужу прибавимъ, и вина вамъ не пожалѣемъ.

— Ладно, матушка, Ѳифила Гарасимовна, все сдѣлаю, какъ говорили, ужъ постараюсь, ничего не пожалѣю; только не забудьте послѣ и насъ.

— Не забудемъ, не забудемъ, — говорила Ѳеофила Герасимовна, выходя изъ кухни.

Оставшись одна, Лукерья прежде всего налила изъ бутылки чайную чашку вина, выпила залпомъ и крякнула по-мужски, потомъ примѣрила новый платокъ и спрятала его на кровати подъ шубой. Перспектива новаго платья, прибавки жалованья и ежедневной вышивки вскружила голову Лукерьи. Она рѣшилась дѣйствовать всѣми силами чрезъ своихъ поклонниковъ, въ которыхъ не имѣла недостатка, и стала съ нетерпѣніемъ ждать вечера.

Ѳеофила Герасимовна сходила съ докладомъ къ мужу, получила новую инструкцію и отправилась въ хлѣбопекню. Хлѣбопекня, загроможденная двумя большими русскими печами, ларями съ мукой и печенымъ хлѣбомъ и чанами съ тѣстомъ, стояла неподалеку отъ кухни. Войдя въ хлѣбопекню, Ѳеофила Герасимовна увидѣла у ларя Ѳедору, окруженную бѣлымъ облакомъ мучной пыли. Эта вѣчно напудренная красавица, кокетливо повязавшая бѣлымъ платкомъ голову, стояла съ рѣшетомъ и сѣяла муку. Ѳедора была молодая, стройная баба. На бѣломъ лицѣ ея рѣзко оттѣнялись черные хитрые глаза. Ѳеофила Герасимовна недолюбливала Ѳедору за то, что Протасъ Протасьевичъ каждый день заходилъ къ ней въ хлѣбопекню и проводилъ тамъ время больше, чѣмъ требовалось употребить на осмотръ хлѣбовъ.

— Здравствуй, Ѳедорушка! Што подѣлываешь?

— Одно дѣло, Ѳифила Гарасимовна: муку сѣю.

— А Василій твой гдѣ?

— Не знаю, вышелъ куда-то.

— Меня, Ѳедорушка, Протасъ Протасовичъ къ тебѣ послалъ.

— Чего ему надо отъ меня?—спросила Ѳедора, останавливаясь сѣять муку.

— Онъ тебѣ на платье вотъ послалъ,—сказала Ѳеофила Герасимовна, вынимая изъ-подъ шали кусокъ ситца.

— За что такая милость?

— Ты бери, знай, не спрашивай, къ Троицѣ еще будетъ.

— И за это спасибо,—проговорила Ѳедора, принимая ситецъ.

Ѳеофила Герасимовна помолчала немного, понюхала табаку и посмотрѣла въ потолокъ, соображая, съ чего начать ей разговоръ.

— Вотъ што, Ѳедорушка, тебя Протасъ Протасовичъ просилъ шибко помочь...

— Въ чемъ?

— Поговори ты ребятамъ, штобы они не бунтовались.

— А сами-то вы што не поговорите имъ?

Ѳеофилѣ Герасимовнѣ и такъ нелегко было разговаривать съ Ѳедорой, а когда та еще посовѣтовала ей самой поговорить съ ребятами и она вспомнила недавнюю сцену, происшедшую вслѣдствіе разговора съ ними мужа ея, то и совсѣмъ растерялась, забыла, о чемъ надо было говорить съ Ѳедорой, хотя сущность разговора съ ней должна быть та же, что и съ Лукерьей.

— Ты вотъ што, Ѳедорушка, сходи лучше сама къ Протасу Протасовичу; онъ тебя звалъ,—проговорила Ѳеофила Герасимовна и вышла изъ хлѣбопекни. Постояла немного на крыльцѣ, подумала о чемъ-то, поковыряла въ носу пальцемъ и отправилась въ конюховскую. Здѣсь она также посекретничала со старымъ конюхомъ и оставила ему бутылку водки.

На пріискахъ жилъ трехъ-аршинный старикъ Лука. Хата Луки стояла поодаль отъ другихъ построекъ стана, на небольшомъ возвышеніи. Хата эта была небольшая, всего пять аршинъ въ длину и четыре въ ширину; построена изъ тонкаго лѣса въ четырехъ столбахъ; снаружи и внутри обмазана глиной. Освѣщалась она тремя окошечками, согрѣвалась небольшою каменною печью, кото-

рая въ то же время служила и плитой. Самъ Лука на своихъ плечахъ носилъ на эту хату лѣсъ и построилъ ее въ свободное послѣ работъ время. — „Вонъ хохолъ, какъ медвѣдь таскаетъ лѣсъ на берлогу“,—смѣялись рабочіе, когда Лука строилъ хату. И дѣйствительно, Лука и по силѣ, и по характеру смахивалъ на медвѣдя: необщителенъ былъ и не любилъ болтать. Въ работѣ — подкайловалъ ли онъ забой, или отваливалъ его ломомъ — только пыхтѣлъ да сопѣлъ; изрѣдка развѣ скажетъ возчику, когда тотъ долго устанавливаетъ къ забою таратайку: „стойть!“ Товарищи уважали въ Лукѣ силу, никто не смѣлъ поглумиться надъ его нелюдимостью. Разъ только Недорѣзъ позволилъ себѣ сказать Лукѣ, что на свѣтѣ есть три хохла, но онъ получилъ отъ суроваго старика такой сильный ударъ кулакомъ по головѣ, послѣ котораго цѣлый день ходилъ какъ шальной.

Лука жилъ въ своей хатѣ не одинъ; у него была собака Арапка и, кромѣ того, товарищъ, такой же какъ и самъ молчальникъ — Матвѣй Палатовъ. Это былъ молодой рабочій, чрезвычайно мягкосердый. Богъ знаетъ, откуда взялся такой среди растлѣнной толпы посельщиковъ, среди озлобленныхъ, надорванныхъ людей, среди грубой, закаленной, суровой семьи золотопромышленныхъ рабочихъ. Какъ занесло его, какое злое дѣло — онъ не говорилъ, въ то время, когда другіе разсказывали цѣлыя эпопеи и исторіи своей ссылки и приключеній. Коварная ли красавица загубила жизнь этого человѣка, поднялъ ли недобрый товарищъ бѣшеное чувство этого сдержаннаго, но пылкаго человѣка, не

стерпѣлъ ли онъ несправедливой обиды, Богъ знаетъ! Иногда онъ совершенно молчалъ, какъ и старый Лука—цѣлыми днями, но иногда сквозила въ немъ какая-то дѣтская нѣжность. Можетъ быть, эта старческая доброта и потребность привязанности ребенка къ кому-нибудь свели ихъ незамѣтно. Сошлись они жить безъ подготовленій. Когда Лука таскалъ бревна для своей избы, въ свободную минуту, окончивъ работу, сначала шутя, помогалъ и Палатовъ, а потомъ самъ увлекся постройкой. При концѣ постройки они начали называть оба избу „нашъ балаганъ", а разъ вышло, что балаганъ—нашъ, то странно было Матвѣю не обновить его. Выспавшись въ немъ, Матвѣй попробовалъ удалиться, думая, что Лука предпочтетъ жить одинъ, но, уйдя въ казарму ночевать, на другую ночь пришелъ къ Лукѣ. Лука же на другой день сказалъ: „что, развѣ казарменныя-то нары мягче?" и этимъ положилъ конецъ отлучкамъ Матвѣя.

Судьба соединила такимъ образомъ старика и молодого. Оба они были молчаливы. Только молчаніе ихъ было неодинаково. Лука молчалъ сурово, угрюмо; Матвѣй Палатовъ—серьезно. Лука молчалъ, когда вся артель галдѣла, потому что не хотѣлъ повторяться, или онъ находилъ свѣтъ вообще слишкомъ легкомысленнымъ и глупымъ и, такъ сказать, предпочиталъ старческо-философское созерцаніе. Молодой Матвѣй не говорилъ потому, что часто не видѣлъ проку въ однихъ словахъ, но глубоко чувствовалъ. Лука представлялъ изъ себя силу старую, отживающую; не любилъ вмѣшиваться въ дѣла артели и пріисковаго управленія и говорилъ: „моя хата съ краю"...

Палатовъ представлялъ силу новую, развивающуюся, отзывчивую: онъ принималъ близко къ сердцу каждую несправедливость, какъ будто бы эта обида была нанесена ему самому. Но сила Палатова была сила скрытая; онъ не любилъ рисоваться, не любилъ выскакивать впередъ, не любилъ тратить словъ на разговоры ни съ Шниперомъ, ни съ артелью. Палатовъ былъ молодъ, статенъ и красивъ. Смуглый цвѣтъ лица и черные, выразительные глаза дѣлали его похожимъ на жителя южныхъ странъ. Человѣкъ онъ былъ горячій, только, къ сожалѣнію, малоопытный, въ особенности въ пріисковой жизни, какъ новичокъ. Впрочемъ артель любила его за справедливость; онъ не позволялъ сильному обидѣть слабаго и всегда принималъ сторону послѣдняго. Разъ, когда Дмитрій Горемычный работалъ вмѣстѣ съ Недорѣзомъ и послѣдній ругалъ его за безсиліе, называя бабой,—Палатовъ, работавшій въ одномъ забоѣ съ Недорѣзомъ, обругалъ его самою обиднѣйшею для пріисковаго рабочаго бранью, выражающею понятіе о распутной женщинѣ, пригрозилъ кайлой и сказалъ Дмитрію: „иди, горемыка, работать лучше со мной“. Съ тѣхъ поръ упрочилось за Дмитріемъ прозваніе „Горемычный“. Палатовъ терпѣливо работалъ съ нимъ до того времени, когда онъ слегъ въ больницу.

12-го мая, поздно вечеромъ, когда Палатовъ съ товарищемъ своимъ Хохломъ улегся уже спать, къ нему пришелъ изъ больницы возчикъ Гущинъ и объявилъ новость. Лука посмотрѣлъ молча и перекрестился. Палатовъ поблѣднѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ одѣваться и сказалъ Гущину:

— Пойдемъ!

— Куда?—спросилъ тотъ.

— Въ больницу,—отвѣчалъ Палатовъ.

Все время онъ былъ странный. Прійдя туда, Палатовъ увидалъ Горемычнаго лежащимъ на койкѣ. Волоса его были всклочены, на губахъ запеклась кровь, лицо покрылось блѣдно-желтымъ цвѣтомъ смерти. Палатовъ долго смотрѣлъ на него молча. Что онъ думалъ въ это время, Богъ его знаетъ.

Глаза его сдѣлались влажны; онъ хотѣлъ отвернуться, но вдругъ ноги его подкосились, и онъ зарыдалъ громко навзрыдъ, какъ ребенокъ, такъ что Гущинъ былъ изумленъ. Никогда онъ не слыхалъ слезъ, кромѣ бабьихъ.

IV.

Дѣло на ладъ пошло.

Въ первый же день бунта, вечеромъ, при огняхъ явился къ Шниперу Ѳома Недорѣзъ, немного навеселѣ. Вошелъ и сталъ въ прихожей у двери кабинета, гдѣ стоялъ боченокъ съ виномъ. Шниперъ аттаковалъ Недорѣза сразу, придерживаясь своей тактики забрасывать словами и, хватаясь за послѣднее слово противника, сбивать его съ основной мысли, придавать его рѣчи другой смыслъ и понемногу, осторожно подводить къ желаемой цѣли.

— А! здравствуй, Ѳома!.. Ну, скажи мнѣ на милость, какъ тебѣ не грѣхъ лѣзть изъ кожи изъ-за какой-нибудь

дряни? Что тебѣ Митька—братъ или сватъ? Да не ты ли нѣсколько разъ обязательно просилъ меня перемѣнить его, когда онъ работалъ у тебе внакатѣ? Вѣдь ты обязательно долженъ знать, что онъ былъ больной, пропащій.

— Да оно правда, Протасъ Протасовичъ, што онъ былъ нездоровый,—отвѣтилъ Недорѣзъ, почесывая, затылокъ.—А все-таки...

— А все-таки не стоило кричать изъ-за такой дряни. Вѣдь онъ не сегодня-завтра и такъ бы подохъ. Ну, стоитъ ли намъ ссориться изъ-за такихъ пустяковъ? Ты работникъ у меня хорошій, первый, а кричишь больше всѣхъ. Ну, да я не сержусь на тебе, я знаю, что ты самъ бы не сталъ кричать, тебе кто-нибудь подучилъ, обязательно подучилъ.

— Кому подучать, Протасъ Протасычъ,—своя дурь.

— Ну вотъ, давно бы такъ! На-ко, выпей лучше стаканъ.

Недорѣзъ принялъ отъ Шнипера большой стаканъ, процѣдилъ вино черезъ зубы, причмокнулъ языкомъ и сказалъ:

— Эко хорошее вино сегодня у тебя, Протасъ Протасычъ; а раньше...

— И всегда будетъ такая хорошая, обязательно, только самъ будь хорошъ. Служи, какъ служилъ менѣ раньше, ничего не пожалѣю: и жалованья дамъ больше всѣхъ, и выписку бери, чего хочешь, и вино пей, сколько хочешь.

— Ладно, кабы все эфто сбылось, Протасъ Протасычъ.

— Что же ты, Ѳома, мнѣ не вѣришь? Ты мене обижаешь. Неужели ты думаешь, что я погонюсь за какимъ-нибудь пустякомъ? Ну, что значитъ для мене прибавить два-три рубля въ мѣсяцъ? Плюнуть! А тебѣ это разсчетъ.

— Знамо дѣло, Протасъ Протасычъ, нашему брату и два рубли разсчетъ. Вонъ какъ чертомелишь за нихъ,— замѣтилъ Недорѣзъ, показывая мозолистыя руки.

— Ну вотъ, то-то и есть!.. договорился же самъ. А работай какъ слѣдуетъ, не ссорься съ хозяиномъ, и не два рубля получишь, а побольше. Въ лѣто-то, гляди, и набѣжитъ рублей двадцать-тридцать, обязательно... Нако выпей еще.

Недорѣзъ выпилъ еще стаканъ, и удовольствіе разлилось по всему его лицу: вино, прибавка жалованья, выписка, брали свое.

— Вѣдь хорошему работнику, какъ ты,—продолжалъ Шниперъ:—вездѣ житье.

— Знамо дѣло, я нигдѣ не пропаду, — началъ бахвалиться Недорѣзъ. — Я могу — хошь въ забой меня поставь, хошь на шурфъ, хошь машину строить,—я вездѣ могу...

— Такихъ-то работниковъ я и люблю. Что бы я сдѣлалъ безъ такихъ работниковъ? Ну, скажи менѣ на милость, что бы я сдѣлалъ съ какимъ-нибудь Митькой?

— Да чего и говорить, Протасъ Протасычъ, про Митьку! во всемъ пропащій былъ. И зачѣмъ только лѣшій носитъ ихъ такихъ на пріиски! Сидѣли бы себѣ дома на печи.

— Наконецъ-то я услышалъ отъ тебе, Ѳома, умная

слово! Митька—такая дрянь, о которой не стоитъ и гововорить, а тѣмъ паче заводить ссору.

— Да, правду сказать, Протасъ Протасычъ, не мы и ссору завели.

— А кто же?

— Кто... да Матюшка Палатовъ. Онъ все кричалъ: не дадимся, говоритъ, отомстимъ... А чего тутъ...

— А тебѣ что Палатовъ: тятя, что ли? — началъ Шниперъ затрогивать самолюбіе Недорѣза.—Что ты развѣ учился у него работать? Да ты самъ такихъ Палатовыхъ пятерыхъ за поясъ заткнешь.

Шниперъ замолчалъ, выжидая и наблюдая дѣйствіе вина на Недорѣза и соображая, съ которой стороны лучше приступить къ цѣли.

— Вотъ ты, Ѳома, самъ же говоришь,—началъ опять Шниперъ:—что Митька былъ пропащій.

— Ни къ чорту не годился!

— Ну и я написалъ такъ въ бумагѣ, что онъ былъ больной. Много ребятъ ужъ подписалось. Подпиши-ка и ты на мировой.

— Нѣтъ, бумагу я не буду подписывать.

— Да-ты и не подписывай, а дай руку Ѳедору Григорьевичу, онъ подпишетъ за тебя.

— Нѣтъ, и руки не дамъ.

— Что же, ты Палатова испугался? Эхъ, Ѳома, Ѳома, да тебѣ ли, такому молодцу, бояться Палатова!

— Што мнѣ Палатовъ! Я и не думаю объ немъ, а бумагу... Да о чемъ она?

— Фу ты братецъ! Да ты бы такъ и спросилъ

раньше... Да о томъ, что Митька былъ больной. Вѣдь ты самъ же говоришь, что онъ былъ пропащій.

— Ну, къ этому я могу подписаться. А кто еще подписался?

— Да всѣ: Хохловъ, Богомазъ, Перфильевъ и другіе.

— Ну, такъ на и мою руку.

— Ѳедоръ Григорьевичъ, подпишись за него,—обратился Шниперъ къ Крученому.

— Постой! Ты прочитай бумагу-то,—замѣтилъ Недорѣзъ.

— На-ко вотъ лучше выпей. Что обманывать что-ли будутъ тебя?

Шниперъ подалъ Недорѣзу третій стаканъ. Недорѣзъ выпилъ и вскорѣ охмѣлѣлъ совсѣмъ.

— Дай-ка мнѣ, Протасъ Протасычъ, покурить! У тебя табакъ-то, поди, хорошій?

Шниперъ поморщился, но далъ Недорѣзу сигару и подставилъ свѣчу. Недорѣзъ сталъ закуривать, но сигара не курилась.

— Не съ того конца закуриваешь,—замѣтилъ Крученый.

— Тьфу ты, чортъ съ тобой! Цыгара и куриться не хочетъ!—плюнулъ Недорѣзъ и пошелъ изъ дома.

— Постой, Ѳома!—крикнулъ ему вслѣдъ Шниперъ.— Ты смотри: что я тебѣ говорилъ—молчокъ!

— Не учи...—Недорѣзъ сказалъ при этомъ такую поговорку, услышавъ которую покраснѣла бы сама Лукерья, и вышелъ за двери.

— Ну, слава Богу, одинъ попался! — разсуждалъ

Шниперъ, отирая лысину носовымъ платкомъ.—Ажъ лобъ вспотѣлъ говорить изъ нимъ! Ну, и разбойникъ!

Вскорѣ послѣ ухода Недорѣза, Ѳеофила Герасимовна привела изъ кухни пьянаго мужа Лукерьи, Ивана Панкратова, маленькаго, плюгавенькаго мужиченку.

— Вотъ и Иванъ дуракъ пришелъ, — отрекомендовался онъ, входя въ кабинетъ.—Лукерья все говоритъ, што я Иванъ дуракъ, а сама вретъ, стерва, любитъ меня.

— Какъ не любить такого красавца!

— А што, рази хуже кого?

— Кто говоритъ, что хуже... На-ко вотъ выпей лучше.

— Давай, это наше дѣло дураковское. Ну, а еще нальешь?—спросилъ, покачиваясь, Иванъ.

— Да ты сначала подпишись.

— Пиши, къ чему знаешь!—произнесъ Иванъ, проводя во воздуху пальцемъ:—мнѣ все равно; давай только вина.

Шниперъ подалъ ему еще стаканъ и сказалъ Ѳеофилѣ Герасимовнѣ, чтобъ она поскорѣе увела его на кухню.

Послѣ Ивана Панкратова явились Василій Богомазъ и Ѳедора.

— Вотъ у мене неизмѣнные-то работники! — отрекомендовалъ Шниперъ вошедшихъ Крученому:—тольки двое и работаютъ за весь пріискъ.

— Дай-ко выпить за это,—сказала Ѳедора:—я сегодня страсть какъ пристала.—Ничего не дѣлаютъ, а хлѣба не напасешься; отдохнуть некогда.

— Изволь, голубушка, выпей.

И Шниперъ подалъ ей стаканъ, а другой Богомазу, уже порядочно охмѣлѣвшему, вѣроятно, отъ угощеній Ѳедоры.

— Чего тутъ подписать надо? — спросилъ Богомазъ, сильно ударяя на *о*.—Ѳедора говорила, да не пойму хорошенько.

— Да вотъ удостовѣреніе о смерти Митьки.

— А ну-ко, дай я прочитаю,—проговорилъ Богомазъ и, взявъ со стола удостовѣреніе, началъ читать: „Тысяча восемьсотъ“... ну, это хорошо, чего дальше: „мы ниже и-и-и...

— Нижеподписавшіеся,—подсказалъ Крученый.

— Тьфу, пропасть! Безъ очковъ какъ рябитъ; ничего не разберу... Сходи-ко, Ѳедора, за очками.

— Ладно, и такъ подпишешь.

Богомазъ продолжалъ читать, растягивая каждое слово: —„Нижеподписавшіеся ра-бо-чіе“... Ну, это хорошо.

— Да какого ты чорта читаешь! Подписывай знай,— замѣтила Ѳедора.

— Молчи! ты баба дура, не понимаешь... не мѣшай... „симъ у-до-сто-вѣ-ряемъ, что рабочій Ди-ми-т-рій Сини-цынъ умеръ во-ле-ю Бо-жі-ею отъ бо-лѣ-зни, одер-жимой“... Гм... Какъ же это отъ болѣзни?

— А также, рыло твое свиное, подписывайся, когда говорятъ, а то ты только меня и видалъ!—сердито крикнула Ѳедора.

— Ну, хорошо, чего сердиться-то! Сказано, такъ подпишу.

И Богомазъ написалъ свое имя и настоящую фамилію: „Василій Кротовъ“.

— Да што тутъ мало подписалось, только двое, да я третій?—спросилъ онъ.

— Какъ мало? Хохолъ далъ руку, Перфильевъ, и еще найдутся, — отвѣтилъ Шниперъ.

Вошелъ конюхъ Романъ Перфильевъ съ бутылкой въ рукѣ.

— А гдѣ мать моя Ѳифила Гарасимовна?—спросилъ онъ, заглядывая въ двери.

— Я здѣсь!—отозвалась Ѳеофила Герасимовна изъ зала.

— Бутылку вотъ принесъ, матушка!

— Кто это тамъ? А, это ты, Романъ?—сказалъ Шниперъ.—Мнѣ тебя надо. Что лошади всѣ здоровы?

— Слава Богу, здоровы, Протасъ Протасычъ; я лошадей соблюдаю.

— Ну, и спасибо за это. Подпиши-ка вотъ удостовѣреніе о смерти Митьки.

— Ладно, пишите, Протасъ Протасычъ. Развѣ я когда спорилъ о чемъ?

Ѳеофила Герасимовна увела Перфильева изъ дома, вѣроятно для того, чтобъ исполнить обѣщаніе насчетъ пополненія бутылки.

— Ну, слава Богу, четверо есть!—разсуждалъ Шниперъ:—а двоихъ еще какъ-нибудь наберу. Главное, этотъ подлецъ Недорѣзъ попался, да еще въ первую голову. Ну, молодецъ баба эта Лукерья! Фельдшера еще поддѣпить...

— Поди собери на столъ закуску, достань вина, ромъ, коньякъ, мадеру!—сказалъ женѣ Шниперъ и послалъ за фельдшеромъ.

Ѳеофила Герасимовна, надувъ губы, молча отправилась въ кладовую. Но не успѣла она исполнить и половины порученія, какъ въ домъ явился фельдшеръ Волосковъ. Это былъ франтъ, ходилъ всегда въ сюртукѣ, вспрыснутомъ какими-то духами изъ аптеки; носилъ постоянно чистую бѣлую сорочку и зачесывалъ волосы съ проборомъ по срединѣ. Волосковъ служилъ на пріискахъ первый годъ. Шниперъ принялъ его ласково, просилъ садиться и предложилъ табаку. Вслѣдъ за Волосковымъ принесла Лукерья самоваръ и поставила въ залѣ на столѣ; на другомъ столѣ Ѳеофила Герасимовна разставила вина и закуску и усѣлась разливать чай. Шниперъ принесъ къ чаю бутылку рому.

— Неполный стаканъ наливай, Ѳитя! Я ему архіерейскихъ сливокъ подолью,—предупреждалъ Шниперъ жену.

За чаемъ разговорился онъ съ фельдшеромъ о его родинѣ, спросилъ и о городѣ, въ которомъ онъ получилъ образованіе.

— Я, Протасъ Протасовичъ, получилъ домашнее-съ воспитаніе, — объяснялъ Волосковъ: — а фельдшерскому искусству научился въ военномъ госпиталѣ.

— Стало быть, вы въ военной службѣ были, Семенъ Ивановичъ?

Подливая рому во второй стаканъ Волоскова, Шниперъ спросилъ:

— Ну, а какъ у насъ больные?

— Слава Богу, ни одного нѣтъ-съ.

— Положимъ, не совсѣмъ славу Богу... Ну, а какъ рабочіе... съ Митькой?

— Не даютъ хоронить.

— Ну, и пусть ихъ гноятъ.

— Разумѣется, если бы сгноили—лучше, знаковъ не будетъ.

— И такъ не будетъ знаковъ... обязательно. Неужели вы думаете, Семенъ Ивановичъ, что я допущу до того, чтобъ его стали потрошить? Вотъ посмотрите...

Шниперъ всталъ изъ-за стола, пошелъ въ кабинетъ, вынесъ оттуда удостовѣреніе и подалъ Волоскову.

— Вотъ прочитайте-ка.

Волосковъ прочиталъ удостовѣреніе и, возвращая его Шниперу, спросилъ:

— Развѣ похоронятъ по этому?

— А то какъ бы вы думали! Да у насъ, на пріискахъ,—сказалъ, улыбаясь, Шниперъ:—голову отруби, да напиши удостовѣреніе, что умеръ волею Божіею—и то похоронятъ. Только знаешь что, Семенъ Ивановичъ,—продолжалъ Шниперъ:—менѣ нужно бы еще... Не желаете ли еще чаю?

— Нѣтъ-съ, благодарю!

— Ну, такъ пожалуйте водочки, — угощалъ Шниперъ.—Знаешь ли, Семенъ Ивановичъ,—продолжалъ Шниперъ прерванный за чаемъ разговоръ:—менѣ нужно еще удостовѣреніе отъ тебе, не для начальства, а такъ, на всякій случай.

— Какое удостовѣреніе?

— О болѣзни этого Горемычнаго — настоящая фамилія его Синицынъ. Скажи по совѣсти: вѣдь онъ дѣйствительно былъ боленъ? Я самъ замѣчалъ это...

— Да, у него малокровіе или сердцебіеніе. Только вы сами не велѣли имъ говорить о болѣзняхъ, а приказали говорить, что всѣ здоровы.

— Ну, вотъ! менѣ тольки и нужно... Напишите такъ: было малокровіе или сердцебіеніе—и больше ничего.

— Это можно, — согласился Волосковъ и пошелъ вмѣстѣ съ Шнипером въ кабинетъ. Скоро было выведено на бумагѣ нетвердымъ почеркомъ: „анимея и анервизмъ“.

— „Ого! какія болѣзни знаетъ!“—подумалъ Шниперъ.

— Ну, теперь выпить пожалуйте, Семенъ Ивановичъ. Мене ужъ извините, я не пью.

Но Семенъ Ивановичъ не нуждался въ поощреніи.

— Теперь знаешь, Семенъ Ивановичъ, какъ мы будемъ лечить больныхъ?—говорилъ Шниперъ охмѣлѣвшему Волоскову.

Семенъ Ивановичъ сидѣлъ на табуретѣ у стола съ винами и, задравъ кверху голову, вопросительно смотрѣлъ на Шнипера посоловѣвшими глазами.

— Ты видѣлъ въ аптекѣ горчичное масло?

— Видѣлъ. Да на чорта ты его много купилъ?

— А вотъ догадайся-ка. Да гдѣ тебѣ! Ты еще не знаешь нашихъ порядковъ... А вотъ я тебе научу.

— Ну, научи.

— Какъ прійдетъ къ тебѣ больной, ты возьми да и состряпай хорошій горчичникъ и полей его этимъ масломъ, да приплепай больному на такое мѣсто, чтобъ его хватило за живое... Такъ онъ такъ стриганетъ отъ тебе, что ты его въ другой разъ и не увидишь въ больницѣ!

— Ха-ха-ха!—разразился Волосковъ громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ, такъ что онъ закачался весь, откинулся назадъ, ударился головой въ раму, вышибъ стекло, согнулся, схватился за животъ и продолжалъ хохотать, приговаривая:—Ну, и проказникъ же ты, Протасъ Протасовичъ... Горчичное масло... стриганетъ... Охъ, уморилъ ты меня!

— Вамъ, Семенъ Ивановичъ, поди, спать хочется?—неожиданно спросила Ѳеофила Герасимовна.—Ужъ поздно на дворѣ.

— Нѣтъ, я еще выпью... А впрочемъ... это на дорогу... пора...

Выпивъ на дорогу, Волосковъ попрощался съ Шнипером и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, отправился спать въ свою квартиру, въ больницу. Ночь была темна. Волосковъ шелъ прямо по грязи и, смѣясь, повторялъ про себя: „горчичное масло... пришлепай... стриганетъ!“

V.

Таежное слѣдствіе.

Пятнадцатаго мая, въ полдень, конюхъ Романъ Перфильевъ залѣзъ на дворъ подбросить лошадямъ сѣнца и увидѣлъ вдали двухъ всадниковъ, спускавшихся съ горы къ пріиску.—„Должно быть, урядникъ ѣдетъ“,—проговорилъ про себя Перфильевъ и сталъ сбрасывать сѣно черезъ отверстіе, устроенное въ крышѣ. Вскорѣ всадники подъѣхали къ стану. Стая собакъ бросилась съ лаемъ къ

нимъ на встрѣчу. Изъ-за амбаровъ показалась сначала здоровая фигура военнаго съ громадными усищами, сидѣвшаго на сивомъ конѣ, а потомъ вынырнулъ маленькій, проворный казакъ Благодатнаго пріиска. Всадники подъѣхали къ крыльцу хозяйскаго дома. Первая встрѣтила ихъ на крыльцѣ Ѳеофила Герасимовна.

— А! Лазарь Ивановичъ! здравствуйте, батюшка! Мы давно васъ ждемъ,—привѣтствовала хозяйка гостя.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали, — проговорилъ Лазарь Ивановичъ, соскакивая съ коня и передавая его казаку.— Что, развѣ соскучились безъ меня?

— Какъ-же, батюшка... Да ты все полнѣешь да хорошѣешь, Лазарь Ивановичъ! Смотри-ка, лицо-то какое у тебя: ей-Богу, если приткнуть лучинку — загорится! Што бы моему мужу быть такому!—наговаривала Ѳеофила Герасимовна, отворяя гостю двери.

— А Протасъ Протасовичъ дома?—спросилъ Лазарь Ивановичъ, подавая руку Ѳеофилѣ Герасимовнѣ.

— Дома, батюшка. Нездоровъ. Пожалуйте!

Изъ кухни выглядывала на пріѣхавшихъ фигура Лукерьи, стоявшей въ дверяхъ, точно картина въ рамѣ; изъ-за спины ея виднѣлась голова „Ивана-дурака“; изъ хлѣбопекни высунула въ двери напудренную голову мукосѣйка Ѳедора; изъ дверей казармы вышло нѣсколько рабочихъ.— „Урядникъ пріѣхалъ“,—говорили одни.— „Урядникъ пріѣхалъ“,—повторяли другіе, и въ одну минуту весь станъ зналъ, что пріѣхалъ урядникъ.

Въ домѣ встрѣтилъ урядника Шниперъ, съ ясной улыбкой на лицѣ и смиреннымъ видомъ непорочнаго чело-

вѣка. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій урядникъ прошелъ въ кабинетъ и опросилъ Шниперa:

— Что такое у васъ случилось здѣсь?

— Буянятъ!—коротко и многозначительно отвѣтилъ Шниперъ.

— Изъ-за чего?

— И самъ не знаю...

— Говорятъ, убійство...

— Врутъ, ей-Богу, врутъ, Лазарь Ивановичъ! — Вотъ, вѣришь Богу (Шниперъ набожно перекрестился и сѣлъ на кровать)—пальцемъ не тронулъ! Даже не поругалъ... Пришелъ въ больницу, смотрю—больной.—Ты что? спрашиваю.—Нездоровъ, говоритъ. Я повернулся и ушелъ, а онъ вскорѣ послѣ меня умеръ... Ну, и говорятъ, что я убилъ; а я, ей-Богу, пальцемъ не тронулъ.

— Послушай, Протасъ Протасовичъ,—дружески продолжалъ урядникъ:—а если знаки окажутся да свидѣтели найдутся? Говори мнѣ, пожалуйста, правду, не финти, а то вѣдь можно всю обѣдню испортить.

— Что же знаки? Знаки могутъ быть: больной человѣкъ упалъ изъ койки — вотъ и знаки. А свидѣтели? Какіе свидѣтели—поселенцы, да и тѣ мои рабочіе? Кто имъ повѣритъ! Развѣ можно вѣрить рабочему? Онъ со злости можетъ сказать, что я и его убилъ. Ей-Богу, клянусь тебѣ, какъ честный человѣкъ—пальцемъ не тронулъ! Клянусь!

— Встань, не божись, пожалуйста! Если ты правъ, нечего божиться. Я такъ поведу и дѣло... Вели позвать казака, мнѣ нужно собрать понятыхъ.

Въ словахъ урядника звучало раздраженіе и слышалась угроза. Шниперъ струсилъ и повелъ такую несладную рѣчь:

— Лазарь Ивановичъ, ради Бога, не сердись! Ей-Богу... куда же ты торопишься?.. Не успѣлъ пріѣхать и скорѣе свидѣтельствовать больного... то-есть убитаго... то-есть, чортъ его знаетъ, какъ его... покойника. Да ты посиди хоть немного, пообѣдай у мене!

— Мы съ тобой, Лазарь Ивановичъ, жили дружно,— началъ Шниперъ, когда урядникъ усѣлся: — никогда не ссорились... Я на тебе тольки надѣялся и надѣюсь. Помоги ты, ради Бога, моему горю, чтобъ рабочіе не бунтовались, чтобъ пошли они на работу.

— А покойникъ?

— А покойника ты освидѣтельствуй и вели похоронить.

— А знаки?

— Знаки ты запиши себѣ на память.

— А кто послѣ будетъ отвѣчать, когда пріѣдетъ исправникъ?

— Къ тому времени и покойникъ сгніетъ, и знаки сгніютъ... Ты тольки издѣлай, Лазарь Ивановичъ, какъ слѣдуетъ,—никто не будетъ отвѣчать. Ты знаешь, я въ долгу не останусь: тебѣ другіе золотопромышленники платятъ по пятидесяти копѣекъ съ человѣка, а я разсчитаюсь изъ тобой какъ зъ исправникомъ: я тебѣ дамъ по два рубля, даже по три.

Получить по три или хотя по два рубля съ человѣка, когда команда состояла изъ семидесяти рабочихъ, для

урядника было пріятно; но онъ все-таки колебался дать слово помочь Шниперу, не составилъ опредѣленнаго плана этой помощи.

— Послушай, Протасъ Протасовичъ! — продолжалъ болѣе снисходительно возражать урядникъ: — я вѣдь не могу скрыть отъ исправника этого случая; я обязанъ донести о смерти рабочаго.

— Да я и не прошу тебе скрывать, ты и доноси. Вотъ тебѣ и документы,—проговорилъ Шниперъ, вынимая изъ кармана удостовѣренія рабочихъ и фельдшера, и, подавая ихъ уряднику, добавилъ смыслъ донесенія исправнику:—рабочій умеръ своею смертью.

Урядникъ прочиталъ удостовѣренія о естественной смерти Горемычнаго, посмотрѣлъ и выпучилъ глаза.

— Какъ ты это ухитрился достать удостовѣреніе отъ бунтовщиковъ?

— Не спрашивай, пожалуйста,—не легко было. Ты только помоги менѣ, Лазарь Ивановичъ, ради Бога, а ужъ я своему слову хозяинъ. Отсохни у мене руки и ноги, если я обману тебе, Лазарь Ивановичъ! Отнимись языкъ! Я бы изъ тобой сейчасъ же разсчитался, да ты знаешь, теперь ни у кого нѣтъ денегъ. Вотъ осенью получу деньги за золото—съ благодарностью за все разсчитаюсь. Повѣрь Богу!

Урядникъ понялъ Шнипера или, по крайней мѣрѣ, понялъ желаніе его.

— Помочь, отчего не помочь, если это нечаянно стряслось съ тобой!—сказалъ задумчиво урядникъ.

— Вотъ тебе...—забожился опять успокоенный уже Шниперъ.

Закусивъ изрядно, урядникъ приказалъ собрать народъ.

Пестрая гурьба черныхъ лицъ и тѣлъ въ разнообразныхъ лохмотьяхъ волновалась у крыльца, когда онъ вышелъ.

— Ну, что, ребята, подѣлываете?

— Ждемъ начальство, — отвѣтили рабочіе, снимая шапки.

— Какое вамъ нужно начальство: меня или исправника?

— Надо бы исправника...

— А для чего вамъ исправникъ?

— Заявить объ убійствѣ...

— А отчего вы на работы нейдете?—сказалъ, прищурившись, урядникъ.

— Оттого, что прежде надо слѣдствіе узнать, если Шниперъ супротивъ закона...

Но здѣсь урядникъ рѣшился остановить разглагольствіе выдвигавшихся и начинавшихъ галдѣть рабочихъ. Онъ рѣшился воспользоваться минутой и измѣнить постановку вопроса.

— А вы подписывали контрактъ? — спросилъ онъ быстро.

— Кто его знаетъ, ваше поштеніе, къ чему подписываемся,—отозвался Иванъ Понимаешьли.—Кажется, пьяный и што хошь на себя подпишетъ.

— А кто вамъ велитъ наниматься пьянымъ?

— Такой ужъ у насъ обычай, понимаешь-ли, ваше почтеніе: даютъ—такъ бери, а бьютъ—такъ бѣги. Сами знаете, какъ насъ нанимаютъ: задобрятъ сначала винцомъ, а потомъ, понимаешь-ли...

— Понимаешь-ли, понимаешь-ли! — передразнилъ урядникъ. Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Ну, значитъ, и пенять не на кого, и толковать нечего: нанялся—продался; денежки дадутъ... такъ работай!—заключилъ урядникъ и затѣмъ, обратясь къ казаку, сказалъ:

— Принеси мнѣ уставъ о частной золотопромышленности.

Казакъ принесъ изъ хозяйскаго дома книгу и подалъ ее уряднику. Тотъ развернулъ, перебросилъ нѣсколько листовъ и, обратясь къ рабочимъ, спросилъ:

— Кто грамотный? Подойди!

Подошелъ Палатовъ. Урядникъ передалъ ему книгу и сказалъ:

— Читай вотъ громче 618-ю статью уложенія о наказаніяхъ.

Палатовъ началъ читать:—„Статья 618 (по продолженію 1871 г.). „Рабочіе при частныхъ золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ, на земляхъ казенныхъ и кабинета, за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или приказчику, оказанное на пріискѣ цѣлою артелью, подвергаются наказаніямъ по статьямъ: 263—266, 268, 269 и 272 сего уложенія, о возстаніи противъ властей, правительствомъ установленныхъ“.

— Поняли? — спросилъ урядникъ, когда Палатовъ кончилъ чтеніе.

— Какъ не понять! — раздались голоса: — только Шниперъ самъ... Вы его судите.

— Это не мое и не ваше дѣло, — возразилъ урядникъ. — Шниперъ будетъ отвѣчать предъ закономъ, я его также не оставлю. Чтобъ были готовы понятые! — сказалъ онъ скоро.

Рабочіе переглянулись; они не ожидали такого приступа, думали — урядникъ, закусивъ у Шнипера, ни за что не будетъ производить слѣдствія.

— Вотъ что, ребята, — обратился урядникъ къ рабочимъ: — я не имѣю права скрывать убійства, если оно было. Я поступлю по закону. Вы не имѣете права отказываться отъ работы, а я буду дѣлать, что долженъ. Я освидѣтельствую трупъ, и такъ какъ на пріискахъ нѣтъ ледниковъ, то положу его во временную могилу, составлю актъ и донесу обо всемъ исправнику... Ну, выходите же, понятые!

Вышли Недорѣзъ, Семка и еще двое рабочихъ. Урядникъ съ этими понятыми отправился къ амбару, гдѣ хранился трупъ Горемычнаго. Остальные рабочіе послѣдовали за ними. У амбара расхаживалъ съ палкою въ рукахъ очередной караульный Убродный.

— Отворяй амбаръ! — скомандовалъ урядникъ.

Убродный посмотрѣлъ вопросительно на товарищей и отворилъ амбаръ. Урядникъ вошелъ туда съ понятыми. Рабочіе стали у дверей. Горемычнаго вынули изъ гроба и раздѣли. Урядникъ, описавъ мѣсто храненія трупа и

положеніе его, приступилъ къ описанію знаковъ: „волосы всклокочены, на груди, съ лѣвой стороны, пятно“,—записывалъ онъ вслухъ:—„на правомъ боку два пятна, спина краснобагровая“. Рабочіе слушали молча.

— Записываетъ?

— Записываетъ все!—перешептывались рабочіе.—Значитъ, съ Шнипером не поладили. Не далъ!—рѣшили догадливые.

Осмотрѣвъ и описавъ трупъ, урядникъ съ понятыми, въ сопровожденіи рабочихъ, пошелъ въ больницу посмотрѣть, не осталось ли и тамъ какихъ-либо слѣдовъ преступленія.

Больница, небольшое ветхое зданіе, раздѣлялась на двѣ половины. Въ одной, чистой, помѣщался фельдшеръ и аптека, а въ другой—больные. И чего только не было въ аптекѣ Благодатнаго пріиска: перецъ стручковый, горчица; перецъ душистый, ртуть, лукъ, крѣпкая водка, чеснокъ, карболовая кислота, троелистка и всякія другія цѣлебныя травы, коренья и настойки... Все это было разставлено по полкамъ въ мѣшечкахъ, коробкахъ, жестянкахъ, бутылкахъ и пузырькахъ. Въ отдѣленіи больныхъ въ день осмотра не было ни одного больного. Войдя въ больницу, пропитанную сырымъ, тяжелымъ запахомъ, урядникъ осмотрѣлъ сначала кровати; на нихъ ничего, кромѣ грязи, не оказалось. Затѣмъ онъ сталъ внимательно присматриваться къ полу.

— Чего вы смотрите, ваше почтеніе?—спросилъ одинъ рабочій, стоявшій въ дверяхъ больницы.

—, Нѣтъ ли крови?

— Да тутъ быка зарѣзать, такъ не будетъ крови: видите ли, полъ-то какой, какъ въ конюшнѣ.

— По осмотру въ больницѣ ничего не оказалось,— проговорилъ урядникъ, и вышелъ изъ больницы; затѣмъ обратился къ понятымъ и добавилъ:—вы зайдите ко мнѣ вечеромъ, я вамъ прочитаю актъ и вы подпишитесь.

Рабочіе смотрѣли и, казалось, увѣрялись, что дѣло идетъ какъ слѣдуетъ; они были успокоены. Быстро разносилась по пріиску новость и догадки рабочихъ: Шниперъ не далъ.—Ну, доѣдутъ Шнипера!—радостно говорили рабочіе.

Окончивъ осмотръ, урядникъ позвалъ къ себѣ нарядчика Крученаго и сказалъ ему при рабочихъ:

— Распорядитесь выкопать могилу; поставьте въ нее при себѣ гробъ съ покойникомъ, да не засыпайте гробъ, а сдѣлайте такъ: устройте по срединѣ могилы поперечины, положите на нихъ доски и засыпьте сверху досокъ землей, а потомъ положите на могилу чащи потолще, чтобъ не пропекало солнцемъ.

Выслушавъ урядника, Крученый обратился къ рабочимъ со словами:

— Идите, ребята, кто-нибудь копать могилу.

Отдавая приказаніе, Крученый и самъ сомнѣвался въ успѣхѣ его. Рабочіе постояли, поговорили немного:—„не гноить же его“, сказалъ кто-то, и пошли въ казарму. Вскорѣ вышли оттуда четыре человѣка съ ломами, кайлами и лопатами и отправились копать могилу.

Урядникъ ушелъ въ хозяйскій домъ.

VI.

Таёжныя похороны.

Просты похороны пріисковаго рабочаго. Умеръ ли онъ отъ болѣзни послѣ недѣльнаго ненастья, простудившись въ разрѣзѣ, схватило ли его послѣ какого-то подозрительнаго куска солонины, скорбутъ ли его съѣстъ, злая ли горячка, задѣнетъ ли его машиной, или тяжелая, гнѣвная рука управляющаго совершитъ надъ нимъ расправу, какъ надъ Горемычнымъ, все равно, другая холодная, безучастная рука въ конторѣ вычеркнетъ его изъ списковъ, и чуждые, закинутые со всѣхъ концовъ земли русской невольные товарищи сдѣлаютъ ему холодное ложе въ таёжной почвѣ.

Въ холодное, сырое утро, когда будетъ моросить дождь, вынесутъ его изъ мертвецкой. Безъ того неприглядень онъ былъ живой, а теперь этотъ синій, сухой мертвецъ въ рубищѣ будетъ еще неприглядиѣе.

Суровые забойщики ждутъ у могилы съ кайлами и лопатами, чтобы поскорѣе закопать покойника. Нищій и убогій, онъ ляжетъ, какъ бы для ироніи, въ ту почву, гдѣ лежитъ богатство и золото, которое ему никогда не доставалось. Молчаливая, суровая толпа окружила наскоро сколоченный гробъ Горемычнаго.

Только одинъ старикъ, сѣдой, какъ лунь, Агѣичъ, сорокъ лѣтъ проведшій на пріискахъ караульнымъ, старовѣръ, долго спасавшійся въ тайгѣ, какъ единственный набожный человѣкъ, произнесетъ надъ нимъ молитву изъ

своей старой кожаной книги. Въ рукахъ этого старика маленькій желтый огарокъ восковой свѣчки. Вотъ и все христіанское напутствіе.

Золотопріискатели, создавая храмы въ большихъ городахъ, никогда не заботились на пріискѣ ни о церкви, ни о священникѣ. Они старались, чтобы среди рабочихъ не было религіознаго чувства. На пріискахъ не нужно было другого Бога, кромѣ золота, кромѣ металла. Здѣсь все стремилось развратить человѣка, лишить его утѣшенія, вѣры; но Богъ жилъ въ душѣ даже закинутаго, обезличеннаго и униженнаго человѣка.

Когда принесли скромный гробъ Горемычнаго, толпа сняла шапки. Хриплымъ голосомъ читалъ старикъ Агѣичъ молитву: „Упокой, Господи, душу раба твоего!“

Толпа заволновалась, закрестилась, по чернымъ загорѣлымъ лицамъ рабочихъ бѣжали не слезы, но ручьи шедшаго дождя и отражались на немъ полосами. Они не давали распознать ни грустнаго выраженія, ни слезъ. Да и жизнь не давала возможности распознать ихъ. Въ душу этихъ людей никто не заглядывалъ. Холодное утро заставляло многихъ дрожать въ худенькихъ сермягахъ. Но когда они не дрожали?!

У могилы стоялъ старый Лука и молодой Палатовъ; онъ стоялъ потупившись, и лицо его было строго и молчаливо; онъ смотрѣлъ какъ-то тупо, апатично то въ могилу, то на гробъ Горемычнаго.

Только когда раздался крикъ забойщиковъ: „держи крѣпче! не опрокинь!“ и гробъ спустился въ темную яму, причемъ онъ глухо стукнулъ о землю, Палатовъ

какъ бы очнулся, пришелъ въ себя, лицо его что-то подернуло—только онъ жалѣлъ Горемычнаго.

Неизвѣстно, дождется ли Горемычный исправника и что отъ него останется.

Пошелъ крупный дождь, холодный вѣтеръ ударилъ еще порывистѣе, рабочіе расходились. Заявлять сожалѣнія, вздыхать не было въ обычаѣ пріиска. Чаще всего послѣ похоронъ товарища раздавались слова: „помянуть надо! пойдемъ получать порцію!“

Но для Горемычнаго и этого не было.

Кто помянетъ его? А вѣдь и у Горемычнаго, вѣрно, была мать, которая грѣла его у своего сердца и рыдала надъ нимъ.

Услышишь ли ты когда-нибудь о немъ, бѣдная, и заплачешь ли надъ потерею сына, или, давно выплакавъ слезы по немъ, давно пропавшемъ, ты его и ждать перестала?

Прошло впечатлѣніе печальныхъ похоронъ.

Рабочіе отдохнули уже три дня; они привыкли работать, а привычка—вторая натура; безъ дѣла многіе начинали скучать. Они сознавали, что ихъ накажутъ скорѣе, чѣмъ Шнипера. Съ другой стороны, въ работѣ была для нихъ и выгода: въ работѣ они находили подъемное золото и получали за него вино, а выпить каждый изъ нихъ былъ не прочь. Наконецъ, проведенныя Шнипером въ среду рабочихъ нити тоже имѣли значеніе. А вотъ и урядникъ позвалъ ихъ и спросилъ:—Ребята, скажите мнѣ напередъ, будете ли вы работать? Мнѣ нужно знать это, потому что завтра я пошлю къ исправнику

нарочнаго съ бумагами, въ томъ числѣ будетъ донесеніе и о здѣшнемъ происшествіи.

Рабочіе потолковали между собою немного, посовѣтовались, и изъ толпы вышелъ Недорѣзъ.

— Мы согласны работать, ваше почтеніе,—сказалъ Недорѣзъ:—пошто не работать, только бы насъ не обижали.

— Всѣ согласны?—спросилъ урядникъ.

— Всѣ,—отвѣчали рабочіе.

— Ну, смотрите же, ребята, никакихъ притѣсненій не будетъ, только бы съ вашей стороны было все тихо, смирно. Хозяина вы должны слушать, по закону, до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ исправникъ, а тамъ ужъ можете говорить исправнику, что знаете.

Окончивъ рѣчь, урядникъ распорядился подать порцію. Крученый принесъ и поставилъ на крыльцѣ большую кадку, влилъ въ нее полведра спирту и ведро воды, разболталъ палкой, почерпнулъ большой стаканъ и сказалъ: „подходи!“

Рабочіе одинъ за другимъ подходили и выпивали. Одни говорили: „царство небесное Дмитрію“, другіе опрокидывали стаканъ молча, съ жадностью.

Послѣ порціи понятые вошли въ хозяйскій домъ; урядникъ пригласилъ ихъ въ кабинетъ и прочиталъ имъ актъ осмотра трупа Горемычнаго. Шниперъ въ это время вышелъ въ другую комнату.

— Такъ ли написано?—спросилъ урядникъ.

— Такъ, ваше почтеніе,—отвѣтили понятые.

— Попросите Ѳедора Григорьевича подписаться за васъ.

Понятые дали Крученому руки и вышли, за исключеніемъ Недорѣза, который торопливо пробрался въ комнату Шнипера и спросилъ его:

— Какъ бы, Протасъ Протасовичъ, не вышло чего? Я подписалъ удостовѣреніе и урядникову бумагу.

— Не бойся, Ѳома, эта бумага у меня останется,— отвѣтилъ Шниперъ, причемъ подалъ Недорѣзу еще стаканъ вина и сунулъ бутылку за пазуху.

Шниперъ торжествовалъ. Онъ какъ будто помолодѣлъ лѣтъ на десять: шутилъ съ урядникомъ, разсказывалъ ему разные анекдоты и въ то же время заигрывалъ съ Ѳеофилой Герасимовной, которая собирала ужинать. За ужиномъ Шниперъ усердно угощалъ урядника всѣми винами, расхваливалъ какъ вина, такъ и самого урядника. Лицо Шнипера сіяло въ это время неподдѣльной радостью, начиная со впалыхъ щекъ и кончая блестящей лысиной.

— Ну, Лазарь Ивановичъ, не забуду я тебе никогда, по гробъ жизни твоей.

Все кончилось благополучно. Была ночь. На пріискѣ было все погружено во мракъ, только мелькали огарки кое-гдѣ въ казармѣ, гдѣ бесѣдовали немного на-веселѣ рабочіе; наконецъ, и эти огарки потухли.

Изрѣдка отъ дома Шнипера проходилъ кто-нибудь изъ конюховъ, получивъ распоряженіе приготовить завтра уряднику чуть свѣтъ лошадей.

Было поздно. Вдругъ дверь пекарни отворилась съ шумомъ, и изъ нея вышелъ, едва передвигая ноги, Недорѣзъ въ сопровожденіи Ѳедоры Мукосѣйки.

— Да ты держись хоть на ногахъ-то, дьяволъ, вѣдь

хреснешься!—говорила таёжная дама въ пудреной прическѣ, нахлобучивая шапку своему кавалеру послѣ rendez-vous.

— Ничаво, не бойсь!—сказалъ хрипло Недорѣзъ. Но едва захлопнулась дверь и Недорѣзъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ во мракѣ, какъ вдругъ онъ споткнулся и полетѣлъ въ какой-то оврагъ и затѣмъ очутился въ лужѣ. Сначала онъ былъ озадаченъ, затѣмъ, ощупавъ мокрую почву, онъ сѣлъ и съ чего-то заоралъ пѣсню... Языкъ его былъ пьяный, горло несло какіе-то дикіе звуки... Пѣть ему надоѣло, и вдругъ, сдѣлавъ усиліе вытащить изъ тины завязшій бродень, и, почувствовавъ безсиліе, онъ заоралъ благимъ матомъ на весь пріискъ: „караулъ!“ Долго тянулъ Недорѣзъ этотъ вопль о помощи, такъ что усталъ.

Наконецъ, гдѣ-то послышались шаги, кто-то подошелъ къ нему и приподнялъ его.

— Это кто? Крученый, это ты?—пробурчалъ Недорѣзъ и налегъ всѣмъ туловищемъ на избавителя.

— Да ну, крѣпись, дьяволъ, на ногахъ, иначе брошу!—сказалъ вышедшій на крикъ Палатовъ, котораго Недорѣзъ принялъ за друга своего Крученаго.

— Ловко мы шаркнули,—бормоталъ Недорѣзъ:—спасибо Протасу Протасычу, ловко онъ ихъ надулъ, чалдоновъ. Свидѣтельство-то... ха-ха-ха... Ну, чалдоны подписали! ха-ха-ха!—разливался Недорѣзъ.

— Чего подписали? Держись на ногахъ-то!—говорилъ Палатовъ, употребляя усиліе вывести изъ оврага пьянаго.

— Всѣхъ, всѣхъ надули, только я да ты знаемъ. Ха-ха-ха! Урядникъ-то на нашей сторонѣ. Они не знаютъ, что ахтъ-то подмѣнили. А исправникъ—тю! дожидайся! Пріѣдетъ! ха-ха-ха!—продолжалъ пьяный Недорѣзъ открывать свои тайны. Но вдругъ послѣ исповѣди своей онъ почувствовалъ, что поддерживавшая его рука бросила его, и онъ смаху полетѣлъ кубаремъ и очутился опять въ той же лужѣ.

Сначала озадаченный, онъ снова почувствовалъ около себя сырость и, не зная, сонъ ли съ нимъ былъ, или дѣйствительно Крученый его оставилъ, разразился проклятіями, а потомъ опять завылъ свой монотонный „караулъ!“

Но Палатовъ былъ уже въ хатѣ Хохла, бросивъ пьянаго Недорѣза. Онъ былъ озадаченъ, пораженъ, кровь его кипѣла. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ, размахивая руками. Лука спокойно лежалъ на койкѣ.

— Я тебѣ говорю,—горячился Палатовъ:—что они обманули пріискъ. Надо дать знать исправнику.

— Може и такъ,—говорилъ апатично Хохолъ:—а все же не наше дѣло. Наша хата съ краю.

— Лука!—Палатовъ остановился, сжалъ кулаки и покачалъ головой.—Лука! Я не ожидалъ отъ тебя этого.

Лука молчалъ.

— Ложись спать!—хладнокровно отвѣтилъ Лука и повернулся на бокъ.

Палатовъ вышелъ изъ хаты, хлопнувъ дверью, и отправился въ казарму. Тамъ почти всѣ спали. Войдя

въ казарму, Палатовъ остановился и прислушался. Было тихо.

Палатовъ увидѣлъ, что рабочіе уже притащили пьянаго Недорѣза. Весь въ грязи, въ полушубкѣ и сапогахъ, онъ спалъ, растянувшись на нарахъ, непробуднымъ сномъ пьяницы. Палатовъ тихо подошелъ къ нему.

— Подлый предатель!—шевельнулось у него, глядя на Недорѣза. Палатовъ поблѣднѣлъ; онъ чувствовалъ, что, будь у него ножъ, онъ бы не остановился всадить его сонному Недорѣзу въ горло; но сразу же опомнился и, какъ бы чувствуя соблазнъ, кинулся вонъ изъ казармы.

Палатовъ возвратился въ хату и, при слабомъ мерцаніи сальнаго огарка, сталъ молча укладывать свое имущество въ мѣшокъ. Лука лежалъ и смотрѣлъ на сборы Палатова.

— Ты куда?

— Къ исправнику.

— Не ходи, вздуютъ!

— Нѣтъ, пойду!

Палатовъ вышелъ куда-то на короткое время и возвратился съ двумя караваями хлѣба, которые затолкалъ въ мѣшокъ, и сталъ завязывать. Лука поднялся съ койки и сѣлъ.

— Такъ ты идешь?

— Иду.

— Ну, коли такъ—и я пойду съ тобой... Гдѣ тебѣ одному идти,—сказалъ старикъ.

Они вышли. Ночь была темная. Темныя ели шумѣли

кругомъ. Тайга бушевала. Тихо направились въ лѣсъ странники. Такъ осиротѣла избушка стараго Луки.

Рано поутру нарядчикъ Крученый, разбудивъ рабочихъ въ казармѣ, пошелъ въ хату Хохла. Хата оказалась пустой и незапертой. „Бѣжали“,—сообразилъ Крученый и отправился съ докладомъ къ Шниперу. Выслушавъ Крученаго, Шниперъ сказалъ:

— Хорошо издѣлали; жалко тольки Хохла, а этотъ негодяй Палатовъ—хоть бы вѣкъ его не было.

Рабочіе вышли на работу. Въ разрѣзѣ, какъ въ раскопанномъ муравейникѣ, закипѣла жизнь. Забойщики подкайливали стѣну золотоноснаго пласта, отваливали ее, разбивали въ куски, размельчали и складывали въ таратайки; возчики понукали лошадей и везли пески на машину; свальщики сваливали въ большія рѣшетчатыя, плоскодонныя, желѣзныя чаши, въ которыхъ вращались желѣзныя лапы; пущенная на чаши вода промывала пески; самородное золото, вмѣстѣ съ водой, иломъ, пескомъ и мелкимъ камнемъ—эфелемъ, проваливалось сквозь рѣшетки на наклонный полъ, поперекъ котораго устроены преграды для задержанія золота; обмытый водою крупный камень выталкивался изъ чашъ желѣзными лапами чрезъ люки въ таратайки; галечники отвозили его на отвалы; эфель и песокъ катились съ водою по наклонному полу машины и чрезъ люки сваливались въ кузовья; эфельщики отвозили ихъ на тѣ же отвалы. Ссыпавъ пески на машинѣ, возчики возвращались къ забойщикамъ, гремя колесами таратаекъ по бревенчатому мосту. Забойщики, въ отсутствіе возчиковъ, промывали золотоносные пески

на желѣзныхъ лопатахъ въ небольшихъ ключикахъ, вытекавшихъ изъ стѣнъ глубокаго разрѣза, собирали золото на каменныя плитки и сушили на солнцѣ. Машинистъ, съ топоромъ въ рукѣ, шелъ на водокачку, выбирающую изъ разрѣза воду четырьмя помпами,—шелъ пустить изъ сплотокъ на колесо побольше воды, чтобъ заставить водокачку работать сильнѣе. Въ кузницѣ, устроенной на краю разрѣза, кузнецъ и молотобоецъ въ два молота отвастривали инструментъ—ломы и кайлы, и выгибали желѣзныя лопаты, чтобъ ловчѣе было поддѣвать ими землю. На высокихъ отвалахъ отвальные равняли гальку и эфель; тамъ же таратаечникъ починялъ разбитые кузовья или ходилъ съ большимъ брызгаломъ и взбрызгивалъ изъ него дегтемъ желѣзныя оси таратаекъ и кузовьевъ... Шумъ воды, падающей на большія колеса машины и водокачки, грохотъ желѣзныхъ лапъ въ рѣшетчатыхъ чашахъ, раскаты грома колесъ по бревенчатому мосту—заглушали тупой звукъ разбиваемой ломомъ и кайлой земли; но стукъ молота и топора, крикъ возчиковъ на лошадей, шумъ и брань рабочихъ—спорили съ шумомъ воды и громомъ колесъ и разносились далеко по горамъ и лѣсамъ тайги.

Въ первый день послѣ отдыха Крученый задалъ рабочимъ урокъ поменьше, чѣмъ задавалъ раньше, до бунта. Рабочіе до обѣда выработали большую половину урока, а послѣ обѣда окончили работы въ пять часовъ. Въ обѣдъ и вечеромъ Шниперъ, сдѣлавшійся посмѣлѣе, ходилъ вмѣстѣ съ урядникомъ „на съемку золота“ съ машины. Вечеромъ, послѣ работъ, рабочіе принесли сда-

вать Шниперу подъемное золото. Забойщикъ Убродный нашелъ самородокъ въ шесть золотниковъ съ долями; другіе намыли золота на лопатахъ—кто золотникъ, кто четверть, а кто и меньше. Ѳеофила Герасимовна принимала золото, вѣсила на маленькихъ вѣскахъ и говорила:—Тебѣ, Иванъ, за золотникъ слѣдуетъ восемь стакановъ, а тебѣ, Степанъ, одинъ стаканъ,—у тебя всего двѣнадцать доль.—Забойщики пили вино и угощали возчиковъ. Убродный, выпивъ два стакана, просилъ на радостяхъ, по случаю находки самородка, подать третій.

— Нельзя, Убродный, больше двухъ стакановъ сразу, пьянъ будешь,—уговаривала Ѳеофила Герасимовна.

— Ничего, Ѳеофила Герасимовна, я вѣдь смирный, сами знаете,—убѣждалъ Убродный.

Выпивъ третій стаканъ, Убродный выпросилъ четвертый. Другіе рабочіе также выпили по два и по три стакана, охмѣлѣли и стали назойливо лѣзть, прося и требуя вина.—Мы вѣдь не даромъ просимъ, а за золото. Наше золото—мы нашли и сдали,—кричали рабочіе. Больше всѣхъ надоѣдалъ смирный Убродный, преобразившійся, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, въ перваго буяна и забіяку. Ѳеофила Герасимовна не рада была и золоту, заперла двери на крючокъ и никого не впускала. Рабочіе стучали въ двери, просили, молили, ругали и расходились до того, что едва не вышелъ опять бунтъ. Урядникъ едва уговорилъ ихъ идти спать. Шниперъ порядкомъ побранилъ Ѳеофилу Герасимовну за то, что она давала рабочимъ помногу вина. Долго еще шумѣли ра-

бочіе въ казармѣ и пѣли пѣсни, какъ бы празднуя первый день работъ послѣ трехдневнаго отдыха.

Прошло три дня. Рабочіе присмирѣли. Крученый началъ попрежнему поругивать ихъ и, по приказанію Шнипера, сталъ прибавлять понемногу уроковъ, подводя послѣдніе къ той нормѣ, какая была до бунта. Урядникъ сказалъ Шниперу: „теперь дѣло направилось“,—и уѣхалъ съ пріиска съ золотыми надеждами на полученіе осенью хорошаго вознагражденія за труды. Всѣ три дня погода стояла прекрасная. Съ яснаго голубого неба ярко сіяло весеннее солнце, разливало живительную теплоту, пригрѣвало рабочихъ и распускало снѣгъ на горахъ. Въ долинахъ показались проталины, съ горъ потекли ручьи. Небольшая Благодатная рѣчка быстро наполнялась водою, сердито шумѣла и пѣнилась. Но вотъ на четвертый день подулъ западный вѣтеръ и пригналъ черныя тучи; пошелъ дождь и согналъ послѣдній снѣгъ въ долинахъ. Послѣ дождя посыпался снѣгъ и снова покрылъ долины бѣлымъ саваномъ, неправильно разрывавшимся темными полосами мутноводныхъ рѣчекъ. Рабочіе промокли и продрогли. Шниперъ приказалъ подать имъ вечеромъ порцію. Ненастная погода зарядила надолго. Дулъ вѣтеръ, шелъ дождь, сыпался снѣгъ поперемѣнно и вмѣстѣ съ дождемъ. Холодъ и слякоть давали себя чувствовать. Рабочіе говорили, что небо провалилось, и ругали непогоду. Благодатная рѣчка раздувалась не по днямъ, а по часамъ; вода начала выходить изъ береговъ и разливаться по площади. Промывка песковъ остановилась на время; стали устраивать плотины и отгородили рѣчку отъ раз-

рѣза высокою насыпью. На плотинахъ день и ночь расхаживалъ сторожъ и слѣдилъ за прибылью воды.

Въ одну прекрасную ночь сторожъ прибѣжалъ къ Шниперу съ роковымъ извѣстіемъ: „прорвало плотину!“ Съ Шнипером сдѣлался припадокъ. Ѳеофила Герасимовна послала сторожа къ Крученому. Послѣдній поднялъ на ноги всѣхъ рабочихъ. Но и вода въ это время не дремала: размывъ плотину, она съ шумомъ и ревомъ ворвалась въ разрѣзъ, смыла борты его, нанесла илу и песку, потопила орудія земляныхъ работъ, размыла и обрушила разрѣзную канаву и въ одинъ часъ наполнила разрѣзъ въ уровень съ бортами,—поплыли мосты по разрѣзу... И вотъ, посмотрите теперь, какъ работаетъ на Шнипера та „каторга“, которая за нѣсколько дней назадъ готова была „свернуть ему голову и разорвать его на клочки“.

Ночь. Вѣтеръ. Снѣгъ валитъ мокрыми хлопьями. На уцѣлѣвшемъ краю плотины разложенъ большой костеръ. Въ лѣсу раздается стукъ топора. Одни рубятъ колья, чащу и хвою, другіе таскаютъ къ плотинѣ, третьи сдираютъ дернъ и срубаютъ кочки, четвертые носятъ на плотину, пятые тащатъ плахи, катятъ тачки и устраиваютъ „покаты“ [1])... Подготовительныя работы кончены. Забрезжилось сѣрое утро. Одни полѣзли въ холодную воду, бродятъ по поясъ, забиваютъ колья и перегораживаютъ прорву, другіе тащатъ и складываютъ у кольевъ чащу и хвою, третьи—дернъ и кочки, четвертые придав-

[1]) Мостки, по которымъ катаютъ тачки.

ливаютъ каменьями, пятые катятъ землю въ тачкахъ и сваливаютъ, шестые тромбуютъ—прорва сжимается съ обѣихъ сторонъ. Вода злится, ломаетъ, коверкаетъ и тащитъ колья, чащу, хвою и дернъ. Но борцы съ природой упорно забиваютъ новые колья, прибавляютъ чащи, бросаютъ камни, сыплютъ землю, бродятъ въ водѣ, торопятся, падаютъ, бранятся, клянутъ всѣхъ и вся, и побѣждаютъ: къ обѣду прорва захвачена, вода сочится черезъ нее понемногу. Но остановить работу, все-таки, нельзя, нельзя дать усилиться водѣ...

— Жрать хочется! полсутокъ не ѣли!—кричатъ рабочіе.

— Потерпите, ребятушки, немного!—упрашиваетъ Крученый.—Прибавьте еще вотъ тутъ земли, вотъ здѣсь хвои.

— Заколѣли, какъ собаки!

— Выпейте, ребятушки!

Боченокъ съ виномъ не сходилъ съ мѣста работъ. Рабочіе подходятъ, пьютъ и, не щадя живота своего, лѣзутъ опять въ воду... Кто-то принесъ два мѣшка хлѣба; разобрали, разломали на куски; закусываютъ и работаютъ... Безъ отдыха и безъ обѣда рабочіе кончили къ вечеру новую, прочную плотину!

Да, читатель, только въ тайгѣ, на пріискахъ вы встрѣтите истинныхъ героевъ труда.

VII.

Бѣглецы и медвѣдь.

Гремучее зимовье стоитъ на берегу нешироκой, но быстрой таёжной рѣки, сжатой съ обѣихъ сторонъ высокими горами. Впереди, насупротивъ зимовья, поднимается изъ воды высокая отвѣсная скала, вершина которой оканчивается зубцами башенъ причудливой формы. У подножія скалы вѣчно шумитъ и пѣнится рѣка, разбиваясь о каменья. Позади зимовья, какъ бы сторонясь подальше отъ скалы, растянулись полукругомъ высокія горы, покрытыя густымъ хвойнымъ лѣсомъ, и образовали широкую поляну, на которой и построено зимовье, получившее свое названіе отъ шума и грома воды. Зимовье это состоитъ изъ дома, въ одной половинѣ котораго живетъ зимовщикъ, а другая содержится чистою для пріѣзда золотопромышленниковъ и ихъ служащихъ; съ одной стороны дома построена казарма, въ которой останавливаются рабочіе, когда идутъ на пріиски и выходятъ съ нихъ. Рядомъ съ казармой устроенъ на столбахъ небольшой навѣсъ—кашеварня, гдѣ рабочіе приготовляютъ себѣ пищу. Съ другой стороны дома стоитъ амбаръ, въ которомъ хранятся съѣстные припасы зимовщика и небольшой запасъ хлѣба золотопромышленниковъ для выдачи рабочимъ. За амбаромъ устроены дворы, а за ними станокъ, въ которомъ подковываютъ лошадей. Если къ этому прибавить еще новую баню, которую устроилъ

для себя зимовщикъ на берегу рѣки, то тѣмъ и закончится вся постройка на Гремучемъ зимовьѣ.

Шестнадцатаго мая на полянѣ Гремучаго зимовья видна была зелень; тальникъ, росшій по берегу рѣки, начиналъ развертывать почку; черемуха и рябина, разбросанныя по полянѣ кустами, тоже начинали набирать почку. По всѣмъ признакамъ здѣсь начиналась весна. Позади зимовья паслись двѣ лошади и двѣ коровы и чинно расхаживала съ семействомъ вислоухая свинья, выбирая мѣсто, гдѣ бы удобнѣй распахать своимъ пятакомъ влажную землю. Во дворѣ рылись въ навозѣ куры. Передъ домомъ, растянувшись на пескѣ, лежало полдюжины большихъ собакъ; столько же босыхъ, всклоченныхъ ребятъ бѣгало и ползало по песку, играя съ щенятами. Былъ полдень; солнце пригрѣвало по весеннему... Вдругъ собаки залились громкимъ лаемъ, бросились къ берегу и поскакали вдоль его вверхъ по рѣкѣ; щенята пустились за ними же, нѣжно тявкая молодыми голосками; ребята закричали: „медвѣдь идетъ!“ и стреканули въ домъ; испугали на крыльцѣ сладко дремавшаго кота, который мигомъ вскочилъ по углу на домъ и, поднявъ полѣномъ хвостъ, спокойно расхаживалъ по крышѣ. На пескѣ остался одинъ годовой карапузъ, который не умѣлъ еще бѣгать, зато мастеръ былъ кричать и кричалъ изо всей силы; лошади, навостривъ уши, смотрѣли по направленію лая собакъ, коровы флегматически жевали траву, куры кудахтали; только свинья, не обращая ни на кого вниманія, копала землю.

Изъ дома вышелъ въ одномъ бѣльѣ высокій, здоро-

вый мужикъ съ заспанными глазами и, не обращая вниманія на крикъ ребенка, пошелъ на берегъ, приложилъ руку ко лбу козырькомъ и сталъ всматриваться вдаль, за рѣку. „Ло-о-дку!“ — едва доносилось съ верху рѣки.— „Кого еще тамъ принесло!“ — проговорилъ мужикъ и пошелъ въ домъ одѣваться, захвативъ по пути сынишку. Мужикъ этотъ былъ зимовщикъ Трифонъ Ивановичъ, по прозванію Пехтерь. Онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ служилъ конюхомъ у одного золотопромышленника и такъ угодилъ ему, что тотъ упросилъ другихъ золотопромышленниковъ сдѣлать Пехтеря зимовщикомъ. Пехтерь женился и счастливо зажилъ на Гремучемъ зимовьѣ, плодя—отъ нечего дѣлать—ребятишекъ. Онъ жилъ здѣсь и зиму, и лѣто со своимъ семействомъ, вдали отъ всего живого. Лѣтомъ еще было развлеченіе: часто проѣзжали золотопромышленники и служащіе, Пехтерь подавалъ имъ самоваръ и, проводивъ гостей, шелъ ловить рыбу или стрѣлять глухарей. Случалось ему и съ медвѣдемъ встрѣчаться; онъ не разъ сражался съ этимъ хозяиномъ тайги и одолѣвалъ его съ помощью собакъ. Зимой же скука была невыносимая: до января мѣсяца, кромѣ домашнихъ, ни одной живой души не увидишь. Въ январѣ по глубокому снѣгу проминали дорогу на пріиски и являлись сначала конюха, а потомъ проходили партіи рабочихъ и транспорты съ хлѣбомъ и товаромъ. Зато осенью, когда выходили рабочіе съ пріисковъ, Пехтерю некогда было скучать и дремать; онъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ: одному продай бѣлаго хлѣба, другому молока, третьему яицъ, четвертому рыбы, пятому спирта... а больше всего

спрашивали спирта... Пехтерь бралъ рукавицы, бродни, голяшки, сапоги и золото, сбывалъ все это золотопромышленникамъ-арендаторамъ и наживалъ хорошія деньги.

Одѣвшись на скорую руку, Пехтерь захватилъ отъ крыльца весло и шестъ и пошелъ на берегъ; спустилъ на воду лодку, сталъ въ нее и, упираясь въ дно рѣки шестомъ, началъ подниматься, придерживаясь берега, вверхъ по рѣкѣ. Подавшись саженъ на сто впередъ, Пехтерь увидѣлъ на другомъ берегу двухъ человѣкъ и собаку и, крикнувъ имъ: „идите ниже къ камню!“—бросилъ шестъ на дно лодки, взялъ весло и началъ проворно гресть то съ той, то съ другой стороны. Переправившись и увидѣвъ путниковъ, онъ воскликнулъ:

— На-те лѣшій! Да это ты, Лука! Куды ты это пошелъ?

— Въ деревню.

— Да што ты вздумалъ! никогда тебя не видалъ въ таку пору?

— Такъ... вздумали съ товарищемъ да съ Арапкой и пошли; кто мнѣ можетъ запретить!.. хе!—сказалъ Хохолъ.

Арапка, услышавъ свое имя, поглядѣлъ на Луку и помахалъ хвостомъ, какъ бы желая сказать: да, и я вздумалъ уйти съ пріиска.

— А кто это съ тобой другой? Не видывалъ што-то; кажись, изъ новыхъ?—спросилъ Луку Пехтерь.

— Палатовъ,—отвѣтилъ за себя другой.

— Ну, садитесь въ лодку.

Лука и Палатовъ сѣли, Арапка вскочилъ за ними, и всѣ четверо поплыли къ замовью.

Когда пріѣхали къ берегу и подошли къ зимовью, опытный Хохолъ осмотрѣлъ мѣстность и спросилъ быстро Пехтеря:

— А это чьи у тебя кони привязаны?

— А это пріѣхалъ служащій и казакъ Дранковскаго ловить бродягъ. Вотъ ужъ четвертый день живутъ.

— Гдѣ же они?

— Кто? бродяги? А кто ихъ...

— Нѣтъ, служащій и казакъ.

— Пошли на гору караулить. Рази вы не видали ихъ?

— Гдѣ увидишь,—тайга.

Хохолъ смекнулъ, что надо убираться отсюда, и намекнулъ Палатову.

— Что же, закусите и отдохнете?—спрашивалъ гостепріимно Пехтерь.

— Нѣтъ, спасибо, мы торопимся. А вотъ что мнѣ удружи!—Лука досталъ изъ котомки двѣ пары новыхъ рукавицъ и, положивъ ихъ предъ Пехтеремъ, сказалъ:—дай намъ спиртику подкрѣпиться.

Пехтерь мелькомъ взглянулъ на новыя рукавицы и сказалъ:—отчего не дать!—Пошелъ къ женѣ, принесъ бутылку и краюху хлѣба. Жадно выпили усталые путники по стакану вина и начали скоро ѣсть. Они были измучены отъ перваго перехода.

— Когда вышли?—спросилъ мелькомъ Пехтерь.

— Сегодня въ полночь.

— Ладно отмахали,—сказалъ Пехтерь.—Что же, развѣ не отдохнете?

— Нѣтъ, спасибо, надо торопиться: по дѣлу идемъ,— сказалъ Лука. Бросивъ нѣсколько кусковъ ласкавшемуся Арапкѣ, безпокойно оглянувшись въ сторону, гдѣ была гора, на которой караулили бродягъ казакъ и приказчикъ, путники быстро простились съ Пехтеремъ.

— Счастливаго пути!—сказалъ онъ.

Пехтерь былъ человѣкъ опытный, много онъ видалъ народу, и ему не было дѣла, кто и куда идетъ. Онъ такъ же дружелюбно принималъ и бѣглеца, и казака, ѣдущаго ловить его. Для того и другого у него одинаково былъ спиртъ, и въ его кладовой хранились и вычищенная казенная лядунка, кобуръ отъ пистолета рядомъ съ бродяжескимъ броднемъ. Они уживались въ хранилищѣ Пехтеря, какъ уживаются въ сибирской жизни щеголеватый заѣзжій чиновникъ и неотесанный подрядчикъ изъ мужлановъ, измѣряясь одною единицею сибирской цѣнности: „за что ихъ можно продать и по чемъ купить“.

Тропа, разбитая мѣрными шагами лошадей въ ступнякъ, шла по берегу, внизъ по теченію рѣки, извиваясь между деревъ, и, обходя пни и колоды, мѣстами она спускалась къ самой водѣ и терялась въ камняхъ, мѣстами поднималась на крутой берегъ и шла густымъ лѣсомъ и болотистыми топями, чрезъ которыя были устроены когда-то длинные, узкіе мосты, теперь сгнившіе и развалившіеся. Путники шли одинъ за другимъ молча. Арапка бѣгалъ по сторонамъ, отыскивая дичь, и, увидѣвъ гдѣ-нибудь на деревѣ бѣлку, долго лаялъ на нее, отставалъ и опять догонялъ. Къ закату солнца путники подошли къ небольшому ручью, протекавшему шумя у подошвы высокой горы;

разулись, перебрели и остановились на небольшой полянѣ вблизи рѣки. Здѣсь тропа круто поворачивала въ гору.

— Ночуемъ тутъ,—сказалъ Лука товарищу.—На горѣ теперь снѣгъ, холодно.

— Пожалуй!—сказалъ Палатовъ и бросился на землю.

Замѣтивъ на лицѣ Палатова полное изнеможеніе, Хохолъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Что, легко по тайгѣ ходить? Ахъ ты, молодой воробей! Туда же—пойду да пойду. Погоди, это цвѣточки, а вотъ хватимъ еще горячаго.

Эти сутки дались имъ дѣйствительно не легко. Была половина мая, а на горахъ снѣгъ лежалъ. Идти среди непроходимой тайги, пролагая дорогу среди корягъ, попадая безпрестанно въ канавы, проваливаясь и снова преодолѣвая пни и коряги,—было не легко. Только-что, напрягши всѣ усилія, приходилось имъ выкарабкаться изъ трясины или подняться на крутую гору, какъ требовалось вновь еще бо́льшее напряженіе, такъ какъ передъ ними выростало новое препятствіе. Тѣ, кто сразу горячо берется проломать тайгу, истрачиваютъ всѣ силы въ первый моментъ, и на слѣдующій ихъ уже недостаетъ. Это жребій неопытныхъ бѣглецовъ, обыкновенно обезсиливающихъ и часто погибающихъ. Лука, какъ человѣкъ опытный, зналъ эти трудности, онъ исходилъ тайгу. Палатовъ пропалъ бы безъ его указаній и примѣра. Но насмѣшка опытности, какъ всегда, подѣйствовала больно на молодое самолюбіе.

— Я не усталъ,—сказалъ, поднявшись, Палатовъ, но сразу почувствовалъ, что ноги его подкосились, съ не-

привычки утомленіе дало себя почувствовать страшною болью во всѣхъ мускулахъ. Молодость не можетъ допустить, чтобы она была чѣмъ-либо пристыжена и осталась позади. Она привыкла насмѣхаться надъ старостью, какъ старость, въ свою очередь, видитъ такъ часто ползающихъ около себя безсильныхъ дѣтей, что иногда не замѣчаетъ среди нихъ молодого Геркулеса и Атласа.

— Не усталъ, такъ пойдемъ дрова рубить; мы, братъ, вѣдь здѣсь не на фатерѣ: сами должны и о теплѣ позаботиться.

Палатовъ сдѣлалъ усиліе подняться; онъ былъ какъ бы сконфуженъ Лукой, какъ вдругъ тотъ съ добродушной улыбкой сказалъ ему:

— Ну, ну, лежи! Не велика важность охапку нарубить! На слѣдующій разъ твой будетъ чередъ.

Эта хитрость старика примирила самолюбивую молодость, которая никогда не подозрѣваетъ, что у хитрой старости есть много золотого опыта, чтобы подкупить даже юное рыцарство.

Лука нарубилъ дровъ, и скоро путники разложили большой костеръ, повѣсили надъ нимъ котелокъ съ водой на воткнутой въ землю длинной палкѣ, раздѣлись и обсушились возлѣ огня, напились чаю и дали Арапкѣ кусокъ хлѣба. Солнце скрылось за горой; наступили сумерки; отъ рѣки повѣяло холодомъ. Товарищи заготовили побольше дровъ на ночь, подбросили на костеръ и улеглись по обѣимъ сторонамъ его, подложивъ подъ головы котомки. Арапка свернулся въ ногахъ у Луки.

— Знаешь, Лука, что я думаю,—сказалъ Палатовъ:— давай, устроимъ завтра плотъ и поплывемъ по рѣкѣ.

— А что, утонуть хочешь?

— Ничего, я плавать умѣю,—я по Волгѣ плавалъ.

— Немного наплаваешь тутъ, а если и выплывешь, то все потопишь. Давай лучше спать!—сказалъ Хохолъ.

Оба товарища вскорѣ уснули у костра, пригрѣваемые огонькомъ. Какъ мертвые спали бѣглецы, костеръ потухалъ. Лука раза два въ старческой чуткой дремотѣ поднимался и подкидывалъ дровъ. Лука, какъ старецъ, не любилъ сна—онъ напоминаетъ подъ конецъ жизни о смерти. Онъ взглядывалъ, улыбаясь, на Палатова. Увы! старости иногда суждено подбавлять огня молодости! Передъ зарею, однако, и желѣзнаго Луку сморилъ сонъ. Въ послѣдній разъ онъ открылъ глазъ и, видя, что все спокойно, забылся. Онъ даже пригрѣлъ и завернулъ полою дрожавшаго Арапку. Спутники крѣпко спали, но всякая тайга таитъ въ себѣ недремлющаго врага. Этотъ врагъ давно сторожилъ и чуялъ, что въ сосѣдяхъ есть люди. Онъ два раза осторожно обходилъ кругомъ лѣсъ. Это былъ неуклюжій, но весьма ловкій въ лѣсу медвѣдь. При малѣйшемъ движеніи Луки этотъ медвѣдь останавливался. Но вотъ онъ, заслышавъ тишину, сталъ тихо пробираться; не задѣвъ сучка, онъ подходилъ къ странникамъ, чтобы подняться на дыбы и кого-нибудь слопать. Это былъ голодный медвѣдь, недавно оставившій спячку. Нѣсколько дней бродилъ онъ и хваталъ что попадетъ: и вертлявую бѣлку, и зазѣвавшуюся тетерю; но мелкая дичь мало удовлетворяла его аппетитъ, онъ хотѣлъ со-

жрать что-нибудь солидное. Какъ представитель всякой неуклюжей силы, онъ былъ упрямъ, жестокъ и хитеръ по-своему. Но, какъ у всякой звѣрской натуры, у него недостаетъ выдержки, когда жертва близко. Вмѣсто осторожной стратегіи, онъ вдругъ прорывается и прямо попадаетъ на рогатину или дубину. Пасть этого врага и теперь была отворена, слюни бѣжали. Послѣ нѣсколькихъ шаговъ онъ поднялся на дыбы, и вдругъ попалъ на сукъ, который громко хряснулъ.

Этотъ звукъ въ сухомъ лѣсу не могъ не донестись до чуткаго Арапки; хотя Лука сдѣлалъ неосторожность, прикрывъ его зипуномъ. Какъ часто мягкость сердца стоитъ иногда жизни великодушнымъ натурамъ!

Вдругъ раздался тревожный лай почуявшаго опасность Арапки. Лука вскочилъ, посмотрѣлъ по сторонамъ, но кругомъ была тишина. Хищникъ улепетывалъ тѣми же тихими шагами, боясь за свою шкуру.

— Дуракъ!—сказалъ Лука Арапкѣ:—чего ты будишь и лаешь на вѣтеръ?

Такъ часто сонный обыватель говоритъ печати:—Чего ты лаешь? Видишь, все тихо...

На темномъ небѣ среди деревьевъ легла легкая полоса свѣта. Чувствовалась близость зари. Лука поднялся.

— Вставай чай пить, да пойдемъ!—сказалъ онъ.

Палатовъ сталъ разминать усталыя ноги.

— Что, болятъ?

— Ноютъ съ непривычки.

Напившись чаю, путники отправились въ походъ. Каменистая тропа поднималась въ гору по крутому скату.

Съ обѣихъ сторонъ сжимали ее громадные кедры и пихты, мѣстами перегораживали свалившіеся древесные стволы, мѣстами выступали на поверхность большіе камни, изборожденные подковами лошадиныхъ копытъ. Съ половины горы сталъ показываться снѣгъ на тропѣ.

— Смотри-ка, Матвѣй, кто-то прошелъ,—замѣтилъ Лука.

— Должно быть, нашъ братъ... Отъ Дранковскаго.

— И не одинъ слѣдъ... Да что за бѣсъ—одинъ будто не человѣчій!..

Палатовъ посмотрѣлъ на слѣдъ и сказалъ:

— Нѣтъ, человѣчій; въ бродняхъ шли.

Опять молча стали подниматься путники въ гору, склонивъ головы... Чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ больше становилось снѣгу на тропѣ. Вдругъ Арапка, бѣжавшій впереди, повернулъ назадъ и, поджавъ хвостъ, сталъ тереться у ногъ Луки, жалобно взвизгивая.

— Ты что визжишь?—Лука взглянулъ впередъ и остановился. Палатовъ выглянулъ изъ-за спины его и тоже всталъ, какъ вкопанный... Предъ ними саженяхъ въ тридцати стоялъ на самой тропѣ на заднихъ лапахъ большой медвѣдь.

— Пойдемъ назадъ!—проговорилъ дрожащимъ голосомъ Палатовъ.

Лука выдернулъ изъ-за кушака топоръ.

— Ни съ мѣста! кричи!..—и заоралъ самъ:—пошелъ съ дороги, чертова скотина!

— Го, го, го!—вторилъ Палатовъ.

Медвѣдь посмотрѣлъ на нихъ, покосился, повернулся

въ сторону, опустился на всѣ ноги и пошелъ впередъ по тропѣ.

— Воротимся, Лука!—настаивалъ Палатовъ.

— Пойдемъ; не тронетъ, только не дразни... кричи...

Товарищи, безпрестанно крича, стали подаваться понемногу впередъ. Арапка вертѣлся около ихъ ногъ. Медвѣдь тоже шелъ впередъ; но ему скоро надоѣло подниматься въ гору по снѣгу и слушать крикъ,—онъ повернулъ въ сторону и по косогору пошелъ внизъ подъ гору. Товарищи смотрѣли на него и кричали до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся между деревьевъ.

— А вѣдь на зорькѣ, должно быть, онъ, бѣсовъ сынъ, подходилъ къ намъ; Арапка шибко лаялъ на кого-то,—проговорилъ Лука.

— Чортъ его знаетъ! Не видишь—ничего, а увидишь—страшно,—сказалъ Палатовъ.

— Да, страшенъ онъ спервоначалу, кто его не встрѣчалъ въ лѣсу, а ты не бойся медвѣдей. Развѣ не страшнѣе злые люди, а вѣдь мы ходимъ среди нихъ,—сказалъ философически Лука и зашагалъ дальше.

VIII.

На плоту.

Высоко поднимаются таёжные хребты одни за другими; темные лѣса щетиною покрыли ихъ. Эти мохнатыя горы смотрятъ гигантскими животными, улегшимися другъ подлѣ друга. Когда вы взберетесь на одинъ изъ этихъ

хребтовъ, предъ вами синѣетъ амфитеатръ горъ, и вы теряетесь передъ этимъ величіемъ пустыни, передъ ея безконечностью, передъ этимъ моремъ лѣсовъ, среди пропастей, долинъ, впадинъ и возвышенностей. Человѣкъ здѣсь кажется ничтожнымъ и чувствуетъ свое безсиліе. Одинокій и неопытный странникъ чувствуетъ страхъ. Инстинктивно это чувство робости и невольнаго благоговѣнія охватывало понемногу и Палатова, по мѣрѣ того, какъ онъ погружался въ тайгу.

Палатовъ двигался медленно и постоянно пробуя почву. Поднявшись съ Лукой на хребетъ, они попали въ полосу снѣга, не тающаго долго въ лѣсу. Отъ источниковъ этотъ снѣгъ былъ рыхлый.

Путники шли молча, преодолѣвая препятствія.

— Вотъ попасть бы только теперь на Задорную, а тамъ ужъ сутокъ четыре до Забоевки, а тамъ... и деревни пойдутъ,—сказалъ Лука.

Доселѣ ни разу спутники не говорили о цѣли путешествія.

Палатовъ встрепенулся.

— А гдѣ исправницкій станъ?—сказалъ онъ, выразительно взглянувъ на Хохла.

Хохолъ угрюмо молчалъ.

— Гдѣ исправникъ-то?—повторилъ онъ:—говорятъ, въ селѣ Крутолговѣ; богатѣйшее село, говорятъ, и исправникъ богатѣй...

Лука взглянулъ на него исподлобья.

— Ты не бросилъ же дури идти къ нему?—сказалъ Лука.

— А куда же мы идемъ?!—вдругъ остановился озадаченный Палатовъ и покраснѣлъ.

— Не знаю кажу...—сказалъ Хохолъ.—Сказалъ же: пойдемъ, ну, и пошли!

— Да ты-то куда идешь?—съ горячностью вскрикнулъ Палатовъ. Ему хотѣлось назвать своего пріятеля Луку старымъ хрѣномъ и бабой за его безучастіе и нерѣшительность.

— Не знаю жъ,—повторилъ Лука:—я никуда нейду. Вотъ сяду и люльку закурю, мнѣ же-жъ вездѣ хорошо.

Онъ сѣлъ на вѣковой развѣсистый пень отъ громаднаго кедра. Палатовъ стоялъ въ недоумѣніи и сдерживалъ чувство, расходившееся въ немъ. Лука какъ будто смѣялся надъ нимъ.

„Упрямый хохолъ!“ думалъ Палатовъ.

Лука сидѣлъ и курилъ такъ спокойно, будто онъ вышелъ за ворота своего дома и курилъ, не думая ни о какой дальнѣйшей цѣли. Это было олимпійское спокойствіе таёжника. Нужно было дѣйствительно свыкнуться много лѣтъ съ этой пустыней, понять ея поэзію, знать каждый уголокъ ея, чтобы чувствовать себя въ ней, какъ чувствовалъ Лука.

— Я сорокъ лѣтъ хожу бродягой по тайгѣ, а къ исправнику не заходилъ и не пойду,—сказалъ Хохолъ и, вынувъ трубку изо рта, флегматически сплюнулъ.

— Ну, такъ я одинъ пойду,—сказалъ Палатовъ и сталъ спускаться. Хохолъ послѣдовалъ за нимъ.

Лука брелъ по рыхлому снѣгу, какъ по водѣ, медленно, вѣрно. Палатовъ ступалъ нервно, порывисто, такъ что

брызги летѣли по сторонамъ. Чѣмъ ниже спускались путники, тѣмъ меньше было снѣгу; наконецъ, въ полугорѣ и совсѣмъ его не было. Переваливъ горный хребетъ, путники спустились въ широкую долину и подошли къ рѣчкѣ, имѣющей не болѣе семи саженъ въ ширину. Черезъ рѣчку эту въ лѣтнее время могли куры бродить, а теперь она, по выраженію Луки, „дурѣла“: съ шумомъ и ревомъ быстро неслась по каменному дну, подхватывала съ низменныхъ береговъ свалившіяся деревья, несла ихъ, сбирала въ узкихъ мѣстахъ въ кучи-наносы, разбивала опять эти наносы и несла дальше... Перебраться черезъ рѣчку вбродъ было немыслимо.

— Надо строить переходъ,—сказалъ Лука.—Пойдемъ по берегу искать большое дерево.

Пошли по берегу, нашли у самой воды толстый кедръ, посмотрѣли на него—хватитъ черезъ рѣчку, и принялись рубить въ два топора. Черезъ полчаса кедръ былъ подрубленъ, наклонился на рѣчку, заскрипѣлъ, зашумѣлъ и рухнулся срединой на воду, а вершиной на землю, на противоположный берегъ, такъ сильно, что вершина надломилась.

— Сдержитъ меня, сдержитъ и тебя,—проговорилъ Лука и сталъ осторожно перебираться по дереву впередъ бокомъ, держась за сучья. Вода напирала на нижнія вѣтви кедра и сильно трясла его. Лука перебрался благополучно; скинулъ съ себя котомку и крикнулъ Палатову: „Иди, не бойсь!“ Палатовъ сталъ пробираться по дереву такъ же осторожно, какъ и Лука; перешелъ уже больше половины рѣчки; оставалось двѣ сажени, но это были

самыя трудныя двѣ сажени: надломленная вершина подъ тяжестью Палатова и подъ напоромъ воды такъ много осѣла, вода такъ сердито трясла ее, что, казалось, будто бы и Палатова трясла самая злая лихорадка. Палатовъ подавался медленно, шагъ—не болѣе вершка. Напоромъ воды начало вершину выгибать. „Скорѣй, Матвѣй!..“ Но вдругъ—крахъ! и вершина переломилась... Палатовъ полетѣлъ навзничъ въ воду... „Держись!..“ Вода понесла объ половины кедра и Палатова... Лука былъ уже въ 10 саженяхъ ниже перехода и, ухватясь лѣвою рукой за росшую надъ водой талину, спрыгнулъ въ воду, схватилъ правой несшагося стрѣлой по водѣ Палатова за воротъ и выбросилъ его на берегъ. Вершина кедра ударила Луку въ спину, повернулась и понеслась дальше...

— Ну, вотъ и покупались,—говорилъ Лука, вылѣзая на берегъ.—Поплавалъ... А хотѣлъ еще плыть по большой рѣкѣ. Эхъ ты!..

Палатовъ стоялъ на берегу. Вода скатывалась съ него ручьями, онъ дрожалъ отъ холода.

Тропа шла по болотистой долинѣ внизъ по теченію рѣчки. Къ закату солнца они подошли къ устью рѣчки, впадающей въ знакомую уже намъ рѣку, и отправились внизъ по теченію. Пройдя немного берегомъ, они услышали въ полугорѣ стукъ топора. Чѣмъ дальше они подавались впередъ, тѣмъ яснѣе становился стукъ. Наконецъ, между стволами обгорѣвшихъ сухихъ деревьевъ они увидали на скатѣ горы двухъ человѣкъ, которые срубали деревья, третій тащилъ очищенное бревно подъ гору къ рѣкѣ, а четвертый сидѣлъ на пнѣ, склонивъ голову.

— Плотъ хотятъ строить,—замѣтилъ Лука. Подошли ближе. Арапка съ громкимъ лаемъ бросился впередъ. Два лѣсоруба побѣжали въ гору, въ лѣсъ; третій, что тащилъ бревна, остановился, сталъ присматриваться и закричалъ своимъ товарищамъ: „Чего вы испугались? Воротитесь,— это наши!“—Только четвертый сидѣлъ на пнѣ не шевелясь. Окликнувшій товарищей рабочій внимательно разсматривалъ подходившихъ къ нему путниковъ и, вдругъ ударивъ себя руками по бедрамъ, съ какимъ-то восторгомъ закричалъ:

— Лука! Насилу узналъ... Здорово, братъ Лука! Куды тебя Богъ несетъ?

Лука съ Палатовымъ подошелъ къ этому рабочему и посмотрѣлъ ему въ запачканное сажей лицо.

— Да это ты, Спиридонъ?

— Я, братъ, Лука, какъ есть—я!

— Ну, здравствуй! Ты у кого нынче?

— У Ковалева, братъ... чтобъ ему подохнуть!

Съ горы подошли еще двое рабочихъ и поздоровались. Одинъ тоже назвалъ Луку по имени.

— Вы отъ кого?—спросилъ Лука.

— Отъ Дранковскаго.

— Васъ ждутъ на Гремучемъ,—замѣтилъ Палатовъ.

— Пусть ихъ ждутъ тамъ, а мы здѣсь.

Солнце закатилось за гору. Наступилъ тихій, прохладный вечеръ. Наши путники остались ночевать съ новыми товарищами; составилась партія бѣглецовъ въ шесть человѣкъ. У Спиридона нашлось нѣсколько фунтовъ вяленаго мяса и немного крупы. Лука взялся сва-

рить „добрый супъ“, разрубилъ мясо на мелкіе куски, разложилъ съ крупой въ три котелка, пошелъ въ гору, нарвалъ молодой черемши [1]), накрошилъ и ссыпалъ въ тѣ же котелки. И дѣйствительно, супъ съ черемшей вышелъ хорошій, по крайней мѣрѣ на вкусъ усталыхъ и голодныхъ бѣглецовъ. Только Палатову что-то не ѣлось.

Около костра шли разговоры: кто и когда бѣжалъ съ пріиска, какъ шли, какія были приключенія. Оказалось, что у другихъ бѣглецовъ также были побудительныя причины.

— Хозяинъ нашъ,—разсказывалъ Спиридонъ,—какъ намылъ нонись на сорокъ человѣкъ три пуда золота, такъ и не подступайся, такой баринъ сталъ! ходитъ — руки въ карманы, носъ этакъ кверху задираетъ, разговаривать ни съ кѣмъ не хочетъ. А давно-ли фельдшеришкомъ былъ. Станешь выписку просить; ты одно просишь, а онъ тебѣ выпишетъ чего знаетъ да и броситъ листикъ въ глаза: „получай, говоритъ, чего даютъ“. Нанялъ по себѣ какого-то служащаго, цѣлый день какъ собака на всѣхъ лается, а то и въ шею закатитъ. Заспоришь— урокъ большой, а онъ идетъ жаловаться хозяину, а тотъ кричитъ: „заморю на работѣ, хошь всю ночь работай, а урокъ, говоритъ, кончай!“.. Вотъ въ эту выписку попросилъ бродни—не далъ! говоритъ, долженъ много... Поработалъ, поработалъ... броденки развалились... Чортъ съ тобой, думаю, и съ твоимъ пріискомъ! Взялъ да и пошелъ.

О товарищѣ своемъ Спиридонъ разсказалъ почти то

[1]) Черемша—иначе колба, трава, употребляемая на пріискахъ отъ цынги.

же, что случилось и съ Горемычнымъ; разница только та, что товарищъ Спиридона послѣ побоевъ въ больницѣ не умеръ, а убѣжалъ.

— А у насъ хозяинъ,—говорилъ одинъ изъ рабочихъ Дранковскаго, Семенъ,—такъ покраситъ еще Ковалева. Самъ панъ и пановъ набралъ себѣ на службу. Бѣда съ этими панами, ничего отъ нихъ путнаго не услышишь, только кацапъ да кацапъ, пся-кревъ!.. Нашъ Дранковскій вздумалъ забить окна въ казармахъ рѣшетками, какъ въ острогѣ... Чортъ его знаетъ, понравилось што ли ему самому сидѣть за рѣшетками! Мы было тово... за што, молъ, садишь насъ за рѣшетки, а онъ говоритъ: „не бѣгайте“... У казармы по ночамъ караулъ ставитъ, то казачишко ходитъ... Я думаю: наплюю я вамъ въ козлиныя бороды, и ушелъ прямо съ работъ: въ обѣдъ унесъ въ лѣсъ котомку съ хлѣбомъ и топоръ, а вечеромъ-махнидрало.

Лежа у костра, Палатовъ прислушивался къ этимъ разсказамъ, но скоро потерялъ нить ихъ, въ забытьѣ у него все смѣшалось. Представилась ему судьба Горемычнаго: онъ видѣлъ его худымъ, измозженнымъ въ работѣ, Горемычный смотрѣлъ на него умоляющими глазами.

А потомъ все вдругъ смѣнилось. Знакомый берегъ Волги, вонъ знакомое село съ куполомъ церкви, на берегу женщины полощутъ бѣлье. Вонъ его старая мать; мать подошла и смотритъ за рѣку, точно узнала его чуткимъ материнскимъ сердцемъ.

— Матушка! родная! — крикнулъ съ рыданіемъ въ голосѣ Палатовъ, но вдругъ онъ увидѣлъ, какъ Лука его

держитъ сильными руками и не пускаетъ. Онъ дико рванулся. Завязалась страшная, отчаянная борьба.

Эта борьба была наяву уже. Палатовъ былъ въ безпамятствѣ, горячечный бредъ охватилъ его, и Лука увидалъ его уже бѣгущимъ къ рѣкѣ. Страшно бился Палатовъ въ рукахъ силача Хохла; безуміе придало неестественныя силы его молодому тѣлу. Хохолъ изнемогалъ и хрипѣлъ, когда его душилъ Палатовъ, пока не выручили остальные рабочіе, подоспѣвшіе на помощь. Больного положили и голову отлили водой.

Холодные души понизили жаръ. Больной Палатовъ впалъ въ изнеможеніе и застоналъ.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный, какъ теперь его оставить здѣсь?—говорили товарищи.

— Я съ нимъ останусь,—сказалъ мрачно Хохолъ.

— Нѣтъ, братъ, это не по-товарищески; мы тебя не оставимъ одного.

— Знаешь что,—сказалъ Спиридонъ:—давайте плотъ доканчивать, я вамъ вчера говорилъ; лихо сплавимся и больного возьмемъ.

— А вода?.. Нехай его, не поѣду,—сказалъ Хохолъ, имѣвшій предубѣжденіе противъ водяныхъ экскурсій.

— Что вода! я лоцманомъ былъ, барки сплавлялъ; неужели не сплавить плотишко?

Хохла начали уламывать. Онъ раздумалъ и рѣшилъ, что остаться въ лѣсу хуже: запаса не было. Начались приготовленія.

Срубили восемь деревъ, вырубили и отесали двѣ греби, срубили и вытесали иглу, опроушили бревна и

стали спускать ихъ на воду, надѣвая одно за другимъ на иглу. Спустивъ всѣ бревна и закрѣпивъ комли ихъ на иглѣ, положили къ вершинамъ поперекъ бревенъ двѣ ронжи и каждыя два бревна, обвивъ кольцами изъ распаренныхъ таловыхъ прутьевъ, прикрѣпили къ ронжамъ клиньями. Плотъ готовъ. Спиридонъ устроилъ на обоихъ концахъ скамьи подъ греби; Павелъ сдѣлалъ по срединѣ небольшое возвышеніе — помостъ изъ тонкаго лѣса и хвои для больного и котомокъ; Лука срубилъ двѣ тонкія, длинныя талины (одну съ корнями), связалъ ихъ вершинами вмѣстѣ, сдѣлалъ веревку и прикрѣпилъ эту деревянную веревку къ иглѣ плота корнями. Работа плота заняла не больше двухъ часовъ, бѣглецы сложили на плотъ свой багажъ, завели подъ руки и положили больного Палатова, встали сами и взяли Арапку; сняли шапки и помолились на востокъ.

— Ну, трогай съ Богомъ!—скомандовалъ Спиридонъ. Оттолкнулись шестами отъ берега и поплыли. Спиридонъ сталъ къ носу плота, у поносной греби съ двумя товарищами—Семеномъ и Павломъ, и командовалъ: „бей направо! бей налѣво!“—Лука и Павелъ стали у кормовой греби. Плотъ быстро несся по гладкой водной поверхности. По сторонамъ мелькали кусты тальника и черемухи, скользили группы елей и пихтъ, бѣжали высокія скалы и ползли дальніе горные хребты. День былъ тихій, теплый. На ясномъ голубомъ небѣ ярко сіяло солнце и ласково обогрѣвало бѣглецовъ. Они отдохнули и забыли всѣ неудобства утомительнаго пути, забыли тяжелую пріисковую жизнь,—хоть на минуту да забыли.

— Эхъ, кабы все такъ!—съ какой-то грустью проговорилъ Семенъ.

— Не худо бы,—подтвердилъ Павелъ.

— Любите! — самодовольно усмѣхался Спиридонъ, какъ бы желая сказать: „это я, лоцманъ, сдѣлалъ такое удовольствіе“.

Больной Палатовъ то забывался, то прохлада рѣки освѣжала его и приводила въ сознаніе. Онъ въ первый разъ плылъ по таёжной рѣкѣ, любовался быстротою теченія этой рѣки, любовался ея берегами, то низкими болотистыми, то высокими каменистыми, покрытыми дремучимъ лѣсомъ; любовался видомъ горъ, и ему казалось, что онъ видитъ сонъ, чудный сонъ, и возвращался къ воспоминаніямъ родной Волги. Даже Лука и тотъ повеселѣлъ немного, не такъ сурово смотрѣлъ, какъ прежде, и спокойнѣе тянулъ дымъ изъ своей коротенькой люльки.

Такъ плыли бѣглецы до обѣда; благополучно миновали шевыры и большіе камни, выдававшіеся изъ воды; во-время отбивались отъ наносовъ, и не пристали нигдѣ къ берегу даже пообѣдать: закусили на плоту хлѣба съ водой.

— Теперича до Зеленаго Зимовья недалеко; вонъ за той горой будетъ, — проговорилъ Спиридонъ, указывая внизъ по теченію рѣки.—Надо пристать будетъ.

Плотъ несся вблизи берега небольшого острова, въ концѣ котораго рѣка круто поворачивала налѣво.

— Бей направо! — закричалъ вдругъ Спиридонъ:— наносъ!.. Сильнѣй, братцы, сильнѣй!.. прямо на наносъ... Корма наддай! сильнѣй!..

Крахъ! — кормовое весло переломилось пополамъ... Лука наддалъ! Плотъ повернулся бокомъ и полетѣлъ прямо на наносъ... „Спасайся!“ — крикнулъ Спиридонъ. Плотъ ударился о наносъ такъ сильно, что бѣглецы попадали. Вода зашумѣла, сдавила плотъ и поставила его ребромъ, прижавъ къ наносу.

Спиридонъ, разсчитавъ ударъ плота, выскочилъ первый, за нимъ двое, Семенъ и Павелъ, схвативъ свои котомки, и только трое рухнули въ воду. Больной Палатовъ скатился первый. Лука хотѣлъ кинуться къ нему, но его ударило бревномъ и отнесло. Онъ видѣлъ, какъ около него крутилась вода и плыли котомки и азямы внизъ по рѣкѣ... Онъ не думалъ ихъ спасать. Хохлу протянули жердь, онъ не думалъ хватать ее. Лука искалъ глазами Палатова. Другого рабочаго вода держала и несла далеко впереди.

— Не поймаешь, его не видно...—сказали Хохлу.

Дѣйствительно, Палатовъ, слабый, сразу погрузился весь въ воду... Черезъ минуту онъ вынырнулъ, еще разъ показались руки его, какъ бы звали Луку,—и больше не показывался на поверхность воды. Только три котомки одна за другой плыли внизъ по рѣкѣ, да и тѣ скоро скрылись изъ вида.

Лука бился долго въ бурунѣ; наконецъ, чувствуя, что выбился изъ силъ, выползъ на берегъ. Арапка выплылъ также, отряхнулся, забѣжалъ по берегу вверхъ по рѣкѣ, остановился противу наноса, началъ лаять и визжать.

Пловцы стояли уныло. Всѣ они готовы были поку-

паться, и нѣкоторые не разъ уже купались въ холодной водѣ, но утонуть... Объ этомъ, кажется, никто и не думалъ раньше, развѣ только Лука Хохолъ. Имъ жаль было преждевременно погибшихъ товарищей, да и собственное ихъ положеніе было незавидно.

Бѣглецы молча стояли на наносѣ, каждый былъ занятъ своими мыслями. Спиридонъ, снявъ шапку, сказалъ: „Царство небесное!“ — „Царство небесное!“ — крестясь, повторили товарищи... „Что теперь дѣлать?“ — былъ общій вопросъ. Предполагалось и обсуждалось много мѣръ, много способовъ, но всѣ они были неудобопримѣнимы. Спиридонъ говорилъ: „надо плоть выручать“.

Мокрые, жалкіе стояли бѣглецы на наносѣ; азямы ихъ уплыли, какъ и котомки; мокрыя рубахи обтягивали ихъ тѣло, они дрожали отъ холода. Никому не приходило въ голову отыскать огня, разложить костеръ, да и найдется ли еще онъ.

Эта группа несчастныхъ потерпѣвшихъ крушеніе была контрастомъ безпомощности и слабости предъ картиною окружавшей ихъ горной природы и бушевавшей около стихіи. Кругомъ былъ безконечный лѣсъ, сверху нависли зловѣщія свинцовыя тучи. Спускалась ночь.

Лука оставилъ товарищей и шелъ по берегу. Согбенная, высокая фигура его съ всклоченной бородой и мокрыми волосами казалась какимъ-то полусумасшедшимъ. Онъ безпрестанно нагибался, разбиралъ рукой тальникъ и тревожно смотрѣлъ на клокочущую рѣку, какъ бы ожидалъ отъ нея чего-то. Вотъ въ сумеркахъ и во мракѣ видна только одна бѣлая пѣна, едва освѣщенная малень-

кимъ просвѣтомъ на небѣ. А онъ все идетъ и раздвигаетъ тростникъ.

Скоро послѣднее облако сдвинулось и спустилась ночь. Казалось, все слилось въ одинъ непроницаемый мракъ, въ одну непроглядную тьму, на фонѣ которой обрисовывались одни только голые сучья тальника.

Въ этомъ мракѣ только бѣшено шумѣлъ потокъ по камнямъ, и шумъ этотъ былъ грозный, металлическій; онъ навѣвалъ ощущеніе смерти, холода, безнадежности...

Вдругъ старый Лука почувствовалъ, что ему уже нечего искать. Какъ подкошенный, онъ сразу опустился на камень. Онъ закрылъ голову руками. Желѣзная натура его дрогнула.

— Дитя мое, дитя мое!..—зарыдалъ онъ старческимъ голосомъ, въ которомъ вылилась вся его нѣжная отеческая привязанность къ погибшему. Онъ былъ старъ, онъ не хотѣлъ жить, но судьба не взяла его, а взяла молодого.

Эти безсильныя рыданія старика прерывалъ только глухой шумъ воды.

Лука опустилъ руку и задѣлъ что-то холодное.

Теперь только онъ замѣтилъ Арапку, который прижался къ нему, а потомъ отбѣжалъ и уныло завылъ по направленію къ рѣкѣ.

Этотъ унылый вой былъ дополненіемъ унылой картины и отчаянія, царствовавшаго въ этой пустынѣ.

СИБИРСКІЕ МУЧЕНИКИ [1]).

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ ПРІИСКОВЫХЪ РАБОЧИХЪ.

I.

Искатели счастія.

На дворѣ февраль мѣсяцъ. Солнце ярко блеститъ на безоблачномъ голубомъ небѣ; рѣзкій вѣтерокъ несется по широкой степи, покрытой сплошнымъ слоемъ снѣга, ко-

---

[1]) Авторъ настоящаго разсказа, священникъ Сергѣй Александровичъ Стрѣтенскій, нынѣ уже умершій, съ основанія газеты „Сибирь“ состоялъ постояннымъ ея сотрудникомъ. Помимо мелкихъ корреспонденцій, которыми онъ неистощимо снабжалъ редакцію о разныхъ требовавшихъ гласности случаяхъ въ жизни Ачинскаго округа, многія его серьезныя статьи, касавшіяся мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ, занимали на страницахъ газеты передовыя мѣста и обращали на себя вниманіе; таковы, напр., „На мосты и дороги“, „Золотая лихорадка“, „Своимъ судомъ“, „Экономическій бытъ крестьянъ въ Ачинскомъ округѣ“ и другія. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ спеціальныхъ органахъ духовной литературы: въ „Современности“ и въ „Наставленіи для сельскихъ пастырей“. Помѣщенныя въ послѣднемъ журналѣ, за 1878 годъ, его „Записки сельскаго священника“ представляютъ подавляющее описаніе тяжелой жизни интеллигентнаго рус-

торый при блескѣ солнечныхъ лучей сіяетъ какъ полированное серебро и переливается цвѣтами радуги... Больно глазамъ смотрѣть на это безконечное море блеска... Проѣзжая дорога едва замѣтною, матовою лентой тянется по этой блестящей поверхности и скрывается гдѣ-то далеко въ плоскихъ перевалахъ степи. Широко раскинулась привольная, безлюдная степь и незамѣтно для глаза слилась вдали съ зеленовато-блѣднымъ горизонтомъ... Не видно ни жилья человѣческаго, никакого живого существа среди этого безконечнаго простора, и какою-то сиротливостью и грустью вѣетъ отъ этой мертвой, холодной пустыни... Пролетитъ порой воронъ, степной нелюдимъ, надъ этою пустыней и уныло прокаркаетъ свои жалобы, что нѣтъ ему добычи въ этомъ пустынномъ

ского священника въ деревенской глуши, рядомъ съ бытовыми сторонами этой глуши, —жизни, которая унесла уже не мало жертвъ изъ просторнаго ряда русскихъ мыслителей и гнетъ которой покойный въ теченіе 17 лѣтъ выносилъ на себѣ.

Сынъ ачинскаго соборнаго протоіерея, маститаго, всѣми уважаемаго старца, С. А., окончивъ курсъ въ томской семинаріи, три года состоялъ преподавателемъ при томскомъ духовномъ училищѣ, и въ 1863 году, по желанію родителя, посвятилъ себя служенію церкви. Какъ ни была тяжела для него эта карьера, какъ ни расходилась она съ его внутреннимъ строемъ, онъ всегда относился къ ней честно и добросовѣстно, заслуживъ любовь и полное уваженіе прихожанъ примѣрнымъ безкорыстіемъ и тою теплою душевною добротою, которая была по истинѣ присуща его христіанско-поэтической натурѣ. Да инымъ онъ и не могъ быть! Музыкантъ, живописецъ, поэтъ, человѣкъ съ запасомъ научныхъ знаній и съ эстетическимъ чутьемъ, онъ всегда горячо сочувствовалъ близкому его сердцу сибирскому населенію. Его любовь къ своей родинѣ—Сибири была безгранична. Свидѣтельствомъ этого чувства служатъ его статьи и нѣсколько оставленныхъ имъ стихотвореній.

С. А. умеръ въ селѣ Николаевскомъ, Ачинскаго округа, 20-го января 1880 года.

царствѣ; на нѣсколько мгновеній огласится степь его унылымъ крикомъ, и опять наступитъ тишина ненарушимая, тишина мертвая...

Но вотъ картина измѣняется: изъ оврага на пригорокъ поднимаются четыре пѣшехода. По наружному виду, все простой народъ—крестьяне. Одинъ пожилой, низенькаго роста, съ бородою, на половину посѣдѣвшею, и трое молодыхъ. У каждаго за спиною котомка и въ рукахъ палка. Пѣшеходы идутъ бойко, точно торопятся куда-то, чтобъ не опоздать, и снѣгъ скрипитъ подъ ихъ тяжелыми шагами, и этотъ скрипъ рѣзко и звучно раздается въ морозномъ воздухѣ.

— Будемъ ли мы къ Алексѣву дню на мѣстѣ?— сказалъ одинъ изъ молодыхъ пѣшеходовъ.

— Къ Алексѣву?—переспросилъ старикъ: —ранѣе будемъ... Завтра отправка, ну, черезъ недѣлю будемъ въ Енисейскѣ... А въ Енисейскѣ што? Повѣрятъ партію да и маршъ на пріиски—держать не будутъ, потому теперича самая работа—турфа скрывать...

— Попытаемъ счастья: што-то Богъ дастъ...—говорилъ другой молодой парень.

— Да, попытка не пытка, спросъ не бѣда! — замѣтилъ старикъ. — Оно конешно, человѣку непьющему оченно можно ходить на пріиска, потому—деньги!... А нашъ, примѣрно, братъ што? Пришелъ изъ тайги въ Енисейскъ, дорвался до этого винища, ну, и прощай Москва, золотыя маковки... Да гдѣ, иной разъ до Енисейска не дойдешь—все спустишь: только изъ тайги носъ покажешь, а тебя ужъ ждутъ архаровцы, напоятъ

да оберутъ и ступай домой легче пуху, чище хрусталя... Вотъ оно што! А все вино!...

— А я такъ зарокъ далъ: снималъ икону со стѣны, штобъ не пить до тѣхъ поръ, покуда приду домой,— замѣтилъ одинъ изъ пѣшеходовъ.

— Нѣтъ, ты, Андрюха, не зарекайся,—наставительно началъ старикъ:—потому што отъ хозяевъ порція положена: значитъ, надо выпить съ трудовъ... Тамъ человѣку нельзя не выпить, потому самому, што нутренность не вытерпитъ натуга, а труды-то тамъ ой, ой, ой!...

— И старикъ грустно покачалъ головой.

— За то вѣдь ужъ и деньги даютъ, дядя Ефремъ!

— Оно деньги-то деньги, конешное дѣло,—оживленно заговорилъ дядя Ефремъ:—а если еще фартъ послужитъ, таракашковъ [1]) наберешь малую толику, да съумѣешь ихъ выволочь на бѣлый свѣтъ, оно вѣдь дѣло-то выйдетъ малина!—и Ефремъ весело захихикалъ.

— А какъ самородку найдешь?—спросилъ молодой пѣшеходъ.

— А коли самородку Богъ дастъ—въ контору не носи... Нѣтъ, избави Богъ, потому хозяева плохо платятъ нашему брату; лучше всего продавай на сторону, а то въ Енисейскъ волоки. Въ жиломъ мѣстѣ, я вамъ скажу, такой обычай: гдѣ только есть лавочка али какая вывѣска—смѣло иди, тамъ купятъ золото; нашего брата, пріискателя, тамъ ужъ знаютъ...

Ефремъ взялъ подъ мышку свою палку, досталъ изъ-

[1]) Таракашками пріисковые рабочіе называютъ не особенно крупныя зерна золота. *Авт.*

за пазухи коротенькую трубку, набилъ ее табакомъ и началъ глубокомысленно высѣкать огнивомъ огонь.

— Да и надуваютъ же нашего брата эти покупатели,—какъ бы про себя началъ старикъ:—а все жиды больше... Охъ, ужъ это анаѳемское племя! Такъ его, братцы мои, и бьетъ лихорадка, какъ увидитъ онъ это самое золото.

Старикъ нервически быстро началъ сосать чубукъ своей трубки; синяя струйка дыма понеслась за вѣтромъ, и въ воздухѣ сильно запахло загорѣвшимся трутомъ и махоркой.

— Какія вѣдь штуки дѣлаютъ эти бестіи, уму непостижно! Однажды они обработали одного приказчика [1]). Жидъ посулился купить у этого молодца хапаное золото, а самъ, не будь дуракъ, далъ знать другимъ жидамъ: будетъ-де пожива—держите ухо востро!... А въ Ѳедосѣевскѣ ихъ столько, что ни въ одной собакѣ столько блохъ нѣту. Хорошо. Наступила ночь, приказчикъ шасть къ своему жиду, штобы сдать золото и разсчитаться. Начали вѣсить. Вдругъ, откуда ни возьмись полиція.— „Отворяй, пархъ жидовскій!“—кричитъ за дверью приставъ.—„Вей, вей!“—закричалъ хозяинъ:— „полиція! сто мы будемъ дѣлать, Босе мой! пропали мы съ насимъ золотомъ!...“ Приказчикъ хотѣлъ прыгнуть въ окошко, да нѣтъ, братъ, стой!—кругомъ солдаты... Дѣлать нечего: отворилъ жидъ двери, притворился, што испугался на смерть—трясется... Полиція вошла, все какъ водится,

[1]) Всякаго служащаго на пріискахъ въ Сибири называютъ приказчикомъ. *Авт.*

чиновникъ какъ есть. Сейчасъ къ приказчику съ вопросомъ: „что за человѣкъ? зачѣмъ здѣсь? подай письменный видъ!“—и пошелъ придираться!... Говорили, говорили, вдругъ чиновникъ подходитъ къ столу:—„Что у васъ на столѣ покрыто скатертью?“ посмотрѣлъ—золото... „Ахъ, вы такіе, сякіе мошенники! Въ часть ихъ!“ Приказчикъ туда-сюда, въ ноги чиновнику: помилосердуйте, ради малыхъ дѣтей. Все возьмите, только пустите... „Врешь, мошенникъ этакой, у тебя еще вѣрно есть золото! Обыскать его!“ Обыскали, съ сотню денегъ нашли, и ихъ взяли, да потомъ и выгнали въ шею вонъ изъ дома. А вся эта полиція, братцы мои, были наряженные жиды. Вотъ они, шельмы-то, каковы!—и Ефремъ далеко отплюнулъ въ сторону. Спутники его громко смѣялись.

— Нѣтъ, ужъ если Богъ дастъ, што и попадетъ въ руки, съ жидами дѣловъ никакихъ не имѣйте—одно слово, народъ проклятый...

Эти четыре пѣшехода были искатели счастья, отправившіеся на пріиски наживать деньги и спѣшившіе теперь въ село Иваново—на сборный пунктъ всей нанятой въ окрестностяхъ партіи. Они всѣ были изъ одного села Озернова.

Ефремъ былъ поселенецъ, жившій уже въ Сибири лѣтъ двадцать. Онъ неопустительно каждый годъ ходилъ на золотые пріиски, но въ теченіе двадцати лѣтъ ни разу не приносилъ домой и двадцати грошей. Онъ былъ поселенецъ-бобыль, безъ роду и племени, какихъ въ Сибири многое множество, не имѣлъ ни кола, ни двора, и, какъ

слѣдуетъ бобылю, былъ горчайшій пьяница. Зимою онъ занимался портняжествомъ—шилъ крестьянскія шубы, и все, что зарабатывалъ, пропивалъ съ хозяевами же. Односельцы за это любили Ефрема и наперерывъ звали его шить и чинить шубы. Зимою же Ефремъ бралъ задаточныя деньги, нанявшись на пріисковую работу, и, прокутивъ ихъ, въ началѣ весны отправлялся въ тайгу и цѣлое лѣто ломалъ тамъ свои старыя кости въ тяжкой земляной работѣ. Такимъ порядкомъ, однажды установленнымъ, шла жизнь его двадцать лѣтъ.

Одинъ изъ молодыхъ пѣшеходовъ былъ крестьянинъ села Озернова, Андрей Хворостовъ. Это былъ дѣтина лѣтъ двадцати-семи, бѣлокурый, плечистый, съ умнымъ, добродушнымъ лицомъ и кроткими сѣрыми глазами.

Восьми лѣтъ остался онъ сиротой отъ отца. Мать его хотя и молодою осталась послѣ мужа, но вслѣдствіе болѣзни не могла выйти замужъ, такъ и осталась навсегда вдовою съ малолѣтними дѣтьми Андреемъ и дочкою Дарьею. Все, что осталось отъ покойнаго мужа, было прожито, и Андрей съ восьмилѣтняго возраста пошелъ по чужимъ людямъ мыкать свое сиротское горе и промышлять для больной матери и малой сестры скудный хлѣбъ. Незавидно житье сибирскаго батрака. Много надо здоровья, терпѣнья и труда, чтобъ завоевать въ теченіе многихъ лѣтъ самостоятельную жизнь. Много прольется пота и слезъ на чужой работѣ, прежде чѣмъ батракъ возьмется за свою собственную соху... Малолѣтніе работники, такъ-называемые „борноволоки“, обыкновенно не получаютъ никакой денежной платы, а работаютъ изъ-за одежды и

обуви да ничтожнаго количества хлѣба, получаемаго отцомъ или матерью. Съ годами назначается плата деньгами, которая рѣдко бываетъ болѣе 30—40 рублей въ годъ; это уже получаетъ настоящій, взрослый работникъ.

И вотъ около двадцати лѣтъ Андрей переходилъ отъ одного хозяина къ другому, и все-таки, при ничтожной годовой платѣ, не нажилъ ничего: ни сохи, ни бороны, ни коня-пахаря. Вся годовая плата хозяина шла на подати да на разныя общественныя повинности, на обувь да на одежду, да на прокормленіе матери и сестры. Думалъ, думалъ Андрей о своемъ житьѣ и началъ совѣтоваться съ матерью: какъ бы зажить своимъ домишкомъ, завести лошаденокъ да рогатую скотину, а потомъ какъ-нибудь жениться. Думали, думали и не выдумали ничего. Всѣ ихъ думы оканчивались тѣмъ, что нужны на все деньги, а ихъ не было... Въ это время поселенецъ Ефремъ вышелъ съ пріисковъ и разсказывалъ, какъ хорошо наживаются тамъ люди, не пьющіе водки, и что, живя съ умомъ, можно вынести оттуда деньжонки порядочныя. Андрея соблазнила мысль попытать счастья на пріискахъ, и онъ сталъ просить благословенья у старухи матери.

— Задатки возьму я, матушка, да свадьбу сдѣлаемъ; съ невѣсткой жить тебѣ будетъ веселѣе, пока лѣто буду я работать, а какъ по осени вынесу деньжонокъ, тогда и скота заведемъ...

Долго не соглашалась старуха на предложенія сына.

— Какой есть путящій человѣкъ, што на рудники идетъ работать, посуди ты самъ, мое дитятко,—говорила она.

— Все равно, матушка, и здѣсь работаю я — не цвѣты цвѣтутъ на насъ; такъ весь вѣкъ промаешься — ни за собой, ни передъ собой, а тамъ все же што-нибудь и заработаю полишнѣе...

— Оно такъ, Андрюшинька, да, боюсь я, вино-то проклятое загубитъ твою головушку...

— Нѣтъ, этого не бойся, матушка; вотъ тебѣ образъ, икона святая, што капли вина пить не буду.—И Андрей снялъ съ божницы почернѣвшую икону, набожно перекрестился и поцѣловалъ ее.

— Вотъ, видишь, матушка, черезъ икону Господню божусь, что пить не буду.

— Ступай съ Богомъ, дитятко; я съ тебя воли не снимаю... Охъ, останусь я, сирота горькая, одна одинешенька!..—запричитала старуха.

— Полно, матушка, вѣдь не на смерть же ходятъ туда люди: вонъ дядя Ефремъ двадцать годовъ ходилъ на рудники, все ничего, живъ-здоровъ.

— Я бы все ничего, — сквозь слезы говорила старуха:—да боюсь, не потратилъ бы ты тамъ свою головушку...

— Все Богъ, матушка, и здѣсь рукъ не подставишь, какъ придетъ воля Божія...

У Андрея была въ деревнѣ зазноба, крестьянская дѣвица Катя Воркунова. Давно они любили другъ друга, да не на что было Андрею сыграть свадьбу. Теперь эта завѣтная мечта парня казалась ему исполнимою. Въ этотъ же вечеръ Андрей успѣлъ повидаться съ своей Катей и передать ей о своемъ намѣреніи идти на пріиски. По-

плакала дѣвка, но утѣшилась, что скоро они обвѣнчаются съ Андреемъ и заживутъ своимъ домишкомъ. Повидался Андрей и съ Ефремомъ, и они уговорились вмѣстѣ идти въ Иваново брать „задатки“.

— Вѣдь и Сенька Перстовъ хочетъ идти со мной,— говорилъ Ефремъ.

— Неужели?

— Право-слово. Онъ самъ говорилъ мнѣ: тятько, говоритъ, посылаетъ на рудники—пойду. Попытаю, говоритъ, счастья.

— Вотъ такъ! Значитъ весело намъ будетъ...

— Ничего, не робѣй, ребята, со мной не пропадете— я старый воробей, всю тайгу знаю, какъ свои пять пальцевъ. Двадцать-первой разъ съ вами пойду, коли Богъ грѣхамъ потерпитъ...

Второй молодой, высокій, смуглый и сухощавый парень былъ Семенъ Перстовъ.

Семенъ Перстовъ былъ тоже крестьянскій сынъ. Отецъ его, Степанъ Перстовъ, низенькій, худенькій мужичокъ, былъ бѣднѣйшій изъ бѣднѣйшихъ озерновскихъ крестьянъ. Онъ былъ, такъ сказать, какой-то особенно нелюбимый пасынокъ природы. Горькая судьба неотразимо тяготѣла всю жизнь надъ его домомъ, и въ силу этого неотразимаго тяготѣнія жизнь для него была злѣе всякой злой мачихи. Эта злая судьба, какъ будто нарочито, разсчитанно, преслѣдовала именно его, Степана Перстова и, обходя другихъ, на немъ одномъ вымещала какое-то тайное, невѣдомое озлобленіе. Она, злая судьба, не давала ни въ чемъ неповинному Степану Перстову ни одной капли

радости, ни одного свѣтлаго, радостнаго дня... Исключая, разумѣется, изъ этого тѣ очень рѣдкіе случаи фальшивой радости и фальшиваго веселья, когда напьется Степанъ досыта дарового общественнаго вина... Тогда встрепенется вся его придавленная горемъ фигура. Словно хочетъ Степанъ разомъ сбросить съ плечъ своихъ всю многолѣтнюю обузу горя, и запляшетъ онъ противъ кабака въ присядку, на потѣху честной компаніи. Треплются его жиденькіе волосы, какъ-то странно трясется на немъ вся въ заплатахъ, разорванная въ клочья, одежонка... Онъ и плачетъ, и смѣется, и поетъ пѣсни, и проклинаетъ свое горькое житье.

Отъ всѣхъ бѣдняковъ Степанъ Перстовъ отличался тѣмъ, что не могъ никакимъ способомъ развести никакой скотины: ни коней, ни коровъ, ни овецъ, ни даже свиней, какъ ни безцеремонно это племя относительно ухода... Купитъ лошадь, поработаетъ съ годъ—и лошадь, ни съ того, ни съ сего, околѣетъ; купитъ корову—на тотъ разъ явится чума или „сибирка“—и коровы какъ не бывало. Съ овцами и свиньями происходила та же исторія.

Всѣ эти злоключенія Степанъ объяснялъ тѣмъ, что домъ его *не на мѣстѣ*. И вотъ на седьмое мѣсто онъ перетащилъ свою убогую хату, а счастья все нѣтъ, какъ нѣтъ. Призывалъ онъ и знахарей, и ворожей, поилъ ихъ виномъ на послѣдніе гроши, и тѣ тоже говорили, что домъ *не на мѣстѣ* и что мѣсто всему дѣлу голова. И по совѣту знахарей, и по собственному убѣжденію, переселялся Степанъ съ одного мѣста на другое; ломалъ и коверкалъ при перестройкѣ свою ветхую избушку. Выбрасывалъ изъ

нея изгнившія, никуда негодныя бревна, но не замѣнялъ ихъ новыми, и вотъ на седьмомъ мѣстѣ дворецъ его оказался только въ два аршина вышины. Посмотрѣлъ Степанъ на свою хоромину, покачалъ головой, подумалъ...

— Ничего, глубже въ землю подадимся: оно ребятамъ теплѣе будетъ, и въ землѣ продувать не будетъ...

Успокоивъ себя, Степанъ мысленно рѣшилъ, что и этого лѣсу хватитъ еще на двѣ, на три перестройки.

Зимою на седьмомъ мѣстѣ пропала кобыла, а корову, которая плелась за деревней, подбирая разсоренное сѣно, задавили волки.

Озерновскіе старики не разъ говорили Степану:

— Што ты, дядя Степанъ, таскаешь свою избушку съ мѣста на мѣсто—проку въ этомъ не будетъ! Ты бы хоть какой ни на есть дворишко сдѣлалъ, хоть бы изъ хвороста сплелъ, а то гдѣ же тутъ жить скотинѣ? У тебя дворы-то свѣтомъ Божьимъ горожены, а небомъ крыты... Нѣтъ сердешной скотинѣ никакой защиты ни отъ пурги, ни отъ мороза, ни отъ слякоти... Этакъ-то ни въ жизнь не разведешь скотины, хоть десять разъ переѣзжай съ мѣста на мѣсто.

— Ничего, ничего, милый человѣкъ,—отвѣчалъ Степанъ:—вотъ, Богъ дастъ, какъ поправлюсь на новомъ мѣстѣ, дворы заведу изъ пиленаго лѣсу, а хлѣвы какіе удеру—на моху! вотъ какъ! только бы поправиться Богъ привелъ...

Въ искупленіе всѣхъ бѣдъ и несчастій судьба надѣлила Степана крѣпкою вѣрою въ лучшее будущее. Во всей деревнѣ не было, кажется, человѣка, который бы

такъ крѣпко вѣрилъ въ свое будущее счастье, какъ вѣрилъ въ него именно онъ, горемыка Степанъ Перстовъ.

„Ничего, ничего, поправимся, Богъ дастъ!“

Эти слова обратились въ деревнѣ въ поговорку.

Бывало, когда пустится въ плясъ крѣпко выпившій Степанъ, мужики смѣются надъ нимъ.

— Что, дядя Степанъ, аль на новосельѣ пляшешь?— Степанъ остановится, оботретъ грязной рукой катящійся по лицу потъ и тихо заговоритъ:

— Ничего, ничего, милый человѣкъ, поправимся, Богъ дастъ, поправимся!...

И пуще прежняго начнетъ онъ съ какимъ-то неистовствомъ вывертывать свои неуклюжія ноги, какъ будто эта воображаемая поправа была у него подъ самымъ носомъ.

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ и злоключеній, Степана одолѣвала громадная семья. Сынъ у него былъ одинъ Семенъ, лѣтъ двадцати слишкомъ, а остальные домочадцы принадлежали къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода и ихъ насчитывалось шесть человѣкъ: старшей дочери было пятнадцать лѣтъ, а младшей шесть. Это была совершенно голодная, оборванная, полунагая семья, во главѣ которой стояла полуслѣпая, измученная работой и несчастіями мать.

Видали Степановы сосѣди, какъ иногда лѣтнею порой кто-нибудь изъ членовъ этой семьи занимался стиркою единственной рубахи. Стирка производилась обыкновенно во дворѣ,—если только можно назвать дворомъ пространство земли, огороженное въ двѣ жерди,—и безъ

всякой церемоніи въ одеждѣ праматери Евы; это потому, что гардеробъ будущихъ красавицъ ограничивался единственнымъ экземпляромъ рубашки, сшитой изъ холста чуть не въ палецъ толщиною. По окончаніи стирки, рубашка вывѣшивалась тутъ же на жердяхъ забора—на солнышко, и, пока она сохла, стирающая скрывалась въ хатѣ.

На закатѣ солнца лѣтнею порой дѣти Степана, какъ птицы беззаботныя, усаживаются рядкомъ на жерди забора и поютъ, что есть силы, тоненькими дѣтскими голосами веселыя пѣсни. Поютъ и любуются розовымъ блескомъ заходящаго солнца. Любуются, какъ оно золотитъ прощальными лучами безконечную степь, и наблюдаютъ, какъ дискъ его постепенно погружается въ землю... Багряною звѣздой догораютъ послѣдніе лучи заходящаго солнца на золоченомъ крестѣ сельской церкви; рѣютъ около него съ веселымъ щебетаньемъ рѣзвыя ласточки.

— Глянь-ко, Мотря, касаточки-то хресъ цѣлуютъ!— указывая на крестъ, говоритъ семилѣтняя Груня шестилѣтней Мотрѣ, и Мотря съ любопытствомъ устремляетъ свои голубые глазки на порхающихъ птичекъ...

И послѣ заката солнца долго еще пѣніе Степановыхъ ребятъ раздается въ тихомъ и тепломъ вечернемъ воздухѣ.

— Завтра день будетъ хорошій,—смѣются сосѣди:— Степановы птицы поютъ на заборѣ передъ вёдромъ.

Былъ и посильный трудъ у этой малолѣтней, горемычной Степановой семьи. Когда поспѣютъ въ сосѣдскихъ огородахъ овощи: огурцы, морковь, лукъ, карто-

фель, рѣпа и т. п., для Степановыхъ ребятъ наступаетъ страдное время. Проводивъ, по обыкновенію, пѣніемъ заходящее солнце и выждавъ, когда деревня угомонится, юное поколѣніе, подъ предводительствомъ двѣнадцатилѣтней сестренки Ульки, отправляется въ экспедицію по огородамъ, съ цѣлію набрать елико возможно всякой огородной благодати. Только утромъ сосѣди замѣтятъ слѣды нашествія Степановыхъ ребятъ, которыхъ, въ этомъ отношеніи, вся деревня боялась, какъ огня. Они не такъ много крали плодовъ, какъ много портили грядъ и ломали изгородей, открывая, такимъ образомъ, свободный путь другимъ, неменѣе страшнымъ хищникамъ и разорителямъ огородовъ—свиньямъ, которыя порѣшали уже съ огородами радикально, то-есть уничтожали всякое произрастеніе.

Жаловáлись Степану на его ребятъ, а онъ въ отвѣтъ на жалобы снова затянетъ свою неизмѣнную пѣсню:

— Ничего, ничего, милый человѣкъ, Богъ дастъ, поправимся, не будутъ озорничать...

Плюнетъ „милый человѣкъ“ чуть не въ самую всклокоченную бороду Степана и пойдетъ прочь. Подстерегали иногда этихъ маленькихъ воришекъ и сѣкли ихъ крапивой на мѣстѣ преступленія, но сѣченіе не достигало благой цѣли. Высѣченные ночью воришки вечеромъ на другой день пѣли свои вечернія пѣсни, весело покачиваясь на жердяхъ, словно и не было съ ними въ прошедшую ночь никакихъ непріятностей, и выжидали снова успокоенія деревни, чтобы отправиться въ опасную рекогносцировку.

Въ неурожайные годы вся семья отправлялась съ кошелями по міру православному и пропитывалась крохами, выпрошенными именемъ Христовымъ. Однажды самъ Степанъ, ради бѣдности своей, обманывалъ міръ крещеный—ѣздилъ въ дальнія деревни собирать на „погорѣлое“. Мужики какъ-то узнали объ этомъ и долго шутили надъ нимъ, но Степанъ или упорно отмалчивался, или увѣрялъ, что просто собиралъ ради Христа, ради голодныхъ ребятишекъ.

Несчастіе съ коровой на новомъ, седьмомъ, мѣстѣ поколебало нѣсколько вѣру Степана въ блаженное будущее. Неотвязное требованіе податей и разныхъ повинностей и обѣщаніе за неуплату сѣчь нещадно привели горемычнаго Степана къ неизмѣнному намѣренію закабалить сына на „вольную каторгу“.

Мрачный и угрюмый вошелъ онъ въ свою бѣдную избушку. Семенъ былъ дома.

— Сенька!—обратился къ сыну Степанъ:—ступай, бери задатки на пріиски... Вишь, наше дѣло какое выходитъ, хоть въ петлю полѣзай!...

— Ну, такъ што, пожалуй, пойду—мнѣ все равно работать-то,—отвѣчалъ Семенъ, не оборачиваясь къ отцу и не отрываясь отъ своей работы: онъ едва ли не сотую заплату пришивалъ къ обшмыганному, развалившемуся броднишку.

— Вотъ Ефремка пойдетъ брать задатки, такъ и ты ступай съ нимъ... Надо подати отдать да купить конишка... А по осени, какъ выйдешь съ пріисковъ, такъ другова купимъ... Може, Богъ сжалится—не издохнутъ...

— Мнѣ все равно работать-то,—совершенно равнодушно отвѣтилъ Семенъ, ковыряя шиломъ бродень.

— Што здѣсь,—въ раздумьѣ говорилъ Степанъ:— вѣки вѣченскіе шляйся по работникамъ, а все какъ ты работникомъ былъ, такъ ты работникомъ и помереть должонъ... Ни въ жисть тебѣ вздоху не будетъ!...

Четвертый пѣшеходъ былъ молодой парень—лѣтъ двадцати, озерновскій же крестьянинъ Александръ Голубевъ. Не нужда заѣла его и гнала на пріиски, а разгульная жизнь и пьянство довели его до необходимости бросить отцовскій домъ и родное село и искать невѣдомаго счастія. Онъ присталъ къ своимъ товарищамъ случайно...

Былъ воскресный день, именно такой день, въ который россіянинъ, при первомъ ударѣ въ колоколъ къ заутренѣ, считаетъ своею обязанностью отправиться на крылечко кабака, подъ знамя „распивочно и на вынось“, и сидѣть тамъ до вечера, переливая изъ пустого въ порожнее и выжидая глотокъ даровой водки. При такомъ благочестивомъ, праздничномъ времяпровожденіи, большинство озерновскаго общества сидѣло на крыльцѣ своего народнаго парламента—кабака и придумывало: какъ бы ради праздника Господня сорвать съ кого четвертушку или полведерка водки и ублажить для воскреснаго дня свою христіанскую душу. Въ числѣ сидѣвшихъ были и искатели счастія Ефремъ, Андрей Хворостовъ и Семенъ Перстовъ. Говорили о пріискахъ.

— Одно слово, вольно-каторжная это работа,—говорилъ старикъ съ длинной сѣдой бородой, озерновскій

поселенецъ:—я самъ лѣтъ десятокъ хаживалъ на эти пріиски, а ничего толку нѣтъ, вотъ только ноги потерялъ тамъ: навѣкъ уродомъ сдѣлался...

— Да вѣдь ты, Дементьевичъ, больно картишками заимствовался,—перебилъ его Ефремъ: — знаю вѣдь я, куда ты деньжонки-то спускалъ... Помнишь, въ Рыбной...

— Какъ не помнить!..—грустно отвѣтилъ старикъ и, склонивъ голову, началъ чертить палкой по снѣгу.

— А все же эта работа пріисковая,—опять началъ онъ:—во сто разъ хуже крестьянской... Тутъ ты работаешь, по крайности ты и отдохнешь — время придетъ, и сухой ты всегда, и отогрѣешься, какъ слѣдуетъ быть, и сытъ ты, и все какъ есть... А тамъ вся одежа на тебѣ сгніетъ отъ мокра да отъ грязи, и не доспишь ты, и не отдохнешь: одно слово, смерть!.. А денегъ-то еще какъ приведется вынести! Ходилъ я къ Луковицыну на пріиски; тамъ была такая заведенція—напихаютъ тебѣ изъ амбара всякаго што ни на есть дерма, а къ разсчету такъ подгонятъ въ „листикѣ“, што ты Пахомъ и я Пахомъ—нѣтъ ни на комъ. Бери котомку да и отваливай по-добру, по-здорову, куда знаешь. Нѣтъ, нашему брату пріисковая-то работа вотъ тутъ сидить!—И старикъ показалъ на свой затылокъ.

— Неужъ, Дементичъ, на каждыхъ какъ есть пріискахъ такъ разсчитываютъ?—спросилъ старика Андрей.

— Нонѣ не знаю—песъ ихъ знаетъ, а прежде такъ случалось...

— Нѣтъ, нонѣ эвтова нѣту,—оспаривалъ Ефремъ:—

потому народъ, какъ узнаетъ эти дѣла, не будетъ и наниматься къ такимъ хозяевамъ.

— А вотъ пойдете, такъ сами лучше все узнаете, — проговорилъ сѣдобородый поселенецъ и посмотрѣлъ чрезъ плечо на Андрея и Семена Перстова.

Въ концѣ улицы раздались веселые звуки гармоники и удалая молодецкая пѣсня. Пѣвецъ пѣлъ съ удалью, чистымъ, молодымъ голосомъ.

— Вонъ Алексаха,—замѣтилъ кто-то изъ мужиковъ: протираетъ, братъ, онъ глаза отцовскимъ денежкамъ...

— Ну, да не сколько ужъ ихъ осталось... Оногдысь послѣднева коня просталъ въ Ивановомъ—вотъ и гулятъ теперь...

— А кони были, што, братъ, по всей деревнѣ...

— Но! таки были животины, што мало такихъ.

Къ кабаку подходилъ въ это время молодой парень въ красной рубахѣ, плисовыхъ шараварахъ и въ шубѣ, накинутой на одно плечо. Онъ игралъ на гармоникѣ и подпѣвалъ пѣсню. Подойдя къ кабаку, онъ приподнялъ слегка шапку, надѣтую набекрень, и, молодцовато кланяясь, проговорилъ:

— Старичкамъ!..

— Милости просимъ!—отвѣтили мужики.

— Што, старички, посиживаете и винишка не пьете?

Парень былъ порядочно выпивши.

— Кабы ты попотчивалъ, такъ выпили бы, а то не на што,—отвѣтили старички.

— Не на што!.. Ха, ха, ха!—притворно засмѣялся

Александръ и, покачиваясь, началъ тихонько перебирать клавиши гармоники.

— Гдѣ-то нѣту Степана Перстова, а то бы онъ, братъ, сейчасъ трепака сварганилъ,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— А што тебѣ Степанъ Перстовъ въ горлѣ костью стоитъ, али што?—крикнулъ точно изъ-подъ земли явившійся предъ мужикомъ Степанъ, размахивая руками.

— Ну, ничево, дядя Степанъ, Богъ дастъ, поправимся!

— Вѣстимо, поправимся, не вѣкъ будемъ такъ биться; тогда, небось, у Степана изъ рукъ будешь высматривать шкалики да косушки...

— Чево не бывать на свѣтѣ! А ты отваливай-ко, дядя, трепака,—вонъ Алексаха сыграть...

— А ты угости прежъ, да и заставляй втѣшоры, а у Степана можетъ севодня еще и маковой росинки во рту не было, а ты: отваляй! Ишь разгулялся на чужихъ-то ногахъ!..

— Мы, братъ, Алексаха, на рудники отваливаемъ,— сказалъ Андрей, обращаясь къ Александру.

— Ну!.. съ кѣмъ?—съ удивленіемъ вскрикнулъ Александръ.

— Да вотъ съ дядей Ефремомъ да съ Семеномъ.

— Што вы?!

— Право, хоть побожиться: завтра поѣдемъ задатки брать...

— И я съ вами, братцы, примете? дядя Ефремъ?

— А што же, рады товарищу,—пойдемъ, коли охота есть...

— Ты, дядя Ефремъ, у насъ всѣхъ ребять за собой уведешь на эти прійски,—говорили мужики.

— А кто знать, можеть, онъ прикашникомъ сдѣланъ, наемку дѣлать...

— Бери и меня, дядя Ефремъ!

— И меня, дядя!—смѣялись мужики.

— Нѣть, дядя Ефремъ, я изо всей правды пойду съ вами, только примите,—говорилъ Александръ.

— А намъ што—пойдемъ, веселѣе будетъ.

— А коли вмѣстѣ идти, такъ пойдемте въ кабакъ, вмѣстѣ выпьемъ.

И товарищи пошли въ кабакъ. За ними повалила вся толпа мужиковъ въ надеждѣ выпить хоть полрюмки отъ щедраго гуляки, какимъ знали Александра.

— Ну, братъ Хаимъ, давай четверть—на рудники иду, погулять надо съ товарищами,—обратился Александръ къ старому виноторговцу и бросилъ на стойку гармонику и шапку.

— А какъ зе деньги, Алексанъ Митрицъ?—спросилъ еврей, пытливо посматривая на Александра.

— А сколько я тебѣ долженъ?

— Семь рубли, знацитъ, за ведро, да исцо за стофъ наливка, сто Матренѣ отпускалъ, восемь гривенъ... Это будетъ семь рубли вос...

— Ну, ну! — перебилъ его Александръ, — пошелъ считать! Ты наливай водки-то, вотъ возьму задатки—брошу тебѣ красную, и квитъ! А не отпустишь — все равно гроша не увидишь...

— Зацѣмъ, зацѣмъ не дать, сто ви, Алексанъ Митрицъ!

И старый еврей присѣлъ къ крану бочки и началъ наливать водку. У многихъ посѣтителей кабака потекла слюна при этихъ сладкихъ звукахъ, когда сильною струей забила выпускаемая изъ крана водка и зажурчала о края мѣдной четвертной мѣры. Въ желѣзномъ ведрѣ поставили водку на стойку, и Александръ началъ угощать своихъ товарищей. Андрей уперся въ силу своего зарока не пить водки, и рюмки даже не взялъ въ руки, чтобъ поздравить товарищей. Мужики смѣялись, что Андрей, не пивши водки, вынесетъ съ пріисковъ тысячу рублей да пудъ золота и разомъ разбогатѣетъ. Ефремъ и Семенъ Перстовъ пили и угощали Степана, который началъ уже возвышать голосъ и вслухъ мечтать, что онъ сдѣлаетъ, когда его Сенька вынесетъ съ пріисковъ сотенную...

— А ты, Степанъ,—совѣтовали мужики,—къ ево приходу-то избу на новое мѣсто поставь. Этакъ-то у тебя два праздника будетъ—новоселье и стрѣтины...

— Ничево, ничево, милый человѣкъ, Богъ дастъ, поправимся; не вдругъ Москва строилась...

Изъ Александровой четверти перепало по стаканчику и всей честной компаніи.

— Сенька, подь-ко на улицу!—звалъ Степанъ своего сына.

Семенъ вышелъ.

— Проси у жида полштофъ на свою душу,—шепотомъ говорилъ Степанъ за дверью кабачка.

— Вѣдь онъ, тятька, деньги запроситъ...

— Вотъ дуракъ! Отдашь, какъ задатки получишь; неужъ тридцати-то копѣекъ не повѣритъ? Проси!...

— Ну, ладно, попрошу...

Семенъ взялся за скобу двери.

— Проси, а я подожду здѣсь, за дверью; дастъ, такъ кликни...

— Хаимъ Мосеичъ, повѣрь и мнѣ полштофъ; я тоже пойду на пріиски, задатки получу — отдамъ, — несмѣло заговорилъ Семенъ.

— И ты рази на прійски?—спросилъ жидъ.

— Какъ же, мы вотъ вмѣстѣ съ Алексахой...

— А какъ не отдась? а?

— Можетъ ли быть! изъ-за тридцати-то копѣекъ буду душой кривить...

— Смотри, Семенъ! — И Хаимъ снова подсѣлъ къ крану бочки.

— Тятька, иди!—крикнулъ Семенъ своего разгулявшагося родителя.

— На вотъ, потчивай!—И Семенъ передалъ бутылку отцу.

Съ сознаніемъ своего достоинства взялся Степанъ за бутылку. Не часто выпадалъ на долю его такой праздникъ, чтобы брать на свой счетъ водку и гулять съ пріятелями въ кабакѣ. Онъ смѣялся наивно-дѣтскимъ смѣхомъ и обращался къ каждому съ веселымъ хихиканьемъ, въ которомъ слышалось и довольство, и счастье, и радость... Онъ выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ: что вотъ онъ, по мнѣнію мужиковъ, „горемыка Степанъ“, имѣетъ ужъ возможность брать въ долгъ водку и угощать своихъ пріятелей; что не даромъ же онъ говоритъ всѣмъ, что скоро поправится, а вотъ дѣло пошло только

на поправу, а ему уже вѣрятъ, — значитъ, надѣятся на него, на Степана Перстова...

Когда водка вся была выпита, пирующіе вышли изъ кабака на улицу, Александръ заигралъ на гармоникѣ лихую плясовую пѣсню, и душа охмѣлѣвшаго Степана встрепенулась. Онъ выдвинулся впередъ и началъ вертѣться, какъ выражались мужики, „какъ бѣсъ передъ заутреней“. Тряслась его лоскутная одежонка и шлепали по снѣгу разношенные бродни-ши, изъ пять которыхъ торчали длинные концы соломенныхъ стелекъ. Мужики громко смѣялись надъ горемыкой-плясуномъ, но онъ не обращалъ на это вниманія, серьезно и сосредоточенно занятъ былъ своею пляской и выкидывалъ самыя залихватскія колѣна, точно старался доказать зрителямъ, что въ его бѣдномъ тѣлѣ живетъ очень веселая душа. Яркое, но холодное зимнее солнце такъ привѣтливо, такъ радостно освѣщало эту грустно-веселую картину...

Мы сказали, что Александра Голубева гнала на пріиски не кровная нужда, а непомѣрное пьянство и разгульная жизнь. Мать его умерла, когда онъ былъ еще маленькимъ. Отецъ, очень зажиточный озерновскій крестьянинъ, послѣ смерти жены началъ пьянствовать и года два тому назадъ, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, во имя которыхъ была озерновская церковь, безъ мѣры выпилъ вина, и его нашли утромъ подъ заборомъ безъ признаковъ жизни. Александру было въ то время восемнадцать лѣтъ, и онъ остался единственнымъ, полновластнымъ хозяиномъ еще порядочнаго отцовскаго имѣнія. По примѣру своего родителя, онъ крѣпко взялся за чарку, а въ

хмѣлю буйствовалъ и дрался и за обиды раздѣлывался деньгами. Работа, при такой жизни, не шла ему на умъ. Цѣлый день шлялся онъ по селу съ гармоникой или игралъ въ карты съ поселенцами въ кабакѣ. Хозяйство свое онъ довелъ до того, что послѣдній отцовскій конь былъ сведенъ со двора. Къ довершенію своего мотовства онъ связался съ солдаткой Матреной, которая помогла ему промотать окончательно все. Надо замѣтить, что солдатки въ сибирскихъ деревняхъ, какъ и на Руси — это самыя испорченныя, развратныя женщины. Каждая солдатка, оставленная мужемъ въ деревнѣ, считаетъ своею непремѣнною обязанностью предаться самому широкому, омерзительному разврату. Званіе солдатки и жизнь безъ мужа даетъ, по ихъ мнѣнію, исключительное право на развратъ.

— Молодой человѣкъ—не сдержать!—снисходительно говорятъ о нихъ сибиряки.

— Што мнѣ — я солдатка!—съ цинизмомъ восклицаютъ онѣ, фигурируя въ роли публичныхъ женщинъ.

Выходъ для Александра изъ его безалаберной жизни представлялся одинъ—наняться въ работники, чего ему страшно не хотѣлось. Но вотъ случайно онъ наткнулся на прекрасную мысль отправиться на пріиски и рѣшимость свою утвердилъ четвертью водки, роспитою съ товарищами будущаго счастія.

Зимняя морозная ночь. Луна, окруженная радужнымъ сіяніемъ, ярко свѣтитъ на темномъ ночномъ небѣ; въ

воздухѣ носятся какія-то ледяныя иглы, сверкая блѣднымъ, стальнымъ блескомъ... Вдали слышится порой скрипѣнье саней и вой голоднаго волка, которому, проснувшись, начинаютъ вторить деревенскія собаки... Село Озерново спитъ крѣпкимъ, трудовымъ сномъ.

На концѣ села, въ маленькой, полуразвалившейся избенкѣ поселенца Устина Безрубахи мелькаетъ огонь и слабымъ, трепетнымъ свѣтомъ едва освѣщаетъ бѣдную и мрачную внутренность грязной избушки. Устинъ Безрубахи сидитъ на обрубкѣ дерева и вяжетъ неводъ; на опрокинутой на столъ крынкѣ стоитъ черепъ съ жиромъ, въ которомъ горитъ толстая тряпица и наполняетъ избушку смраднымъ дымомъ.

На печи лежитъ Ефремъ, на лавкѣ сидятъ Андрей Хворостовъ и Александръ, оба, по сибирскому обычаю, въ шапкахъ. Александръ куритъ и поплевываетъ на средину грязнаго пола.

— Идетъ это онъ за таратайкой,—раздается съ печи голосъ Ефрема,—и копаетъ бичемъ сзади песокъ. Копалъ-копалъ—глядь—чево-то сверкнуло; онъ шибче копать, смотритъ — самородокъ, чистое золото, словно нарочито кто сплавилъ ево, треугольникомъ этакъ вышло... Схватилъ, да въ контору. Вишь, дуракъ былъ, не зналъ порядковъ, ну, да и молодъ къ тому же... Свѣсили тамъ, около трехъ фунтовъ потянуло...

— Што же ему?— съ живостью спросилъ Андрей.

— А што же ему?—дали, кажись, деньгами рублевъ пятьдесятъ, да изъ амбара товаришку напихали кой-какова, тѣмъ и заговѣлся!.. Нѣтъ, на добрыя бы руки

такой фартъ, ну, точно пожилъ бы человѣкъ... Дуракамъ Богъ и счастье даетъ!

— И часто попадаются такіе самородки?

— Ну, такіе-то не часто, а маленькіе-то часто. Смотри только глазами—сейчасъ блеснетъ; схватишь ево и тю-тю! Ночи дождался—на другой станъ ево волокешь, смотришь—рубля два за золотникъ и дадутъ... А своимъ-то отдай, они тебѣ по рублику вывалятъ, да норовятъ еще товаришкомъ тебѣ отдать...

— Ну, а какъ узнаютъ, што продалъ на другой станъ?

— Узнаютъ — отдувайся! Тамъ, братъ, свой судъ и расправа: такъ отпорютъ, што по гробъ жизни не забудешь... Тутъ ужъ, значитъ, ухо востро держи, коли какими дѣлами задумалъ заниматься... А нѣтъ лучше, какъ продавать это золото въ Енисейскѣ,—тамъ, братъ, благодать: денежки хорошія получишь, да еще водкой угостятъ!

— А за побѣгъ, дядя, што бываетъ, какъ поймаютъ?

— Эге, братъ! — смѣясь, отвѣтилъ Ефремъ: — ты только собираешься идти, да ужъ и о побѣгѣ думаешь!

— Нѣтъ, я такъ только, къ разговору...

— А за побѣгъ прежде отдавали нашего брата подъ военный судъ — вотъ оно какъ! Ну, нынѣ легче, строгости такой не стало. Вотъ трижды какъ убѣжишь — отправятъ тебя на Соколины острова [1]) уголь конать и только... Я ни разу не бѣгалъ—не знаю, какъ и судятъ этихъ бродягъ...

[1]) Такъ называютъ въ Сибири остр. Сахалинъ.—*Авт.*

— Ну, а насчетъ пишши какъ?

— Тоже не равно, каковъ управляющій. Случается и мясо съ червями ѣшь, и хлѣбъ какъ квасникъ, да вѣдь дѣлать-то нечево! Посмѣй сказать слово—за бунтовщика сочтутъ; сейчасъ тебя къ исправнику, березовой кашей угощать, да такъ тебя отпарятъ, што согласенъ ѣсть землю-матушку, а не то что мясо съ червями.

— Это выходитъ хуже острожнова,—замѣтилъ Устинъ Безрубахи:—Эхъ, мы въ Москвѣ сидѣли въ острогѣ-то, вотъ жисть—умирать не надо! Другой дома въ Христовъ день тово не ѣдалъ, што въ острогѣ-то ѣлъ... Одно слово, въ Москвѣ народъ набожный!..

— Што, братъ, Расея не Сибирь! — съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ Ефремъ.

— Такъ завтра, видно, дядя Ефремъ, покатимъ въ Иваново...

— Што же—поѣдемъ завтра...

— Сыченокъ за рублевку отомчитъ насъ...

— За рублевку какъ не отомчитъ!

— Такъ съ обѣда, видно, поѣдемъ...

— Ну такъ што—съ обѣда.

Парни поднялись и направились къ двери.

— Прощай, дядя Ефремъ!

— Прощай, дядя Устинъ!

— Богъ на прощенье.

Придя домой, парни долго не могли заснуть; ихъ разгоряченному воображенію представлялись громадные самородки золота, случайно попавшіеся въ ихъ руки. На этихъ самородкахъ фантазія начала строить самыя раз-

нообразныя, причудливыя зданія. Они мечтали, что, продавши самородки, получатъ множество денегъ; построятъ большіе дома, съ крашеными наличниками и ставнями и вырѣзными карнизами; накупятъ хорошихъ лошадей и сбрую съ мѣдными бляхами; наймутъ работниковъ и будутъ распоряжаться безпрепятственно дѣлами своего обширнаго хозяйства; а носить будутъ зимой крытую суконъ шубу, лѣтомъ же суконный капотъ... Мечтали, въ какомъ они почетѣ и уваженіи будутъ жить въ своемъ Озерномъ, какъ будутъ ѣздить по съѣзжимъ праздникамъ и принимать къ себѣ „добрыхъ людей“. Только подъ утро мечтатели заснули глубокимъ сномъ...

II.

Наёмка.

На другой день, получивъ отъ озерновскаго старшины увольненія для полученія билетовъ, отправились искатели счастія въ село Иваново брать задатки. Пара бойкихъ сыченковыхъ лошадокъ быстро понесла ихъ по укатанной, ровной дорогѣ... Подъ вечеръ пріѣхали въ село Иваново и остановились на квартирѣ у Ефремова земляка, поселенца Слюнина. Ефремъ подробно разспросилъ о наемкѣ. Слюнинъ разсказалъ, что задатки даютъ хорошіе, что народу требуется много, что наемка производится на пріиски Осинина въ сѣверной системѣ Енисейскаго округа. Узнавъ все необходимое и попивъ чайку,

искатели счастія, подъ предводительствомъ Ефрема, отправились въ квартиру довѣреннаго.

Около дома, въ которомъ квартировалъ довѣренный, толпились мужики. Это были такіе же раззорившіеся, задавленные нуждою и пропившіеся искатели счастія, какъ и наши герои.

— Здравствуйте, почтенные!—проговорилъ Ефремъ, развязно подходя къ толпѣ; товарищи его молча приподняли шапки.

— Што, берутъ народъ?

— Берутъ,—отвѣтили изъ толпы.

— Берутъ, берутъ; пойдемте, я васъ провожу; довѣренный мнѣ человѣкъ знакомый; пойдемте; мы сейчасъ обдѣлаемъ всѣ дѣла; я распишусь за васъ...—Такъ говорилъ какой-то небритый кавалеръ въ разорванномъ трикомъ пальто, въ лѣтней фуражкѣ съ одною половиною козырька и въ огромныхъ бѣлыхъ, разношенныхъ валенкахъ.

— А какіе даютъ задатки?—спросилъ Ефремъ, не обращая вниманія на услужливаго кавалера.

— Задатки разные: сорокъ-пять даетъ, даетъ и пятьдесятъ—глядя по человѣку...

— Ну, маршъ, ребята!—скомандовалъ Ефремъ своимъ товарищамъ. Парни потянулись за своимъ вожакомъ.

Вошли въ комнату. Довѣренный, молодой человѣкъ, высокій, съ ухорскими ухватками, ходилъ по комнатѣ. На немъ была малиноваго цвѣта фланелевая рубашка, подпоясанная кожанымъ, лакированнымъ поясомъ, плисовыя шаровары и сапоги съ красными сафьяновыми отворотами.

У довѣреннаго сидѣлъ гость: высокопоставленная особа села Иванова—волостной писарь, крестьянинъ изъ поселенцевъ, судившійся въ Россіи за подлоги и разнообразныя мошенничества. Онъ видимо благодушествовалъ, былъ веселъ и болтливъ. Причиною его благодушія была, безъ сомнѣнія, наемка рабочихъ, ибо каждый нанявшійся бѣднякъ приносилъ ему дохода пять рублей серебромъ—„за билетъ“.

— Что нужно, ребята?—обратился довѣренный къ вошедшимъ.

— Къ вашей милости, ваше почтеніе! желаемъ наняться на прійски,—бойко отвѣтилъ Ефремъ.

— Хорошо. Кто вы такіе? крестьяне?..

— Вотъ это крестьяне, а я поселенецъ.

— Поселенцевъ не принимаемъ!

— Почему же, ваше почтеніе? Я не въ первый разъ...

— Ты не изъ новенькихъ?

— Никакъ нѣтъ. Двадцать лѣтъ работалъ на прійскахъ...

— О-го! значитъ, старый воробей. А я думалъ—изъ новенькихъ; тѣ—дрянь, никуда не годятся; только и дѣла у нихъ, что въ больницу таскаются.

Довѣренный, видимо, былъ доволенъ, что ему попадался „старый рабочій“, которыхъ вообще цѣнятъ на пріисковыхъ работахъ, сравнительно съ новичками, очень дорого.

— Ну, а это?—Довѣренный показалъ глазами на товарищей Ефрема.

— Эти въ первый разъ идутъ. Да не сумлѣвайтесь, ваше почтеніе: народъ смирный, здоровый, работать могутъ, лицомъ въ грязь не ударятъ, не сумлѣвайтесь!..

— Вижу я: народъ—ничего...

— Ничего, ребята смирные; я знаю ихъ,—поддакнулъ волостной писарь.

— Сколько же вы хотите взять задатковъ?

— Да рублевъ по шестьдесятъ чистоганомъ надо бы,—заломилъ Ефремъ.

— Не жирно ли будетъ?.. Рубликовъ по сорокъ можно, пожалуй, дать.

— Нѣтъ, маловато, ваше почтеніе. Вѣдь вотъ имъ надо за годъ повинности заплатить,—съ живостью заговорилъ Ефремъ:—вотъ ихъ благородіе знаютъ,—обратился онъ къ писарю, который тотчасъ принялъ позу, свойственную лицу благородному:—тоже дома надо оставить—семья у нихъ; нужда гонитъ...

— Ну, тебѣ пятьдесятъ дамъ, а имъ—по сорокъпять...

— Прибавьте и намъ по пятиточкѣ, ваше почтеніе,—заговорилъ Александръ:—по пятьдесятъ-то и намъ пожалуйте—отработаемъ.

— Ну, ладно, дѣлать нечего съ вами.

Довѣренный пристально посмотрѣлъ на мужиковъ.

— Ну-ка, выходите сюда, ближе ко мнѣ...

Всѣ двинулись.

— Кажите руки!

Мужики вытянули передъ нимъ восемь рукъ.

— Ну, хорошо!

И какъ бы въ оправданіе такого осмотра довѣренный, смѣясь, обратился къ волостному писарю:

— Въ прошедшемъ году я нанялъ одного молодца и далъ ему сорокъ рублей задатку. Мужичище—любо посмотрѣть; я хотѣлъ его опредѣлить конюхомъ; молодой, здоровый... А при выгонкѣ што же оказалось? У него у обѣихъ рукъ отморожены всѣ пальцы. А онъ былъ въ рукавицахъ, я и не замѣтилъ. Наказалъ меня, разбойникъ, на сорокъ рублей. —Увольненія у васъ отъ общества есть?

— Какъ же!

Мужики достали изъ-за пазухъ свои увольненія и передали довѣренному.

— Будете слушать контрактъ?

— Какой тутъ контрактъ, ваше почтеніе! Вы деньгито пожалуйте, а контрактъ намъ што? Дѣло извѣстное— и безъ контракта на прійскахъ на печь не посадятъ...

— Дѣло понятное!—пробормоталъ довѣренный.

— За билеты по пяти рублей!

Волостной писарь нѣсколько разъ повернулся на стулѣ. Ему почему-то стало совѣстно смотрѣть на мужиковъ.

— Ну, такъ што же дѣлать? нечево—безъ чево нельзя, такъ нельзя...

— Да,—подтвердилъ писарь.

— Ищите же грамотнаго приложить за васъ руки къ контракту и расписаться въ полученіи денегъ. Значитъ, съ билетами вы получили по пятидесяти-пяти рублей, такъ?

— Вѣрно!

— Тамъ, въ хозяйской избѣ есть такой солдатъ, Кирилычъ; такъ зовите его—онъ подпишетъ за васъ...

Призвали Кирилыча, отставного солдата, низенькаго, подслѣповатаго старичка, который, вооружившись двумя очками (въ одни онъ видѣлъ плохо), подписалъ подъ контрактомъ имена и фамиліи нанявшихся.

Въ сосѣдней коморкѣ звякнули пружины шкатулочнаго замка; этотъ звукъ, словно печальный стонъ разбитой, надорванной груди, пронесся въ тихой комнатѣ. Изъ коморки доносился шорохъ пересчитываемыхъ ассигнацій. Сердца—искателей счастія радостно затрепетали, какъ будто въ этой коморкѣ совершался первый, таинственный актъ ихъ будущаго желаннаго счастія... Вотъ захлопнулась крышка, раздался снова стонъ пружины, и довѣренный вынесъ объемистыя пачки разноцвѣтныхъ ассигнацій и подалъ каждому по пачкѣ.

— Считайте.

Андрей Хворостовъ взялъ пачку и перекрестился; его примѣру послѣдовалъ и Семенъ Перстовъ. Ефремъ и Александръ Козыревъ взяли свои пачки безъ крестнаго знаменія: „видали-де мы и не по стольку денегъ, да не крестились, а это што!..“ Они скоро пересчитали деньги и сунули ихъ за пазуху. Но Андрей и Семенъ не скоро поправились съ своимъ богатствомъ: въ ихъ неуклюжихъ рукахъ какъ-то врозь расползались новенькія депозитки, уголки ихъ торчали въ разныя стороны, и много стоило труда привести ихъ въ надлежащій порядокъ.

— А когда выгонка, ваше почтеніе? — спросилъ Ефремъ.

— Въ февралѣ, повѣстка будетъ черезъ волость.

— Будемъ готовы. Затѣмъ просимъ прощенія!

— Прощайте!

— Што, ребята, нанялись? — спрашивали толпившіеся у воротъ оборванные искатели счастія.

— Слава Богу! — весело отвѣтилъ Ефремъ: — нанялись!

— По сколько взяли?

— По полсотнѣ.

— Значитъ, можно поздравить, господа, а?—юлилъ около мужиковъ оборванный кавалеръ въ трикотовомъ пальто.

— Идетъ!—весело отвѣтилъ Ефремъ.

— Эй, ребята, за рукоприкладство!—крикнулъ Кирилычъ, надѣвая на ходу баранью шубу и рысцой подбѣгая къ мужикамъ:—по полтиннику!

— Сейчасъ раздѣлаемся, Кирилычъ: пойдемъ въ кабакъ...

Пошли. За ними же поплелся и оборванный кавалеръ, дрожа всѣмъ тѣломъ и дрыгая тонкими, словно неимѣющими костей ногами. Начинало темнѣть, на небѣ блистала полная луна.

Въ кабакѣ шумѣлъ народъ: раздавались пѣсни, хохотъ, брань... Дверь постоянно отворялась и запиралась, и теплый паръ клубами вылеталъ на улицу. Свѣтъ изъ отворяемой двери красноватой полосой ложился на мгновеніе чрезъ дорогу и освѣщалъ группы толпившагося у

кабака народа. Въ кабакѣ было жарко и душно, какъ въ банѣ; въ этой влажной атмосферѣ густымъ облакомъ висѣлъ ѣдкій дымъ вонючей махорки, мѣшаясь съ запахомъ сивухи.

Въ кабакѣ гарцовали во всю ширь пріискательской натуры только-что нанявшіеся пріискатели.

— Нанялись, видно?—со всѣхъ сторонъ раздавались вопросы.

— Нанялись, нанялись,—отвѣчали пришедшіе.

— Дѣло! значитъ, могарычи будутъ...

Размѣняли деньги и по полтиннику отдали Кирилычу.

— Ну, што, ребята, развѣ складчину сдѣлаемъ на четверть,—предложилъ Ефремъ своимъ товарищамъ.

— Такъ што, давайте!—согласился Александръ.

— Да, да, четвертью дешевле—только рубль, одинъ рубль...—вмѣшался оборванный кавалеръ.

— Я не пью,—отозвался Андрей.

— И я не буду,—сказалъ Семенъ Перетовъ:—развѣ шкаликъ на дорогу...

— Эхъ, господа! вѣдь только по четвертачку заплатите, а водки-то вѣдь четверть... Вы поймите это: четверть... Ей-Богу, водка здѣсь отличная—въ сорокъ процентовъ,—убѣждалъ кавалеръ:—можно сейчасъ потребовать закуску: рыбы, огурцовъ и прочаго тому подобнаго...

Андрей и Семенъ внимательно и съ любопытствомъ осматривали съ ногъ до головы новаго знакомца и ни слова не сказали на его предложеніе.

— Давай, Алексаха, возьмемъ, по крайности, штофъ, выпьемъ на дорогу.

— Давай, выпьемъ,—согласился съ Ефремомъ Александръ.

Купили, начали сами пить и угощать новыхъ товарищей.

Въ кабакѣ было самое разнообразное общество: и солдаты, и крестьяне, и поселенцы, и евреи, и люди неопредѣленной національности и какого-то темнаго происхожденія. Въ этой разнородной смѣси сословій раздавался самый оживленный, доходящій до крика говоръ на самыя разнообразныя темы.

Высокій отставной солдатъ, въ коротенькой женской кацавейкѣ и военномъ кэпи на головѣ, ораторствовалъ предъ выпившими пріискателями:

— Солдатъ есть имя знаменательное: онъ первѣющій енералъ,—перевираетъ служивый когда-то заученные „на зубокъ“ пунктики:—солдатъ истребляетъ враговъ внутреннихъ, поражаетъ внѣшнихъ; онъ защищаетъ святую вѣру и царскій тронъ...

— А ты што, черноносый?—вдругъ обращается онъ къ одному изъ слушателей:—ты просто тумакъ!.. Ты думаешь, мы плохо живемъ? врешь! у насъ наготы да босоты изнавѣшаны шесты, двѣнадцать рубахъ—одинъ воротникъ... такъ-то. А ѣдимъ съ двухъ комаровъ сало, да только соли недостало...

— Эй, служба, выпить!—крикнулъ кто-то у стойки.

— Вотъ это по-нашему!

И служивый, какъ будто мимоходомъ, плеснулъ себѣ въ ротъ стаканъ вина.

Двое изъ людей темнаго происхожденія, довольно по-

жилые, сидятъ въ темномъ углу на корточкахъ и ведутъ какой-то таинственный, апокалипсическій разговоръ:

— Здѣсь што въ Сибири, мужикъ ничево не чувствуетъ: ему начнешь отъ божественнаго, а онъ норовитъ изъ избы отъ тебя; народъ омраченный...

— Такъ,—утверждаетъ собесѣдникъ.

— Будемъ разсуждать душевно: все это, къ примѣру, плоть дѣйствуетъ... Вотъ про себя скажу: я, братъ, всякую добродѣтель потрафлю; какая ни будь она, а я ее произведу въ точку: я ужъ на ихнюю икону не помолюсь, нѣтъ! будь я мертво пьянъ—не помолюсь, потому чувствую, что душѣ погибель... Ну, а насчетъ тово... женскаго дѣла—человѣкъ заразный, да вотъ выпить... Скажи ты мнѣ сейчасъ, што тебя, человѣче, въ адъ на самое што есть дно посадятъ—ничево! все это тебѣ — трынъ-трава; значитъ, все это плоть...

— У насъ вся природа въ службѣ,—кричитъ солдатъ, и его рѣзкій голосъ заглушаетъ весь кабачный гулъ:—два брата въ солдатахъ, сестра въ деньшикахъ, баушка въ барабаньшикахъ... Такъ-то, черноносый!.. Съ меня вѣдь нечево взять—я архирейскій зять.—И громкимъ хохотомъ заливается служивый.

— Нѣтъ, Жуковъ, ты прежъ спой, а тожно я тебя пондравлю...—говорилъ пріискатель небритому кавалеру въ триковомъ пальто.

— Нѣтъ, для голосу нужно выпить: знаете, вдохновенія больше...

— Ну, выпей да и валяй, што съ тобой... Лукичъ, давай косушку!

Жуковъ выпилъ.

— Ну, валяй же, валяй...

— Что же вамъ такое спѣть? право, не знаю... Романсъ какой-нибудь?..

— Каки тамъ раманцы! Ты пѣсню жарь...

Жуковъ осматривался кругомъ, словно искалъ тему своей пѣсни.

Въ большое окно кабака широкою полосой лился серебристый свѣтъ полнаго мѣсяца, высоко стоявшаго на темноголубомъ звѣздномъ небѣ.

— А вотъ извольте, спою...—скороговоркой сказалъ Жуковъ, посмотрѣвъ на луну.

И своеобразнымъ, унылымъ, надрывающимъ сердце напѣвомъ онъ запѣлъ: „Я любила его жарче дня и огня“ и началъ жестикулировать, когда дошелъ до словъ: „что за ночь, за луна, когда милаго жду“. Жуковъ пѣлъ хорошо, пѣлъ съ чувствомъ, увлекательно. Пьяная компанія затихла и слушала пѣвца; Ефремъ даже заплакалъ отъ умиленія...

— Ну, важно, Жуковъ! Выпей, братъ, еще косушку, да пойдемъ со мной; я вѣдь вечорку сегодня сдѣлалъ...

— И я тебя, другъ любезный, угощу, выпей!—приставалъ къ Жукову Ефремъ съ полнымъ стаканомъ водки: —вотъ люблю; это по-нашему, по-расейски...

Двое пріискателей взяли подъ руку Жукова, насильно увлекли изъ веселой компаніи и направились съ нимъ въ конецъ улицы.

— Валяй, Жуковъ, эту же...

И вдали, въ тихомъ морозномъ воздухѣ, неотра-

зимою прелестью и грустью звенѣла пѣсня Жукова: „онъ идетъ и поетъ: ужъ ты зорька моя!..“ и словно застывали въ воздухѣ эти замирающіе звуки, и вновь съ бо́льшею силою воскресали... „Милъ за ручку беретъ—онъ цѣлуетъ меня“ — едва слышно прозвучало вдали и замолкло...

Изъ пьяной кабачной компаніи нашлись охотники тоже спѣть для общаго удовольствія, но изъ ихъ пѣнія ничего не выходило, кромѣ дикаго крика и безобразнаго козлогласованія.

— Стойте! слушайте!—кричалъ пьяный Ефремъ:—я спою вамъ поселенскую...

Но сколько онъ ни умолялъ своихъ жестокихъ собесѣдниковъ выслушать его поселенскую, никто на него не обратилъ вниманія. Всѣ порывались, подобно Жукову, произвести эффектъ и мѣшали одинъ другому.

Напрасно Андрей и Семенъ умоляли Ефрема и Александра ѣхать домой, представляя имъ разные разумные резоны, но пьяные ихъ товарищи и ухомъ не вели: они пили и ораторствовали съ новыми товарищами такъ же спокойно и беззаботно, какъ въ своемъ Озерномъ.

Кромѣ вольныхъ наемщиковъ на пріиски, были и невольные...

Въ этотъ день въ деревнѣ Перепрягиной, въ десяти верстахъ отъ Озернова, въ домѣ старшины, по случаю пріѣзда волостного головы, собралось деревенское „обчество“.

Въ тѣсной избѣ было душно и жарко и пахло дымле-

ными шубами, дегтемъ и квашеными овчинами... Голова пріѣхалъ „выбивать подати“. По случаю такого важнаго дѣла, онъ былъ порядочно навеселѣ и, сидя за столомъ, куражился, насколько было у него умѣнья и толку, предъ своими нечиновными собратьями. Рядомъ съ головою, по одну сторону, сидѣлъ деревенскій старшина, по другую — писарь-поселенецъ.

Голова бранилъ недоимщиковъ за лѣность и нерадѣніе и, приглаживая жирно намазанные коровьимъ масломъ волосы, стращалъ неисправныхъ плательщиковъ „описью“. Писарь „проходилъ ересты“, т.-е. просматривалъ списокъ перепряженцевъ, въ которомъ обозначалось количество подушныхъ окладовъ съ отмѣткою уплаты.

Голова былъ мужикъ неграмотный: ему „докладывалъ дѣла и объяснялъ все деревенскій писарь. Писарь поочередно вызывалъ изъ толпы неисправныхъ плательщиковъ и тѣхъ, за которыми присчитывалось много недоимокъ, записывалъ на отдѣльную бумажку. Очередь по списку дошла до крестьянина Лучкова.

— Лучковъ! — крикнулъ писарь.

Изъ толпы отдѣлился Лучковъ, бѣдный, невзрачный мужикъ, худощавый, низенькаго роста. Лицо его выражало не то испугъ, не то какую-то безъисходную тоску.

Голова подперся одной рукой въ бокъ, а другой барабаня пальцами по столу, важно, поначальнически поднялъ глаза на Лучкова, смиренно стоявшаго предъ грознымъ ареопагомъ.

— За тобой, пріятель, причитается... Сколько за нимъ? — спросилъ онъ писаря.

— Двѣсти рублей пятьдесятъ восемь и три четверти копѣйки!—громко и съ особенною отчетливостью отчеканилъ писарь и съ какимъ-то торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на мужиковъ, точно хотѣлъ сказать: „не бойсь, ни одной четочки не убавимъ: подавай сполна!“

Лучковъ тупо и какъ-то безстрастно смотрѣлъ то на „голову“, то на мужиковъ. Въ толпѣ зашевелились, передніе даже отодвинулись назадъ отъ стола: такая громадная недоимка поразила всѣхъ. Голова молча смотрѣлъ на Лучкова.

— Давай деньги!—сказалъ, наконецъ, онъ. Лучковъ переступилъ съ ноги на ногу и перевернулъ въ рукахъ шапку. Вмѣсто отвѣта, онъ только глубоко вздохнулъ.

— Тебѣ я говорю!—грозно крикнулъ голова:—подавай намъ деньги! Намъ ждать, братецъ, нельзя больше!

Лучковъ молчалъ.

— Какъ же ты теперь думаешь?—допрашивалъ голова:—да говори же!..

— Я, вѣдь, сдалъ эти деньги, ваше почтеніе, писарю волостному, Осипу Михайловичу,—тихо проговорилъ Лучковъ.

— Сдалъ, такъ давай квитанцію!

— Квитанцію-то онъ у меня взялъ назадъ: учетъ, говоритъ, будетъ...

— А нѣтъ квитанціи, такъ плати! Словамъ, братъ, не вѣрятъ; мало ли ты што будешь показывать!.. Видно, промоталъ?..

Лучковъ молчалъ. Изъ толпы вышелъ и подошелъ къ столу мужикъ почтенной наружности и смѣло заговорилъ:

— Мы не замѣчали за нимъ, ваше почтеніе, никакихъ гулянокъ али штобы тратилъ какъ мірскія деньги... Надо быть, не проставлено въ волости, въ бумагахъ, ошибкой вышло дѣло-то.

— Ты платить, што ли, за него вызываешься? — гнѣвно крикнулъ голова, котораго раздражало всякое постороннее вмѣшательство въ его чиновничьи дѣла.

— Зачѣмъ вызываюсь платить! Я, значитъ, такъ только объ немъ... человѣкъ смирный...

Лучковъ какъ-то странно посмотрѣлъ на мужика, и смутная надежда блеснула въ его кроткихъ, печальныхъ глазахъ.

— А не хошь платить, такъ не въ свое дѣло и не суйся: знай курица свой шестокъ!—нравоучительно замѣтилъ голова.

Мужикъ посмотрѣлъ на Лучкова и попятился назадъ.

— Есть у тебя какое имущество?—обратился голова къ Лучкову.

— Есть скотишко,—отвѣтилъ Лучковъ.

— Говори, што у тебя есть, а ты запиши.

— Двѣ кобыленки, конь, двѣ коровы, телка, овецъ съ десятокъ, двѣ свинки...

— Вѣрно, старики?—спросилъ голова.

— Вѣрно!—отозвались мужики.

— Ну, кобыленку да телку мы оставимъ тебѣ на разживу, а остальное все продадимъ. Это, братъ, какъ ты ужъ хочешь: хошь матушку рѣпку пой! Вотъ тебѣ и сказъ весь!.. Ступай!

Лучковъ переступилъ съ ноги на ногу и на пол-

аршина подвинулся въ сторону, что̀ означало, что онъ ушелъ.

Выкличка началась снова. Мѣсто Лучкова занялъ другой, потомъ третій, и т. д.

Перебравъ всѣхъ недоимщиковъ и записавъ ихъ имущество, голова съ понятыми и присяжными оцѣнщиками отправились описывать „имущества“.

Пошли къ первому Лучкову.

— Гдѣ скотъ? показывай!—командовалъ голова, входя въ убогій, загороженный жердями дворишко Лучкова. Толпа мужиковъ валила вслѣдъ за головой. Явились покупатели, деревенскіе же міроѣды и цѣловальники, всегда съ радостью готовые поживиться на счетъ несчастія ближняго.

Лучковъ повелъ нежданныхъ гостей въ пригонъ, гдѣ рылись въ соломѣ три лошади и три коровы. Сквозь слезы смотрѣлъ онъ на своихъ поильцевъ и кормильцевъ.

Оцѣнщики обошли скотъ, посмотрѣли со всѣхъ сторонъ и назначили самыя низкія цѣны. Покупатели ощупывали и осматривали товаръ и набавляли копѣйками.

Лучковъ ушелъ со двора въ избу.

— Они чево это пришли?—спросила его жена.

— Продавать!..—отвѣтилъ Лучковъ.

Баба, какъ по покойникѣ, завыла, глядя издали на мужиковъ; ребятишки за матерью заплакали навзрыдъ...

Лучковъ сѣлъ къ столу и молча повѣсилъ голову. Теща его, дряхлая старушка съ заплаканными глазами, торопливо засуетилась по избѣ и начала перебирать въ лукошкѣ какія-то тряпицы. По лицу ея замѣтно было,

что она рѣшилась на какое-то важное дѣло. Окончивъ переборку разнаго хлама, она, запинаясь, выбѣжала во дворъ и подошла прямо къ головѣ:

— Вотъ, батюшка, за зятька-то возьми!.. Пожалѣй его для малыхъ ребятишекъ!..

И она протянула къ головѣ дрожащую, костлявую руку, въ которой была пятирублевая ассигнація.

— Похорониться берегла,—добавила она:—да ужъ возьми... Похоронятъ такъ.—Старуха заплакала горькими слезами.

Голова небрежно взялъ деньги и сунулъ ихъ въ карманъ.

— Отмѣть!—кивнулъ онъ писарю.

Этимъ геройскимъ подвигомъ старуха хотѣла спасти своего зятька и отдала за него завѣтную, многолѣтнюю бумажку, сколоченную долгими трудами. Она берегла ее на гробъ да на саванъ, а тутъ не пожалѣла, отдала. Но и эта, назначенная для могилы, жертва не спасла бѣднаго Лучкова и ни на волосъ не облегчила его горькой участи. Міроѣды раскупили скотъ и погнали его со двора хворостиной. Лучковъ посмотрѣлъ въ окно, упалъ головою на столъ и зарыдалъ. Ему вторила жена и теща и помогали ребятишки.

Голова вошелъ въ избу.

— Ну, полноте, што развылись!.. Ты, Лучковъ, собирайся, поѣдемъ со мной въ Иваново: на прійски тебя велѣно заложить... Собирайся,—черезъ часъ поѣдемъ...

Лучковъ не поднялъ и головы.

На лицахъ мужиковъ, присутствовавшихъ при про-

даже скота и бывшихъ свидѣтелями тещина подвига, отражалось тяжелое чувство. Молча, опустивъ головы, неспѣшно шли они за своимъ начальникомъ.

Покончивъ „опись“, голова сидѣлъ за столомъ въ домѣ писаря; на столѣ кипѣлъ самоваръ и стояла бутылка съ водкой; онъ благодушествовалъ отъ сознанія исполненнаго долга и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Черезъ часъ Лучкова везли на подводахъ въ село Иваново „закладывать“ на пріиски и къ вечеру того же дня привезли въ ивановское волостное правленіе, куда пріѣхалъ и голова.

— Лучкова привезли? — спросилъ онъ, вылѣзая изъ саней и снимая съ себя доху.

— Привезли,—отвѣтили недѣльщики:—тамъ онъ, въ волости...

— Ну, Лучковъ, пойдемъ, братъ, на базаръ,—острилъ голова надъ злополучнымъ Лучковымъ.

Пошли на квартиру довѣреннаго.

— Наше вамъ почтеньице, Лука Савичъ!—говорилъ голова, стараясь быть какъ можно болѣе развязнымъ.

— Здравствуйте, Прохоръ Иванычъ!

— Привезли мы вамъ товарецъ,—хихикая, говорилъ голова:—вотъ посмотрите!—И онъ указалъ на темную переднюю.

— Лука Савичъ взялъ свѣчку и вышелъ посмотрѣть, что это былъ за товарецъ: тамъ стоялъ Лучковъ.

— Ну, товарецъ-то, кажется, плоховатъ, Прохоръ

Иванычъ, — внимательно осматривая Лучкова, говорилъ Лука Савичъ.

— Полноте, што за плоховатъ! мужикъ бойкій, расторопный; отработаетъ лучше лучшихъ...

— Бывалъ ты на прійскахъ? — спросилъ Лука Савичъ Лучкова.

— Нѣтъ, Богъ миловалъ...

— Вотъ видите: онъ еще первый разъ...

— Ничево, будьте ужъ добры... Господинъ засѣдатель усердно просилъ... Ужъ не откажите...

— А сколько нужно за него?

— Да всего-то много, хоть полоцину-то, и то хорошо.

— Однако-жъ сколько?

— Да онъ долженъ двѣсти рублей... замоталъ...

— Ой, ой, ой! Ну, братъ, видно, ты птица съ носомъ!..

Лучковъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его задрожали, горло перехватило, онъ переступилъ только съ ноги на ногу и началъ смотрѣть куда-то въ сторону, на печь, точно разсматривалъ путешествующихъ по ней таракановъ.

— Катерину-то за него пожалуйте...

— Нѣтъ, что вы!.. не отработаетъ вѣдь онъ... Его не иначе, какъ назначатъ въ поторжныя работы; ну, шесть, семь рублей полюжатъ ему; вотъ вамъ всего сорокъ рублей, и цѣна ему вся. Да больше онъ и не стоитъ!

— Полноте, Лука Савичъ, не скупитесь!.. Въ гургу-то

онъ у васъ уйдетъ. Вотъ завтра я вамъ такихъ ишшо молодцовъ предоставлю, што любо, и возьму недорого...

— Не знаю, право, што мнѣ и дѣлать съ этимъ гусемъ.

— А вы завтра поговорите съ Кирилой Карпычемъ — писаремъ... Сойдетесь, можетъ, какъ. Вотъ его увольненье—извольте. Надо же его какъ-нибудь упаромить!

— Хорошо-съ.

— Ты, Лучковъ, приходи завтра въ волость, а сегодня иди на фатеру...

Лучкова продавали, о немъ рядились, его браковали и выхваляли, а онъ молча слушалъ этотъ торгъ и также молча вышелъ на улицу.

Долго стоялъ онъ среди улицы, точно придумывалъ что-то... До него доносилась пьяная пѣсня разгульныхъ пріискателей и пискливые звуки гармоники...

Послѣ долгаго раздумья онъ снялъ шапку, почесалъ голову и, глубоко вздохнувъ, пошелъ ночевать къ знакомому.

Но такая тяжелая доля выпадала не одному Лучкову!..

III.

Съ задатками.

Весело вошелъ Андрей въ свою убогую избушку, къ старухѣ матери.

— Здорово, матушка!—сказалъ онъ, перекрестясь предъ иконами.

— Што, каково съѣздили?—спросила старушка, любовно смотря на сына.

— Слава Богу, матушка! Вотъ, гляди-тко, сколько денегъ-то теперь у насъ.—И Андрей досталъ изъ-за пазухи пачку ассигнацій и началъ ихъ медленно пересчитывать:—Сорокъ-девять рублевъ... Взяли мы по пятьдесятъ, рубль израсходовалъ: грамотному полтину серебромъ отдалъ за прописку, да вотъ чаю четверть взялъ, да полфунта сахару... Вотъ все тутъ, въ узелкѣ,—на-тко... Напиться бы съ дороги-то чайку, ладно бы было... Кипяти-ко чугунку...

Старуха набожно крестилась при видѣ такого множества рублевокъ и начала суетиться, чтобы приготовить чай и угостить богача-сына. Андрей сидѣлъ и смотрѣлъ на разложенныя на столѣ ассигнаціи и вслухъ разсуждалъ:

— Въ обчество надо отдать рублевъ двадцать...—Онъ отсчиталъ двадцать рублей и отложилъ ихъ въ сторону:—Значитъ у насъ останется двадцать-девять... Если свадьбенку теперь сдѣлать, рублевъ пятнадцать, поди, надо истратить... Какъ думашь, матушка?

Старуха присѣла къ столу, чтобы вмѣстѣ съ сыномъ рѣшить важные экономическіе вопросы.

— За вѣнчанье-то, поди, много запроситъ попъ-то?—промолвила старуха.

— Нѣтъ, я знаю, много не запроситъ; онъ вѣдь знатъ... што тутъ... Ну, пять рублей возьметъ, Богъ съ нимъ! хлѣба дамъ сколько...

Андрей отложилъ пять рублей.

— Ну, вина четверти три надо—три рубля... ну, ведро выйдетъ, положимъ,—четыре рубля. На припасы рубля три: на говядину тамъ, да на масло... три... нѣтъ, мало!

— Мало, дитятко, што ты на три рубля купишь? велики ли три рубля!

— Ну, четыре рубля. Это ужъ будетъ тринадцать рублей. Ну, да еще туда-сюда разойдется рубля два, и будетъ всего пятнадцать рублей, а останется четырнадцать... Отдадимъ хохлу Дубинкѣ за корову десятку, а остальныя оставлю вамъ съ хозяйкой на чай да на соль. Хлѣба у меня ряднаго останется вамъ пять овиновъ; хлѣбъ добрый: мѣшковъ по шести съ овину падетъ, это выходитъ тридцать мѣшковъ; до нови вамъ и не поѣсть всего, половину можно продать рублевъ на десятокъ... До выгонки-то, почитай, мѣсяца два еще, рублевъ-то пятокъ заработаю—вотъ вамъ и будетъ до меня...

— Кабы такъ-то, дитятко, такъ слава тебѣ, Господи... Вотъ свадьба-то меня все крушитъ: какъ я тутъ буду? дѣло мое небывалое, здоровья нѣту...

— Не безъ добрыхъ людей, матушка; вотъ я схожу къ дядѣ Парфентію,—онъ пріятель попу-то,—съ нимъ вмѣстѣ сходимъ и переговоримъ... А Катерина—што! она хоть сейчасъ готова подъ вѣнецъ. Михайла-то напоимъ, чтобъ ногъ не волочилъ, а тѣмъ временемъ и обвѣнчаемся... Тетушку Лукерью позовемъ постряпать-то, не откажется...

— Ужъ вѣстимо ее, кого же больше?

— Ну, матушка, куда бы деньжонки-то припрятать? —озирая избу, заботливо проговорилъ Андрей.

— Не знаю, дитятко, куда бы ихъ... Нешто въ подполье, подъ кадушку съ капустой...

— И то, матушка! пойдемъ—ты не поднимешь одна-то... тяжело.

Завернувъ деньги въ нѣсколько тряпицъ, мать и сынъ спустились въ подполье припрятать свое богатство.

— Ну, слава Богу, теперь дѣло у насъ пойдетъ на ладъ,—самодовольно говорилъ Андрей, выходя изъ подполья.

— Будемъ-ка пить чаекъ, да потолкуемъ о чемъ-нибудь...

. . . . . .

Стономъ стонетъ кабакъ озерновскаго цѣловальника, еврея Хаима: въ немъ гуляютъ Ефремъ и Александръ Голубевъ и пріятель, землякъ Ефрема, Устинъ Безрубахи.

Словно мухи къ меду, налетѣли односельцы, жадные до даровой водки, въ кабакъ Хаима и окружили разгулявшихся пріятелей. Рѣкой льется зловонная сивуха, и угощаются всѣ безъ разбора.

Голубевъ, мертвецки-пьяный, свалился и спитъ около стойки; возлѣ него сидитъ красная, какъ вареный ракъ, крѣпко выпившая солдатка Матрена и причитаетъ надъ спящимъ парнемъ: „На кого ты меня оставляешь, голубчикъ ты мой сизокрылый, одну-одинешеньку?“... И пьяныя слезы градомъ текутъ по ея пьяному лицу. Грязныя, циническія шутки сыплются на ея счетъ со всѣхъ сторонъ...

— Знай нашихъ посе́ленцевъ!—оретъ Ефремъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону. Я, братъ, Трофимъ Павлычъ, знаю свое дѣло,—обращается онъ къ высокому, кривому поселенцу, блѣдному какъ полотно, одѣтому въ коротенькую, разорванную шубенку:—своего брата поселенца ни въ жисть не промѣняю на сибиряка! Нѣтъ, врешь! Сибиряки на насъ ѣздить любятъ... Нѣтъ, врешь!..

Вдругъ его пьяную голову озарила, повидимому, какая-то свѣтлая мысль.

— Стой, стой, ребята!—заоралъ онъ, словно кто окатилъ его кипяткомъ.—Стой! слушайте меня! слушайте же поселенца!..

Въ кабакѣ на минуту воцарилось молчаніе. Даже пьяная Матрена перестала причитать и устремила на оратора свои тусклые и распухшіе отъ водки и слезъ глаза.

— Вы сибиряки? а? сибиряки?—допытывался Ефремъ, безпощадно колотя себя кулакомъ въ грудь.

— Вѣстимо, народъ сибирскій,—кто-то отвѣтилъ изъ толпы.

— Кто хочетъ водки пить? а? кто?.. Васъ я спрашиваю, почтенные люди!.. Кто хочетъ?

Лица всѣхъ слушателей осклабились.

— Да кто же откажется отъ такого добра, Ефремъ Никитичъ? Выпили бы за ваше здоровье по стаканчику, —заговорилъ высокій, безбородый дѣтина, поглаживая широкою ладонью свой голый подбородокъ.

— Ладно! Я полведра, значитъ, покупаю вамъ... Давайте сани, ставьте на нихъ коробъ и везите насъ,

поселенцевъ, къ Харитонкѣ цѣловальнику... Согласны?.. Сейчасъ, значитъ, какъ пріѣдемъ, и полведра!..

Мужики переглянулись и замялись: хотѣлось имъ выпить даровой водочки.

— Прокàтимъ, ребята, старика, што за бѣда! ей-Богу, да што тутъ такого?—заговорилъ тотъ же безбородый дѣтина.

— Прокàтимъ, прокàтимъ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Это, ребята, намъ сегодня пáданка [1]),—подталкивая другъ друга, шептались мужики, обрадовавшись даровому угощенію.

— Подводы готовы, ваше почтеніе,—почтительно доложилъ Ефрему одинъ мужикъ.

У кабака стояли дровни и на нихъ коробъ, сплетенный изъ прутьевъ.

— Ѣдемъ, други мои милые!—обратился Ефремъ къ своимъ пріятелямъ:—пусть насъ сибиряки везутъ, вотъ какъ! Знай нашихъ поселенцевъ!.. Ну-ко, Хаимъ, давай на дорогу по шкалику!..

— А меня-то, Ефремъ Никитичъ, возьмете съ собой?—поднимаясь съ полу, пищала солдатка Матрена, отирая передникомъ заплаканные глаза.

— Поѣдемъ, Матрена Гурьевна, душа моя, лебедь бѣлая... Я, братъ, люблю тебя, поѣдемъ...

Пріятели выпили по шкалику.

---

[1]) Пáданкой называютъ въ Сибири хлѣбъ, выросшій изъ зеренъ, которыя сами собою выпадаютъ изъ колоса осенью; отсюда пáданкой называютъ всякое неожиданное пріобрѣтеніе. *Авт.*

— Матренѣ Гурьевнѣ шкаликъ! — командовалъ Ефремъ.

Выпила и Матрена. Всѣ вышли изъ кабака и усѣлись въ приготовленный экипажъ.

— Шагомъ везти! тихонько, значитъ!—командовалъ Ефремъ.

Человѣкъ десять крестьянъ взялись за оглобли дровней, и поѣздъ двинулся вдоль по улицѣ, въ конецъ села, гдѣ былъ кабакъ цѣловальника Харитошки.

Матрена запищала: „Отлетаетъ мой соколикъ“...

— Стой, Матренушка, стой! Мы съ Устиномъ да Трофимомъ Павлычемъ затянемъ свою поселенскую пѣсню... мы свою, не вашу сибиряцкую...

Затянули кто въ лѣсъ, кто по дрова какую-то бурлацкую пѣсню...

За этимъ оригинальнымъ поѣздомъ валила толпа ребятишекъ; изъ воротъ выходили мужики и бабы и примыкали къ торжественному шествію; собаки заливались громкимъ лаемъ. Гиканье, свистъ, хохотъ, лай—все это сливалось въ общій неопредѣленный гулъ и тѣшило разгулявшуюся поселенскую душу Ефрема, его блѣднолицаго пріятеля Трофима и Устина Безрубахи.

Вотъ и Харитошкинъ кабакъ.

Цѣловальникъ, толстый, молодой поселенецъ, какъ увидѣлъ этотъ странный поѣздъ, такъ и разразился громовымъ смѣхомъ...

— Ай да Ефремъ Никитичъ, прокатился важно!— привѣтствовали пріѣхавшаго посѣтители Харитошкина кабака.

— Растрясло, чай,—надо выпить съ дороги.

— Съ морозу, Ефремъ Никитичъ!

— Нѣтъ, братцы, надо коней прежде напоить!..

— Эй, Харитоша, конямъ, братъ, полведра отпускай!..

— По малу же ваши кони пьютъ, Ефремъ Никитичъ,—смѣялись мужики.

— Вылѣзай да заходи въ заведеніе, Ефремъ Никитичъ!—юлилъ около саней Харитошка.—У меня есть солененькая рыбка на закусочку, огурчики поставлю... Вылѣзай!

— А!.. Это я люблю... Небось Ефремъ хоть худъ, да козырь...

Ефремъ, окруженный такимъ вниманіемъ и поддерживаемый подъ руку цѣловальникомъ, торжественно вошелъ въ кабакъ. За нимъ направились его спутники и зрители.

— Ну, перемѣнные кони будутъ?—обратился Ефремъ къ посѣтителямъ Харитошкина кабака:—будутъ, такъ и имъ полведра,—желаю, значитъ, обратно ѣхать... на сибирякахъ...

— Какъ не быть—будутъ, Ефремъ Никитичъ; прокатимъ, только держись за землю,—отвѣтили подгулявшіе ребята изъ пропойцъ.

— Ну, ладно! Харитоша, отпускай полведра! Знай нашихъ поселенцевъ! Вотъ какъ поселенцы ѣздятъ на сибирякахъ... А! вы на насъ!.. нѣтъ, врешь!.. мы на васъ!..

— Славно, славно, Ефремъ Никитичъ!—хвалилъ Ха-

ритошка:—а я велю вамъ сейчасъ рыбки подать, огурчиковъ... Эй, Маланья, неси сырку да огурчиковъ!..

— Наливки штофъ!—крикнулъ Ефремъ:—хочу, значитъ, Матрену Гурьевну угостить, пусть она помнитъ Ефрема... О-о-о! Ефремъ дорогого стоитъ!...

Матрена, польщенная такимъ вниманіемъ, начала прищелкивать пальцами и пустилась въ плясъ, припѣвая: „я по сѣничкамъ хожу, я по новенькимъ“...

Явилась балалайка.

— А, музыка!—крикнулъ Ефремъ:—мы съ музыкой желаемъ ѣхать!.. Еще надо балалаекъ двѣ, три, десять... плачу, значитъ!.. Эхъ, въ Расеѣ въ трахтирахъ мы гуливали, вотъ такъ гуливали!..

— Што, братъ Ефремъ, здѣсь Сибирь, не Расея,— угрюмо молвилъ Устинъ Безрубахи.

— Эй, еще балалаекъ!—командовалъ Ефремъ, мало уже сознавая окружающую его дѣйствительность.

Явились еще двѣ балалайки.

— Водки музыкантамъ! Харитошка! подавай по косушкѣ... Матреша, угощай, братъ, ихъ: они веселить насъ будутъ... Честной компаніи—четверть! Слышь, Харитошка! За все плачу!.. Пусть всѣ знаютъ, што Ефремъ Никитичъ гуляетъ...

Ефремъ съ своими фаворитами принялся за наливку. Бутылку выпили.

— Это будемъ пить дорогой, какъ назадъ поѣдемъ,— указывая на другую бутылку, бормоталъ Ефремъ.

— Ну, братцы, въ дорогу! Эй, кучеръ, лошадей!— кричалъ Ефремъ; — Матреша, поцѣлуй меня, поцѣлуй

старика!... Вотъ такъ! Кто желаетъ везти — запрягайся! Музыка съ нами!

— Ефремъ Никитичъ, разсчитаться бы надо: завтра съ учетомъ надо ѣхать, такъ деньжонки нужны, а то бы я и слова не сказалъ,—заговорилъ Харитошка.

— Сколько, братъ, Харитоша? Отдамъ, все отдамъ! Я, братъ, не того... значитъ, деньги!..

Харитошка снялъ съ гвоздика засаленные счеты и безъименнымъ пальцемъ правой руки началъ передвигать корольки.

— Брали полведра—два рубля, да штофъ наливки—восемьдесятъ копѣекъ, да за четверть рубль, значитъ будетъ четыре рубля восемьдесятъ...

Харитошка пытливо посмотрѣлъ на Ефрема, который, опустивъ голову, начиналъ дремать.

— Такъ, вѣрно!—пробормоталъ Ефремъ.

— Да по мелочи брали на рубль—всего пять рублей восемьдесятъ... Еще возьмите для круглаго счета на двадцать копѣекъ, и будетъ ровно шесть рублей... А закуска, значитъ, такъ—изъ уваженья...

— Идетъ!.. Вотъ спасибо, братъ, Харитоша! люблю!.. Все, братъ, разскажетъ доподлинно, не начтетъ копѣечки, не то, что Хаимъ!—И Ефремъ выложилъ на стойку двѣ трехрублевыя ассигнаціи.

— Благодаримъ, Ефремъ Никитичъ. Завтра пожалуйте утромъ опохмѣлиться; я ужъ съ васъ копѣечки не возьму, приготовлю хорошенькую закусочку...

— Идетъ!.. — бормоталъ окончательно опьянѣвшій Ефремъ.—Ѣдемъ назадъ!.. домой... не домой, а въ ка-

бакъ къ Харито... къ Хаиму... ну васъ къ дьяволу... собаки...

Ефрема кое-какъ вывели изъ кабака и положили въ коробъ. Поѣздъ двинулся обратно при звукахъ балалаекъ и пѣсенъ, сопровождаемый толпою любопытныхъ. Не одинъ лакомый до водки мужикъ завистливыми глазами смотрѣлъ на широко-развратный разгулъ пріискателей; не одна баба завидовала Матренѣ, принимавшей дѣятельное участіе въ этомъ разгулѣ и поживавшейся, какъ онѣ думали, деньжонками около пьяныхъ ея друзей.

Ефремъ былъ старый озорникъ насчетъ женскаго пола, а главное, при деньгахъ онъ щедро платилъ за оказываемый ему привѣтъ и женскія ласки.

По поводу щедротъ пьянствующаго Ефрема въ одной убогой избѣ Озернова происходилъ такого рода разговоръ между мужемъ и женой.

Мужъ, крестьянинъ, лежитъ на печи, а жена, молодая баба, съ бойкими карими глазами, сидитъ за прялкой.

— Надо зазвать завтра Ефрема-то къ себѣ на похмѣлье,—говоритъ баба, быстро повертывая въ рукѣ веретено.

— Ну, такъ што,—равнодушно отзывается съ печи мужъ.

— Небойсь, Матрешка смылитъ у него деньги-то, ишь прильнула къ нему; одного-то ей мало, стервѣ, Сашки-то. Раззорила одного, такъ другого охота... Сволочь!..

Баба поплевала на пальцы лѣвой руки и сердито начала теребить куделю.

— Ты завтра карауль его, какъ въ кабакъ пойдетъ, да зови къ намъ: пойдемъ, молъ, опохмѣлю...'

— А на што ты его опохмѣлишь? гдѣ онѣ, деньги-то?—почесывая спину, ворчитъ мужъ.

— Я возьму подъ пряжу у Харитошихи—дастъ!

— Ну, такъ што—ладно...

— Живемъ, Господи прости, какъ не люди и умремъ—не покойники,—послѣ нѣкотораго молчанія начинаетъ жена:—съ добрыми людьми и погулять не удастся... А какъ придетъ къ намъ Матрешка, вотъ лопни мои глаза, такъ за косы и выволоку изъ избы: пусть она знаетъ!..

— Ничего, гуляютъ ловко!—говоритъ мужъ, царапая брюхо и переворачиваясь на другой бокъ.

— У кого деньги, тотъ гулятъ, а вотъ мы—нищіе, такъ не загуляемъ, небось...

— А можа, завтра и загулямъ...

— Ты бы, Кирило, сегодня созвалъ Ефрема-то, а я, тѣмъ временемъ, сбѣгала бы къ Харитошихѣ,—заюлила баба.

— Што сегодня!—возражаетъ мужъ:—сегодня онъ ужъ свалился... Завтра...

— Ну! завтра!—надула губы недовольная сожительница:—пьяный-то онъ лучше, можа платишко какой купитъ, онъ вѣдь простой...

— Ишь-те изниматъ!—говоритъ, добродушно смѣясь, мужъ:—лакома до платишковъ-то! ишь захотѣла!..

— А гдѣ мнѣ взять-то? отъ тебя, небось, не дождешься...

— Отъ меня!—и мужъ захохоталъ: — а гдѣ я тебѣ

набралъ ихъ, платковъ-то? Заробь сама, да и покупай!.. Ишь тягости каки, а она о платкахъ...

— И такъ, кажись, съ тебя не справляю, свое ношу.

Утромъ, еще до полнаго разсвѣта, жена Кирилы сбѣгала къ Харитошихѣ и выпросила полштофъ водки, а мужа оставила караулить на улицѣ Ефрема, когда тотъ пойдетъ въ кабакъ. До прихода ея домой Ефремъ не показывался. Катерина пріодѣлась, хотя и бѣдно, но по возможности щеголевато: надѣла свою лучшую льняную рубашку и дабовую юбку и кокетливо повязала свою очень красивую головку краснымъ платкомъ. Молодое, оживленное бойкими и выразительными карими глазами лицо ея было хотя не очень свѣжо, но все-таки очень красиво.

— Идетъ! — крикнула она, метнувшись къ окошку. Мужъ выбѣжалъ на улицу, по которой шествовалъ Ефремъ, уже порядочно выпившій и оравшій на всю улицу что-то непонятное.

— Заходи, Ефремъ Никитичъ, опохмѣлиться!—крикнулъ ему Кирило.

Ефремъ уставилъ на мужика свои пьяные, безумные глаза и не сразу понялъ, что ему предлагаютъ.

— Што?..—промычалъ онъ.

— Опохмѣлиться заходи! Забылъ насъ, и въ гости не жалуешь...

— А! опохмѣлиться? Идетъ!.. Вотъ люблю, люблю такихъ людей!.. Я, братъ, дорогого стою! — И Ефремъ, пошатываясь, побрелъ къ калиткѣ Кирилова домишка.

Катерина ласково приняла Ефрема и собственноручно потчивала его водкой. По окончаніи хозяйскаго полуштофа, Ефремъ откомандировалъ Кирила за цѣлою четвертью, и пьянство началось, какъ говорится, во всю ивановскую. До вечера Ефремъ и Кирило сдѣлали по два напоя, и сама Катерина очень замѣтно покачивалась разъ на сѣверъ, разъ на югъ... Очнувшись послѣ второго напоя, пріятели усѣлись за столъ опять опохмѣлиться, или, что тоже, дѣлать третій напой.

Былъ уже вечеръ. Катерина собрала послѣднія силы и начала пѣть и кружиться посреди избы, потѣшая дорогого гостя. Для третьяго напоя водки потребовалось немного: послѣ двухъ-трехъ рюмокъ оба пріятеля опять раскисли.

По улицѣ съ гиканьемъ и крикомъ промчалась тройка, звеня колокольчиками; сѣдоки орали пѣсни. Это прокатилъ Александръ съ своей Матреной...

— Вотъ тебѣ, паскуда!—И Катерина протянула фигу вслѣдъ промчавшейся тройкѣ; фига предназначалась солдаткѣ Матренѣ, какъ соперницѣ по очищенію пріискательскихъ кармановъ.

— Я теперь, Ефремъ Никитичъ, къ тебѣ съ большой докукой,—говорилъ Кирило, обнимая Ефрема:—ссуди ты меня, значитъ, тройкой, не такъ штобы што, а взаймы, значитъ, надо подати отдать, а за душой ни копѣйки нѣтъ... Будь, значитъ, другъ, выручи! По гробъ жизни я твоей добродѣтели не забуду...—Катерина ловко подмигнула старику, чтобъ онъ не отказывалъ. Старый грѣховодникъ понялъ это подмигиванье, и хотя былъ пьянъ,

но сообразилъ, въ чемъ дѣло, и охотно поддавался искушеніямъ красивой Катерины.

— Изволь, братъ!.. Я для добраго человѣка все... изволь, душа!—И Ефремъ выложилъ предъ Кирилой три рубля.

— Вотъ спасибо! Вотъ благодаримъ, Ефремъ Никитичъ!.. Выпьемъ, братъ, за это... Ну-ка, хозяйка, подавай намъ по чарочкѣ...

Выпили, посидѣли. Кирило все благодарилъ Ефрема, а Ефремъ доказывалъ, что онъ добрѣйшій человѣкъ на свѣтѣ.

— Я, Ефремъ Никитичъ, схожу къ человѣку одному, а ты побесѣдуй тутъ съ хозяйкой... Я приду скоро... случай есть такой...

— Иди, братъ, иди, а мы здѣсь съ Катериной-то Андреевной выпьемъ безъ тебя. А? такъ ли, Катенька?!..

— Выпьемъ, выпьемъ, Ефремъ Никитичъ; пусть онъ идетъ, ну его!

Кирило поднялся изъ-за стола и вышелъ, оставивъ гостя на попеченіе своей сожительницы, и до утра не приходилъ домой, свалившись гдѣ-то у сосѣда. Ефремъ же ночевалъ въ домѣ Кирилы.

На другой день, опохмѣливъ своего гостя, Катерина предложила ему сдѣлать для дѣвокъ „вечорку“.

— Пусть позабавятся да тебя потѣшатъ, Ефремъ Никитичъ; што тебѣ бросить тройку, а онѣ-то и не знай какъ будутъ рады, да и ты повеселишься по крайней мѣрѣ...

— Идетъ!—отвѣтилъ Ефремъ:—все для тебя сдѣлаю, Катенька!

Вечеромъ Ефремъ и Кирило опять пили вмѣстѣ. Катерина, тѣмъ временемъ, побѣжала къ товаркѣ и задушевной пріятельницѣ перетолковать о предстоящей вечоркѣ и о томъ, кого звать изъ дѣвокъ и кого нѣтъ...

— Я, небось, подруженька, не прозѣваю, поставлю старика на ноги... Умру, да ногой дрягну!.. Хоть Матрешка и вертитъ хвостомъ, да нѣтъ, гдѣ ей супротивъ меня!..—тараторила Катерина у своей пріятельницы...

— Гдѣ запропалъ Ефремъ?.. — толковали въ кабакѣ мужики:—хоть бы пришелъ да подалъ...

— Онъ, братъ, у Кирила, на печи ноги сушитъ. Катерина-то его ладно облапила...

— Пострѣлъ баба!.. Ишь вѣдь старый чортъ подмазался!..

— Чудакъ, деньги вѣдь... Вчера Кирилѣ тройку далъ!..

— А! не мѣшай, значитъ...

Мужики захохотали.

— Попалъ, братъ, Ефремъ въ пай къ Кирилѣ, молодецъ!

— Ну, да пока деньжонки-то есть, такъ и пайщикъ, а повытрясетъ, такъ Кирило-то и шею наколотитъ.

— Ну! наколотитъ! А съ пріисковъ-то придетъ Ефремъ—ему опять хабаръ!..

— А и то правда! Што Кирилѣ-то? Пусть онъ ватажится съ хозяйкой-то, развѣ убудетъ ея, а деньги — деньгами... Гдѣ ихъ возьмешь?

— Да, дуракъ самъ навязывается съ деньгами, какъ не брать...

До вечера Ефремъ не выходилъ изъ дома Кирилы и пьянствовалъ съ Катериной дома.

Наступилъ вечеръ.

— Ну, Ефремъ Никитичъ, пора и на вечорочку, — обращается Катерина къ лежащему на кровати Ефрему: —насъ ужъ, поди, ждутъ...

— На вечорку? Ладно! Да я пѣшкомъ не пойду на вечорку, а пусть меня дѣвки на рукахъ унесутъ, коли гулять хочутъ... Вотъ какъ!..

— Ха, ха, ха!—залилась громкимъ смѣхомъ Катерина:—какой же ты и прокуратъ у меня, Ефремъ Никитичъ!..

— А што? Ей-ну, право, на рукахъ!

— Да какъ же на рукахъ-то? Неловко!

— А вотъ я сяду на скамейку, а онѣ неси... Ведро возьму!—гуляйте, востроглазыя!..

Катерина хохотала.

— Ну, ладно, я сбѣгаю, скажу имъ... Да давай деньги-то, за водкой пошлю.

Ефремъ далъ пять рублей.

— Хозяинъ!—крикнула Катерина мужа, лежавшаго на печи: — возьми желѣзное ведро, да иди въ кабакъ, возьми водки-то...

Она сунула въ руку мужа три рубля, а два оставила у себя и побѣжала на вечорку за дѣвками.

Чрезъ полчаса на улицѣ послышался дѣвичій смѣхъ и визгъ: дѣвки шли за Ефремомъ.

— Пожалуйте, Ефремъ Никитичъ, дѣвушки васъ понесутъ на вечорку! — говорила, запыхавшись, Катерина, входя въ избу.

— Вотъ люблю!.. Какъ бы выпить, Катя?

Катерина подала Ефрему чашку изъ принесенной водки и, завернувшись въ куть, сама выпила двѣ.

— Ну-ка, дѣвушки, пондравьте старика!—выходя во дворъ, кричалъ Ефремъ.

Катерина поочередно зазывала дѣвицъ въ избу и подавала имъ по чашкѣ водки.

— Ай, дѣвонька, што же эко дѣется—старика понесемъ, вотъ смѣхотушки-то! — хохотала одна дѣвица, обращаясь къ другой.

— На, дѣвонька, эка бѣда!.. наплевать!..

— Ванька-то приколотитъ меня, какъ узнатъ,—онъ вѣдь у меня здрѣшной...

— Онъ разѣ на вечоркѣ?

— На! да отстанетъ отъ меня, дожидайся! Ходитъ какъ теленокъ за коровой. А твой-то придетъ?

— Какъ же... Я говорила давѣ ему: приходи, молъ.

Между тѣмъ вынесли скамью, положили на нее подушку и усадили Ефрема, чтобы нести на вечорку, которая устраивалась въ домѣ хохла Дымниченки, недалеко отъ Кирилы.

Съ хохотомъ и визгомъ подняли дѣвицы Ефрема, гордо возсѣдавшаго на скамьѣ.

Процессія тронулась. Впереди шла пріятельница Катерины и зажженной лучиной освѣщала путь; за нею Ка-

терина съ ведромъ, въ которомъ была водка; она колотила по ведру палкой и кричала:

— На вечорку! на вечорку! на вечорку!..

— Вы старика моего не уроните, за него я всѣхъ вашихъ молодыхъ не возьму, — смѣясь, говорила Катерина.

— На! да кака-така пришла! уронимъ! на што его ронять?..

Наконецъ, это оригинальное перенесеніе Ефрема кончилось благополучно. Три парня съ балалайками ждали въ избѣ Ефрема, чтобы появленіе его встрѣтить разудалой плясовой, и грянули, какъ только Ефремъ отворилъ дверь.

— Вотъ люблю, ребята!.. Разуважили! Эй, Катя, музыкантамъ водки!

Началась общая попойка. Дѣвицы пили наравнѣ съ парнями и пустились въ плясъ, щеголяя другъ передъ другомъ самыми циническими тѣлодвиженіями... Все это тѣшило ясныя очи высокаго посѣтителя, и дѣвицы поочередно цѣловали стараго проказника. Въ избѣ было жарко, душно и дымно отъ постоянно закуриваемыхъ трубокъ.

Зрители всѣ не вмѣщались въ избѣ, и нѣкоторые чрезъ окно смотрѣли на веселый пиръ Ефрема.

Вдругъ оконная рама съ трескомъ влетѣла въ избу, и зазвенѣли въ дребезги разбитыя стекла. За окномъ раздавалась крупная брань. Это Александръ Голубевъ буянилъ съ горя, что его не пригласили на вечорку. Старикъ Дымниченко, какъ хозяинъ, заступился за честь

своего дома; онъ схватилъ полѣно, лежавшее у печи, и, трясясь отъ гнѣва всѣмъ тѣломъ, выбѣжалъ на улицу.

— Я жъ тоби, бисовъ сынъ!—кричалъ онъ, подбѣгая къ Голубеву, который ругался и размахивалъ палкой, порываясь разбить другое окно, но зрители его не допускали.

— Убью, старый чортъ! не подходи!—кричалъ онъ подбѣгавшему Дымниченкѣ.

Послали за старшиной, чтобы не вышло „смертнаго убойства“. Старшина явился и хотѣлъ запереть буяна въ холодную баню и протрезвить, но Александръ успѣлъ шепнуть ему на ухо, что онъ дастъ рублевку, если его не тронутъ.

— Ты слушай, Александръ, я тебѣ резонно скажу: заплати ты за окошко да за безчестье старику; што тутъ хорошаго шумѣть! А ты, старичокъ, смирись, не лѣзь въ драку, вишь—хмѣленъ...—улаживалъ дѣло старшина. И дѣло уладилось на полведрѣ водки, новой рамѣ и одномъ рублѣ деньгами за безчестье. Принесли водку, и Александръ съ своей возлюбленной Матреной сдѣлался участникомъ попойки и пляски.

Было за полночь. Всѣ зрители разошлись по домамъ, остались только приглашенные гости.

Катерина начала о чемъ-то перешептываться съ дѣвицами...

— Ну, дѣвоньки, теперь пора сыграть въ „женихи“! —раздался звонкій женскій голосъ.

Въ одну минуту огонь въ избѣ погасъ, гости остались въ совершенной темнотѣ, начался во всѣхъ углахъ хохотъ и визгъ дѣвицъ, шопотъ и барахтанье.

Ефремъ ночевалъ у Дымниченки, потому что напился до окончательнаго изнеможенія своего грѣшнаго тѣла.

Утро было пасмурное, былъ вѣтеръ и шелъ снѣгъ.

Ефремъ пробудился съ сильною болью въ головѣ и полупьяный. Слѣдовало непремѣнно опохмѣлиться. Поднявшись съ полу и сильно пошатнувшись, сначала въ одну, потомъ въ другую сторону, онъ побрелъ къ Катеринѣ.

Предупредительная и заботливая Катерина ждала дорогого гостя: на столѣ стоялъ готовый самоваръ и бутылка водки.

— Ой, Катерина, голова!..—отворяя дверь, вопилъ Ефремъ.

— А! Ефремъ Никитичъ! а я тебя давно жду, самоварчикъ поставила, водочки принесла; садись-ка да опохмѣляйся. Можетъ, чего солененькаго надо?

Ефремъ только головой замоталъ.

— Выпей, легче будетъ!—И Катерина налила гостю полную чашку водки.

Ефремъ выпилъ; вино оживило его. Катерина сама тоже выпила, и начали пить чай.

— А гдѣ Кирило?—спросилъ Ефремъ.

— По сѣнишко уѣхалъ; ихъ дѣло мужичье—работать...

За первой бутылкой явилась другая, и Ефремъ былъ уже на старый ладъ. Изрядно опохмѣлившись, онъ побрелъ по деревнѣ прогуляться, на пути зашелъ въ кабакъ и взялъ бутылку наливки, запѣлъ пѣсню и, помахивая въ воздухѣ бутылкой, направился въ лавку.

— Я, братъ, знаю свое дѣло!—бормоталъ онъ, отворяя дверь:—я знаю...

— Что покупаете-съ, Ефремъ Никитичъ?—спросилъ торговецъ.

— А птичьяго молока!—острилъ Ефремъ:—вотъ што мнѣ надо, да!.. птичьяго—одно слово... што? не пьешь!.. а?

— Мы эфтимъ не торгуемъ-съ...

— А мнѣ надо... да!.. Я, братъ, знаю свое дѣло...

— Товарцу-съ не угодно ли какого?

— Надобно! то-исъ, перваго сорта ситца, значитъ, по красной землѣ штобъ огурцами...

— Какой прикажете? Сейчасъ отмѣряемъ...

— Самой что ни на есть преотличной...

Торговецъ выкинулъ на прилавокъ кипу ситцевъ самыхъ фантастическихъ рисунковъ.

Ефремъ мутными глазами окинулъ товаръ.

— Вотъ этого рѣжь двѣнадцать аршинъ.

Торговецъ отмѣрилъ и оторвалъ требуемое количество и хотѣлъ сложить.

— Погодь, погодь, не торопись,—остановилъ его Ефремъ и полѣзъ въ карманъ за деньгами.

— Сколько?

Торговецъ заломилъ втридорога. Ефремъ не торговался и заплатилъ. Потомъ взялъ одинъ конецъ матеріи чрезъ плечо и, распустивъ остальное по землѣ, волокомъ потащилъ свою покупку по улицѣ и, пошатываясь изъ стороны въ сторону, запѣлъ пѣсню. Вѣтеръ развѣвалъ и

высоко вскидывалъ надъ головою Ефрема этотъ двѣнадцати-аршинный флагъ...

Бабы выбѣгали за ворота посмотрѣть на новую причуду Ефрема, но онъ не обращалъ вниманія на зрителей и, помахивая бутылкой, тащилъ обнову своей Катеринѣ.

Голубевъ, при содѣйствіи Матрены, успѣлъ уже спустить весь задатокъ: то проигрышемъ въ карты, то попойками, то платою за буйство. Приходилось снова приниматься за остатки отцовскаго наслѣдства...

Онъ шелъ навстрѣчу Ефрему изъ другого конца улицы. На его шапкѣ висѣлъ большой желѣзный ковшъ, который, какъ кисть, покачивался около его уха. Ковшъ назначался для пропоя. Но нести его въ кабакъ обыкновеннымъ образомъ не доставляло Александру никакого удовольствія; нужно было сдѣлать что-нибудь оригинальное, и вотъ на показъ всѣмъ онъ изобразилъ изъ него кисть. Ковшъ то-и-дѣло срывался съ шапки и гремѣлъ, падая на твердую дорогу, но Александръ укрѣплялъ его снова тамъ, гдѣ ему быть должно. При каждомъ паденіи ковша Голубевъ пѣлъ:

Не шуми! не греми!..

Пріятели сошлись.

— Ты штò это прешь, Никитичъ?

— Бабѣ!—отвѣтилъ отрывисто Ефремъ и продолжалъ неторопливо свое шествіе.

— Пойдемъ въ кабакъ, пропьемъ эту штуку!—указывая на матерію, крикнулъ Александръ.

— Не замай, это бабѣ!—отвѣтилъ Ефремъ.

Долго Голубевъ смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся пріятелю, потомъ, какъ сумасшедшій, захохоталъ и, выругавъ Ефрема, направился въ кабакъ.

Это была послѣдняя крупная блажь Ефрема.

Чрезъ нѣсколько дней, придя въ чувство и повѣривъ свою казну, онъ увидѣлъ, что у него осталось только нѣсколько копѣекъ. Катерина замѣтно стала холоднѣе къ нему и на цѣлые дни уходила изъ дому „съ прялкой“. Праздникъ для Ефрема кончился.

Пришлось перебираться къ земляку Устину Безрубахи...

Блѣдный, трясясь всѣмъ тѣломъ, ёжится бѣдный Ефремъ у кабачнаго порога, выглядывая и выжидая стаканчикъ даровой водки. Но, увы, пожива была плохая. Пришлось пропить послѣднее „верхотурье“, т. е. послѣдній зипунишко.

Мужики издѣвались и глумились надъ пропоицей Ефремомъ и надъ его разгульной жизнью.

— Ставь ведро, Ефремъ, сичасъ прокатимъ къ Харитошкѣ, а не хошь—на рукахъ снесемъ...

— Ха, ха, ха!—потѣшались мужики:—видно, профеферился, братъ, шабашъ теперь!.. Ты къ Катеринѣ бы шелъ..

— Осѣдлала она его!..

Ефремъ плюнулъ и пошелъ къ Устину Безрубахи.

— Смерть моя приходитъ, Устинъ, опохмѣлиться не на што...

— Ужо я сбѣгаю къ Никитѣ, возьму на косушку

подъ неводъ, да съ перцемъ дамъ тебѣ—полегчаетъ...— Досталъ Устинъ косушку водки, тотчасъ же приготовилъ изъ нея настойку съ стручковымъ перцемъ и подалъ Ефрему.

— Вотъ знатно теперь!.. Эхъ!..

— Небось, у сибирява зимой снѣгу не выпросишь!..

Андрей Хворостовъ женился на своей Катеринѣ, которую взялъ „убѣгомъ“, т. е. тайно отъ отца. Отпировавъ свадьбу, онъ нанялся въ батраки къ богатому крестьянину, на время, до „выгонки рабочихъ“. Степанъ Перстовъ съ сыномъ погуляли два-три дня и больше не пили. Они купили кобылу и воздвигли изъ хвороста клѣть, куда и запирали на ночь свою новую. работницу. Степанъ сталъ какъ-то солиднѣе и сосредоточеннѣе—чувствовалъ, что поправился. Подати были отданы, кобыла куплена, ребятишкамъ куплены рубахи, значитъ все обстояло благополучно, большаго комфорта пока не требовалось...

Приближалось время къ „выгонкѣ рабочихъ“ на пріиски.

IV.

Отправка.

Въ февралѣ мѣсяцѣ озерновскій старшина получилъ изъ ивановскаго волостного правленія „приказъ“, чтобы рабочіе, получившіе задатки отъ компаніи Осинина, къ такому-то числу непремѣнно явились въ Иваново для отправки на пріиски. Старшина объявилъ „приказъ“

Андрею Хворостову, Семену Перстову, Ефрему и Александру Голубеву, которые назавтра же рѣшились отправиться по образу пѣшаго хожденія; такъ какъ Ефрему и Александру нанять лошадей было уже не на что, то за компанію пошли всѣ пѣшкомъ, какъ мы видѣли это въ первой главѣ очерковъ.

. . . . . .

Весьма нелегкое дѣло для приказчика, нанявшаго на пріиски рабочихъ, препроводить ихъ до мѣста пріисковыхъ работъ. Тутъ нужно терпѣніе, энергія и умѣнье обращаться съ массою самаго разнохарактернаго пьянаго народа. Въ большинствѣ случаевъ, дѣло сбора и отправки рабочихъ не обходится безъ участія волостныхъ и земскихъ властей. При отправкѣ на пріиски рабочіе прощаются съ свободною жизнью, зная напередъ, что житье на пріискахъ будетъ далеко не сладкое, и проводятъ послѣднія минуты свободы въ самомъ широкомъ разгулѣ. Но такъ какъ задатки пропиты еще на первыхъ порахъ ихъ полученія, то при отправкѣ идутъ въ оборотъ шубы, шапки, рукавицы, бродни, рубашки и вообще все, что можетъ быть пропито. Когда масса народа, человѣкъ въ триста или четыреста, даже въ сто, наполовину изъ поселенцевъ, перепьется,—сладить съ нею не очень легко!

На сборномъ пунктѣ производится и обмундировка рабочихъ. Для этого приготовляется значительное количество шубъ, бродней, рукавицъ, рубашекъ и т. п., потому что иные пропоицы являются „яко нагъ, яко благъ“ и, получивъ нужныя вещи, опять тащатъ ихъ въ кабакъ. Обмундировка производится въ счетъ будущихъ заработ-

ковъ, и нѣкоторые рабочіе умудряются разъ по пяти пропивать полученныя вещи. Остановить пропой вещей нѣтъ никакой возможности...

Ефремъ и Александръ Голубевъ, явившись въ Иваново на сборный пунктъ, пошли къ приказчику съ требованіемъ обуви и полушубковъ. Имъ выдали шубы и бродни. Шубы едва доходили до колѣнъ и стоили по пяти рублей...

— Ну, теперь можно и выпить,—сказалъ Ефремъ, потрясая среди улицы полученными бродняхи. Онъ и Александръ пошли въ кабакъ.

У дома приказчика толпились рабочіе и подъѣзжали порожнія сани, запряженныя парами лошадей: это были подводы для рабочихъ. Въ кабакѣ стоялъ пиръ-горой: пѣсни, брань, говоръ,—все сливалось въ общій, неопредѣленный гулъ. Пріятели вошли въ кабакъ и съ трудомъ протѣснились впередъ, къ неизсякаемому источнику. Ефремовы бродни полетѣли за стойку цѣловальника, туда же отправились и Александровы, и вмѣсто нихъ появились бутылки съ водкой. Началась попойка и угощеніе товарищей предстоящаго тяжелаго труда. Ефремъ пилъ залпомъ стаканъ за стаканомъ и чрезъ нѣсколько времени едва уже держался на ногахъ. Онъ съ клятвою увѣрялъ какого-то оборваннаго пріискателя, что лучше его, Ефрема Никитина, никто не насадитъ лопатку на рукоятку, и что это дѣло для рабочаго—не то чтобы наплевать...

— У тебя будетъ поясница трешшать, а у меня нѣтъ,—говорилъ Ефремъ, вытягивая впередъ шею, чуть не къ самому носу слушателя:—вотъ оно што значитъ

лопатка! А што лопатка? плевое дѣло!.. Нѣтъ, ты ее въ дѣйство пріизведи, а то шалишь!.. И лопатка да будетъ не лопатка, а дермо!—Оборванецъ смотрѣлъ на Ефрема пьяными, потускнѣвшими глазами, молчалъ и только въ знакъ согласія моталъ головой.

— А вотъ теперь, возьмемъ къ примѣру, кайла... Ну, дадутъ тебѣ кайлу эту самую—ты и думашь, што она тебѣ будетъ робить? Нѣтъ, шалишь! ты ее пріизведи въ дѣйство... А то какъ ты теперича подкайлишь забой, коли она у тебя все носомъ-то на утыкъ да на утыкъ? Нѣтъ, братъ, тутъ смыселъ!—и при этихъ словахъ Ефремъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ.

Дверь кабака широко растворилась, и на порогѣ показался молодой крестьянинъ, очень прилично, по-крестьянски, одѣтый: это былъ волостной начальникъ.

— Эй вы, пьяницы, вонъ изъ кабаку! Кони давно ужъ васъ дожидаются. Вонъ пошли!

Но разгулявшіеся рабочіе не слыхали этого возгласа.

— Вонъ пошли! вамъ, или нѣтъ, я говорю?—возвышая голосъ, кричалъ волостной и, ворвавшись въ середину рабочихъ, началъ ихъ одного за другимъ выталкивать изъ кабака.

Волей-неволей приходилось заканчивать веселую бесѣду. Всѣ вышли и направились, повидимому, къ квартирѣ приказчика, къ мѣсту, гдѣ стояли ихъ подводы. Волостной же начальникъ, захвативъ еще съ собою двухъ десятниковъ, пошелъ къ другому кабаку. Однако, едва успѣлъ онъ поворотить въ другую улицу, какъ толпа изгнанниковъ обратилась снова въ тотъ же кабакъ, и

Ефремъ, не довольствуясь пропоемъ бродней, разсудилъ за благо пропить и сейчасъ полученную шубу, за которую потребовалъ полведра, и угощеніе началось снова. Ефремъ царилъ въ кабакѣ, какъ во времена оны въ Озерновѣ, и кричалъ, надрывая грудь:

— Вотъ, милые други, какъ прійдемъ на пріиски, узнаете вы, што за штука Ефремъ Никитинъ. Вы думаете, я такъ дурачка строю? Нѣтъ, меня знаютъ тамъ! Я съ управляющимъ—што съ вами, все равно; што сказалъ Ефремъ, такъ тому и быть...

Наконецъ, хвастовство Ефрема приняло такіе громадные размѣры, что можно было заключить изъ его словъ, что онъ шелъ на пріиски не простымъ рабочимъ, а какимъ-то полноправнымъ уполномоченнымъ.

— Вы опять тутъ?—раздалось въ дверяхъ кабака:— што же это я буду дѣлать съ вами, съ подлецами? Вонъ изъ кабаку, пьяницы!—И волостной начальникъ опять началъ выталкивать пьяныхъ на улицу. Выгнавъ всѣхъ, самъ пошелъ съ десятниками провожать ихъ до дома приказчика.

— Мнѣ ѣхать не въ чемъ!—завопилъ Ефремъ, подходя къ дому:—шубы нѣтъ, рукавицъ нѣтъ, бродней нѣтъ, ничего нѣтъ!.. А! меня заморозить, видно, хочутъ! Нѣтъ, давайте одёжу!..

— Шубу мнѣ давайте, рукавицы!—кричитъ другой.

— Шапки нѣтъ! шапку надо!—кричитъ третій.

— Дайте денегъ! рупь одинъ, право слово, рупь-цѣлковой!..

— Пойдемъ, выпьемъ ишпо по шкалику на дорогу,—

совѣтуются двое:—ну, рукавицы по боку—дадутъ новы!.. Пойдемъ—подождутъ!

Порѣшивъ насчетъ рукавицъ, украдкой уходятъ въ кабакъ.

— Ваше почтеніе!—кричитъ и тянется къ окну приказчичьяго дома едва двигающійся пріискатель:—у меня онучъ нѣту! позвольте!..

Надо было всѣхъ удовлетворять, а удовлетворивши требуемыми вещами—просить волостныхъ начальниковъ собирать рабочихъ по кабакамъ. Употребить надъ кѣмъ-либо насиліе, для примѣра прочимъ—вещь немыслимая. Достаточно одному пьяному крикнуть: „Мы сегодня не ѣдемъ!“—и вся толпа встрепенется и закричитъ: „Не ѣдемъ, шабашъ!“ Всѣ разбредутся, и не съ кѣмъ даже будетъ вести какіе бы то ни было примирительные переговоры.

Андрей Хворостовъ съ нѣкоторыми товарищами, болѣе трезвыми, сидѣлъ на лавочкѣ у воротъ приказчичьяго дома и съ любопытствомъ смотрѣлъ на пьяную, шумѣвшую ораву.

— Это, кажись, Лучковъ стоитъ, изъ Перепрягиной,—замѣтилъ онъ сидѣвшему рядомъ мужику, указывая на Лучкова.

— А кто его знать!—отвѣтилъ мужикъ.

Андрей подошелъ къ Лучкову, который одѣтъ былъ въ новый пріисковой полушубокъ и новые бродни. На лицѣ его изображалась страшная тоска, и сѣрые грустные глаза смотрѣли сквозь слезы на все окружающее. Возлѣ него стояла баба съ ребенкомъ на рукахъ, завер-

нутымъ въ какой-то мѣховой лоскутъ. Другой мальчишка, въ мужичьемъ зипунѣ, разношенныхъ большихъ валенкахъ и собачьихъ мохнаткахъ, дрожалъ, прижавшись къ бабѣ. Баба плакала и сморкалась въ руку; мальчишка посинѣлъ отъ холода и длинными рукавами зипуна утиралъ носъ.

— Ты што, Лучковъ, везти нанялся, видно, пріискателей?—спросилъ Андрей, подходя къ Лучкову.

— Здорово, Андрюха,—отвѣтилъ Лучковъ:—какой везти! на пріиска!

— Што такъ?

— Запродали за подати...

— Развѣ ужъ больно много за тобой податей?

— Нѣтъ, за старшинскія...

— Буховшина, видно?

— Буховшина [1]).

— Квитанцій не было?

— Не было,—со вздохомъ сказалъ Лучковъ:—двѣстипятьдесятъ рублей писарю отдалъ въ волости, а онъ говоритъ: „Квитанцію послѣ выдамъ; неужели ты, говоритъ, мнѣ не повѣришь? кому же и вѣрить, какъ не мнѣ? Теперь, говоритъ, нѣту времени выдать“. Повѣрилъ я, уѣхалъ домой. Пріѣзжаю въ другой разъ: квитанцію, молъ, пожалуйте. Написалъ—слова не сказалъ. Чрезъ недѣлю аль двѣ, забылъ ужъ я, пріѣзжаетъ въ нашу деревню. „Я, говоритъ, ѣзжу по волости, квитанціи соби-

[1]) Буховщиной называются взысканія съ цѣлаго общества или съ одного лица растратъ, произведенныхъ волостными начальниками и писарями. *Авт.*

раю для учета, потому смѣняться хочу; давай, говоритъ, квитанцію". Я ему говорю: „какъ же, Осипъ Михайловичъ, дать вамъ квитанцію? у меня въ рукахъ никакой бумаги не останется".—„Деньги твои, говоритъ, въ книгу заведены, не сумляйся, не пропадутъ". Отдалъ я квитанцію, писаря наняли новаго. Прошло съ недѣлю времени, съ меня и поворотили эти деньги. Я въ волость, такъ и такъ— объясняю. „Проси, говорятъ, квитанцію назадъ". Я къ Осипу Михайловичу: „пожалуйте, молъ, назадъ квитанцію въ деньгахъ".—„Какую, говоритъ, квитанцію? Когда я у тебя бралъ деньги? Коли бралъ, такъ онѣ записаны. Справляйся въ волости". Я было совѣстить его... Куда! по шеѣ выгналъ. Я къ исправнику: никакого резона не принимаетъ: „подавай, говоритъ, деньги, хоть што хошь дѣлай". Ну, вотъ теперь описали, скотишка продали рублей на полсотни, а за остальны-то запродали...

Лучковъ вздохнулъ и замолчалъ.

— Што отъ него, отъ писаря-то, добра ожидать? Одно слово, въ Сибирь на цѣпи пришелъ!

— Худо твое дѣло!...

— Худо. Вотъ безъ хлѣба остались,—мотнулъ Лучковъ головой на плачущую бабу.

— Твоя видно?

— Моя... это мои же,—не глядя на ребятъ, прибавилъ Лучковъ.

— Какъ же они теперь?

— Да, видно, міромъ... именемъ Христовымъ!

Слезы катились по красному отъ холода лицу бабы

и крупными каплями падали на лежавшаго у нея на рукахъ, въ мѣховомъ лоскутѣ, ребенка...

Андрей внимательно посмотрѣлъ на бабу и на ребятишекъ и отошелъ отъ Лучкова.

Пьяная толпа гудѣла у воротъ: пріисватели всѣ были въ сборѣ.

— А што же, ребята,—громкимъ голосомъ крикнулъ пьяный рабочій:—рази онъ по шкалику намъ не подастъ на дорогу? Нѣтъ, шалишь! на дорогу завсегда бываетъ, положеніе такое...

Этотъ возгласъ мгновенно взволновалъ всѣхъ. Сотня голосовъ завопила:—По шкалику! по шкалику на дорогу, а то мы не ѣдемъ—шабашъ, значитъ!.. Ваше почтеніе, Лука Савичъ, по шкалику!.. Сейчасъ и поѣдемъ...

— Этакіе варвары!.. шельмы, пьяницы! — бранился Лука Савичъ:—безъ двухъ ведеръ не увезешь ихъ!

— Рубцовъ здѣсь?—крикнулъ Лука Савичъ.

— Здѣсь!—отозвались изъ толпы.

— Рубцовъ, иди сюда!

Рубцовъ, старый рабочій, имѣющій вліяніе на новичковъ, отдѣлился отъ толпы и пошелъ къ Лукѣ Савичу.

— Ну, Рубцовъ,—заговорилъ Лука Савичъ:—докуда вы будете меня мучить?.. Уговори ты ихъ, подлецовъ, ѣхать...

— Я, то-ись, Лука Савичъ, съ моимъ полнымъ, што называется, удовольствіемъ, — бормоталъ пьяный Рубцовъ:—то-ись, народъ, видите, несообразный, гдѣ жъ съ ними!..

— Вотъ что, Рубцовъ, я знаю, что ты ихъ угово-

ришь, и потому прошу тебя: за это получишь отъ меня отдѣльно на водку—понимаешь?

— Я, то-исть, съ полнымъ... только, видите, безъ водки теперь никакъ не потрафишь, то-исть...

— Ну, хорошо, чортъ съ вами: по шкалику я подамъ вамъ: только, слышь, чтобъ сейчасъ же ѣхать... такъ и скажи, а не то поѣду къ исправнику, возьму казаковъ—худо будетъ!

— То-исть, выпьютъ только, такъ сейчасъ и поѣдутъ, то-исть, голову даю на отсѣченье...

— Ну, и прекрасно! Ты ужъ, пожалуйста, Рубцовъ, уговори ихъ: я вѣдь знаю тебя...

— Я, то-исть, всей душой...

Послали за водкой.

— А какъ же, Лука Савичъ, рюмочку бы надо выпить,—вкрадчиво заговорилъ Рубцовъ.

— А чтобъ вы издохли!—бормоталъ про себя Лука Савичъ, однако же отказать парламентеру въ рюмочкѣ не рѣшился.

— Ну, ребята, я схлопоталъ водки на дорогу,—объявилъ Рубцовъ своимъ товарищамъ, возвращаясь отъ приказчика:—только, смотрите, уговоръ пуще денегъ: выпейте, да и маршъ, а не то, ребята, дѣло будетъ дрянь: вонъ онъ за казаками хочетъ посылать... У насъ бывали эти примѣры, да ишшо перепорютъ которыхъ...

Принесли водку. Вышелъ приказчикъ.

— Становитесь въ ряды!—скомандовалъ онъ, но шумъ и гамъ не унимались. Рубцовъ съ нѣкоторыми расторопн-

ными, не очень пьяными товарищами привелъ кое-какъ въ порядокъ спившуюся толпу.

Лука Савичъ съ помощью волостного начальника и десятскихъ началъ перекличку и подачу водки. Нѣсколько человѣкъ оказались неспособными получить эту напутственную порцію, потому что наполучались уже ранѣе, и безгласные и бездыханные лежали на саняхъ.

Рабочіе всѣ оказались на-лицо, за исключеніемъ тѣхъ, которые не могли явиться по болѣзни, какъ удостовѣряла волость.

Подача водки кончилась.

— Ну, ребята, на сани и съ Богомъ!

— На сани! на сани!—командовалъ Рубцовъ и силой валилъ на сани охмѣлѣвшихъ товарищей.

Встрѣтилась необходимость нѣкоторыхъ черезчуръ пьяныхъ пріискателей привязать къ санямъ веревками, что для предосторожности и было немедленно сдѣлано.

Матери и жены рабочихъ пришли изъ близкихъ деревень проводить своихъ кормильцевъ и, глядя на нихъ, плакали.

Не одинъ Лучковъ былъ такой горемыка, оставившій семью безъ хлѣба—много было подобныхъ ему. И всѣхъ ихъ гнала на пріиски неминучая нужда, изъ лапъ которой они вырывались и попадали въ болѣе сильныя и жесткія лапы „вольно-каторжной работы“.

— Трогай!—крикнули переднему ямщику.

— Прощай!—сказалъ Лучковъ своей бабѣ.

— Прощай!—сказала баба и, бросивъ долгій взглядъ на уѣзжающаго мужа, неспѣшно пошла домой.

Подстоявшіяся и продрогнувшія лошади быстро помчались по селу, поднимая снѣжную пыль.

V.

„Ку-ку! ку-ку! ку-ку!“

Въ началѣ мая въ тайгѣ лежитъ еще снѣгъ, и только въ концѣ этого мѣсяца начинается весеннее пробужденіе природы. Въ тайгѣ весна наступаетъ очень быстро. Пригрѣетъ солнце, повѣетъ теплый весенній вѣтерокъ, и снѣгъ замѣтно для глазъ начинаетъ таять. Горные потоки съ шумомъ и грохотомъ несутся по склонамъ каменистыхъ горъ и, низвергаясь водопадами въ таёжныя рѣчки, клубами взбиваютъ бѣлоснѣжную пѣну. Таёжныя рѣчки весной становятся столь грозными, что всякую переправу чрезъ нихъ дѣлаютъ невозможною. Съ ужаснымъ шумомъ несутся онѣ между горами и увлекаютъ въ своемъ теченіи громадные камни и свалившіяся съ береговъ деревья, и шумъ этотъ далеко раздается въ глухой тайгѣ, особенно по вечерней и утренней зарѣ, сливаясь въ какой-то неопредѣленый гулъ...

Былъ тихій и теплый весенній день въ концѣ мая. Человѣкъ двадцать рабочихъ, въ числѣ которыхъ былъ Александръ Голубевъ и поселенецъ Григорій Стручковъ, рыли водоотводную канаву, подъ командою стараго пріисковаго служаки Ивана Ильича Подлубнаго.

Иванъ Ильичъ, въ кожаномъ пальто и такой же фуражкѣ, молча сидѣлъ на камнѣ и курилъ свою вѣчно ды-

мящуюся коротенькую трубочку. Онъ съ знаніемъ и любовью къ дѣлу слѣдилъ за работой. Рабочіе были веселы и шутили. Иванъ Ильичъ, по своему природному добродушію, перекидывался иногда съ ними шутками и терпѣливо слушалъ ихъ подчасъ очень сальные каламбуры. Вдругъ въ ближнемъ ельникѣ, недалеко отъ работавшихъ, раздалось унылое, однообразное: „ку-ку! ку-ку!“

— О, будь ты проклята, анаѳема! —вскричалъ Иванъ Ильичъ и какъ ужаленный змѣей вскочилъ съ камня. Онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ по направленію къ куковавшей птицѣ. Рабочіе подняли головы и нѣкоторые захохотали.

— Што это вы, Иванъ Ильичъ? — спросилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Ты развѣ оглохъ, не слышишь? Проклятая птица запѣла,—чтобъ ей камнемъ подавиться!

— Это енаралъ Кокушкинъ нашего брата приглашаетъ,—засмѣялся Стручковъ и значительно взглянулъ на Александра Голубева. Старый служака Подлубный поймалъ этотъ мимолетный взглядъ и, грозя пальцемъ Стручкову, строго сказалъ:

— Смотри, Стручковъ, если бѣжать—берегись! Тыто, чортъ съ тобой, бѣги, тебя не удержишь, да хоть молодыхъ-то не сбивай съ ума...

— Помилуйте, Иванъ Ильичъ, зачѣмъ же мнѣ бѣжать? вѣдь я не въ заборѣ... слава Богу... Нѣтъ, нынѣ я честно отработаю лѣто, вотъ увидите...

„Ку-ку, ку-ку, ку-ку!“ —раздалось въ другомъ мѣстѣ.

— Енаралъ Кукушкинъ, енаралъ Кукушкинъ!—раздавалось между рабочими.

— Ишь вѣдь она.. штобъ ей подавиться! Не болѣлъ, видно, у ней зобъ-то, у проклятой, распѣлась!...—набивая трубку свѣжимъ табакомъ, бранился Иванъ Ильичъ, и опять усѣлся на камень.

— Всякая птица отъ Господа Бога, Иванъ Ильичъ, — заговорилъ какой-то старый рабочій:—грѣшно такъ-то ей намаливать!

— Нѣтъ, эта птица отъ чорта,—глубокомысленно опровергалъ доводы рабочаго Иванъ Ильичъ:—а потому она отъ чорта, што какъ запоетъ, такъ вы и тягу задаете съ пріисковъ, негодяи! Двадцать лѣтъ я служу въ тайгѣ, а каждый годъ все одно и то же: какъ принесетъ чортъ эту проклятую птицу, такъ завтра же и недочетъ. А нынѣ, ты думаешь, не побѣгутъ? Какъ же! Я безъ бобовъ знаю, што Стручковъ убѣжитъ, ему не въ первой, да и уведетъ еще кого-нибудь... Чего добраго, Голубенокъ улетитъ съ нимъ! Я видѣлъ, какъ они переглянулись, когда запѣла проклятая птица... Ну, да покараулимъ на всякій случай... Поймаемъ, такъ не прогнѣвайся!..

— Эй вы, трубачи, принимайтесь за лопаты! Кури, да и работай, а то што за трубку, то и отдыхъ... Какъ худая лошадь... Эй ты, рыжая борода, заговаривай зубы-то! Вотъ я тебѣ накладу въ ранецъ-то! — потрясая въ воздухѣ палкой, кричалъ Иванъ Ильичъ на зазѣвавшагося рабочаго.

Вообще съ крикомъ кукушки мирное настроеніе духа

Ивана Ильича пропало. Онъ, по природѣ добрый, снисходительный, даже гуманный,—что̀ величайшая рѣдкость между пріисковыми служащими, теперь враждебно смотрѣлъ на ввѣренную ему партію. „Што ихъ, негодяевъ, жалѣть!—думалъ Иванъ Ильичъ:—вѣдь убѣгутъ, непремѣнно убѣгутъ... Пусть же работаютъ безъ отдыха, чортъ съ ними, што ихъ жалѣть!“

— Вы поскорѣе руками-то шевелите, лодари! Только бы день провести... Вода одолѣваетъ въ разрѣзѣ, а они шевелятся—не шевелятся. Только бѣжать норовите, подлецы!.. Нѣтъ, васъ на ночь замыкать будемъ, вотъ што! Попробуйте-ка тогда!..

На рабочихъ крикъ кукушки произвелъ сильное впечатлѣніе: они словно присмирѣли, не говорили, не смѣялись и копались молча въ сырой, липкой глинѣ. У каждаго невольно вертѣлась въ головѣ мысль о побѣгѣ. Нѣкоторые съ упорствомъ гнали прочь эту назойливую, безпокойную мысль, но другіе, какъ Стручковъ и Голубевъ, лелѣяли ее, и сердце ихъ затрепетало и страхомъ, и радостью, что наконецъ-то „енаралъ Кукушкинъ подалъ свой голосъ и призываетъ въ походъ.

— Надо сказать управляющему, штобъ караулъ назначилъ построже, а то полкоманды разбѣжится,—думалъ Иванъ Ильичъ:—а какъ ихъ удержишь? Хоть карауль—не карауль, время такое пришло, ничего не подѣлаешь...

Грустно опустивъ голову и не вынимая изо рта давно погасшей трубочки, сидѣлъ и раздумывалъ Иванъ Ильичъ.

„А и то опять: если судить по человѣчеству, наѣздится эта мать сыра-земля на ихъ плечахъ-то... Тутъ сидишь

только да смотришь, и то одурь береть, а ну-ка съ утра-то да до ночи почертомель этакъ-то всякій день—небось, задумаешь и отдохнуть на вольномъ свѣтѣ“...

Опасенія добраго Ивана Ильича были дѣйствительно основательны. Въ тайгѣ на пріискахъ, какъ и въ рудникахъ на каторгѣ, былъ заведенъ одинъ порядокъ: какъ скомандуетъ „енаралъ Кукушкинъ“ своимъ унылымъ голосомъ „ку-ку!“—такъ всѣ жаждущіе свободы съ нетерпѣніемъ выжидаютъ первый удобный случай къ побѣгу. Ни усиленный караулъ, ни неусыпный надзоръ пріисковой администраціи, ничто не удержитъ отъ побѣга рѣшившагося на это рабочаго, какъ ничто не удержитъ того же рабочаго напиться водки, когда появятся близъ пріиска спиртоносы. Въ этихъ двухъ случаяхъ рабочіе рѣшаются рисковать и жертвовать всѣмъ.

Пробилъ вечерній звонокъ, возвѣщающій окончаніе работъ. Иванъ Ильичъ задумчиво и медленно брелъ къ дому управляющаго, Николая Александровича Скворецкаго, отставного кавалерійскаго офицера. Скворецкій носилъ только имя управляющаго, но въ дѣлѣ управленія пріисками не понималъ ровно ничего. Всѣ его занятія ограничивались ѣздой верхомъ съ одного пріиска на другой, любезничаньемъ съ женами служащихъ, ухаживаньемъ за дочерями тѣхъ же служащихъ и игрою въ карты съ приличными возліяніями. Дѣло велось старыми служаками, хорошо знакомыми съ механизмомъ пріисковыхъ работъ. Скворецкій занималъ этотъ постъ по праву товарищества по военной службѣ съ богачемъ хозяиномъ, проживающимъ то въ Петербургѣ, то за границей. Въ сибирскую

глушь Скворецкаго загнали весьма разстроенныя финансовыя обстоятельства и громадные долги.

— Дома Николай Александровичъ?—спросилъ у лакея Иванъ Ильичъ, входя въ домъ Скворецкаго.

— Дома.

Иванъ Ильичъ вошелъ.

— А! любезнѣйшій Иванъ Ильичъ! — весело и развязно заговорилъ Скворецкій: — милости просимъ, садитесь, пожалуйста... Алексѣй, подай стаканъ чаю! Прошу васъ, садитесь—вмѣстѣ будемъ чай пить... Ну, что, какъ наши работы? Отлично, не правда ли? а? Богатство у насъ? а?

— Да, на первый разъ — слава Богу, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Я радъ. Буду писать хозяину, что дѣло у насъ прекрасное.

— Конецъ дѣло краситъ, Николай Александровичъ.

— О! дурно не можетъ кончиться: розсыпи, какъ видно, богатыя; посмотрите, какія каждый день великолѣпныя съемки золота!

— Я къ вамъ по дѣлу, Николай Александровичъ, вы ужъ извините меня...

— Сдѣлайте милость, сдѣлайте милость, что такое?

— Я двадцать лѣтъ служу въ тайгѣ, знаю все... Теперь, видите ли, весна, воды проходятъ... проклятая птица тоже прилетѣла...

— Что такое, что такое? Какая это птица?

— Видите, въ чемъ дѣло, Николай Александровичъ, рабочіе въ это время каждый годъ дѣлаютъ побѣги...

такъ я васъ хотѣлъ предупредить: вы ихнихъ порядковъ не знаете. Вотъ какъ закричитъ кукушка, ну, и прощай тогда: словно кто ихъ палкой погонитъ съ пріисковъ!

— А! я этого не зналъ. Но скажите, пожалуйста, что за причина бѣгства?

— А такъ-съ, безъ всякой причины, неохота работать и бѣгутъ.

— Но помилуйте, какъ же это неохота?

— Очень просто-съ, соберутся да и маршъ...

— Что же нужно дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Я объ этомъ хотѣлъ только предупредить васъ, Николай Александровичъ, а ужъ какъ и што дѣлать...

— Да, вещь скверная!.. Но, можетъ быть, Иванъ Ильичъ, дѣлались и дѣлаются побѣги тамъ, гдѣ народъ слишкомъ обременяютъ работой, гдѣ люди терпятъ недостатки во всемъ, а у насъ все это, кажется, устранено... съ чего бѣжать? Я, право, не знаю!..

— Это, Николай Александровичъ, дѣло неизбѣжное, только бы не въ большомъ количествѣ, а пять-шесть человѣкъ—это еще не бѣда!

— А! такъ это вещь неизбѣжная, говорите вы?

— Да, вещь неизбѣжная... Вы, при раскомандировкѣ, сами сказали бы што-нибудь командѣ насчетъ побѣговъ... постращали бы... можетъ быть...

— Хорошо, хорошо, я завтра самъ буду при раскомандировкѣ. Пообѣщаю имъ двойную порцію водки; въ противномъ случаѣ совершенно лишу ихъ порцій и буду строго взыскивать... Такъ? не правда ли? а?

— Совершенно вѣрно, Николай Александровичъ.

И Николай Александровичъ, довольный своими соображеніями, покрýчивая усы, началъ насвистывать какой-то романсъ и быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Иванъ Ильичъ всталъ, собираясь уходить.

— Что же вы, добрѣйшій Иванъ Ильичъ! посидите! Вотъ выпьемъ по рюмочкѣ—съ трудовъ слѣдуетъ! Ахъ, какая скука у васъ здѣсь, на пріискахъ! Все это тайга, тайга и тайга!... Я, живя въ Петербургѣ, имѣлъ совершенно другое мнѣніе о пріисковой жизни... Это просто какая-то могила!... Эй, Алексѣй, подай водку и закуску!

— Какъ для кого, Николай Александровичъ, а для меня такъ тайга самое прекрасное мѣсто. Я въ двадцать лѣтъ такъ, знаете, привыкъ къ таёжной жизни, что меня и не тянéтъ въ жилое мѣсто.

— Это дѣло привычки, съ этимъ я совершенно согласенъ!

Подали водку.

— Иванъ Ильичъ, пожалуйте!

— Благодарю васъ покорно.

— Помилуйте, я съ вами выпью... Мнѣ сегодня предстоитъ маленькое путешествіе: хочу съѣздить на Благовѣщенскій, къ Собакинымъ... Представьте, я еще не былъ у нихъ ни разу: это съ моей стороны невѣжливо... Хорошее, говорятъ, семейство. Вы знаете ихъ?

— Какъ же, сколько лѣтъ знакомы, прежде пріятелями были...

— Большое семейство этихъ Собакиныхъ?

— Самъ-пятъ: двѣ дѣвушки и мальчикъ, жена...

— Большія дѣти?

— Старшей-то дѣвушкѣ годовъ девятнадцать есть, а другой—годовъ семнадцать, мальчикъ лѣтъ десяти, што-ли, будетъ.

— Гм!—самодовольно мыкнулъ управляющій.

Иванъ Ильичъ изъ-подъ бровей посмотрѣлъ на него и подумалъ: „Теперь будетъ новое мѣсто, куда тебѣ рыскать, беззаботная ты головушка!“...

— Алексѣй, прикажи Ванѣ осѣдлать для меня „Жигана“. Для себя тоже пусть приготовитъ лошадь, онъ поѣдетъ со мной...

— Поторопиться надо вамъ: вечеръ на дворѣ,—замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Это для насъ съ Иваномъ ничего не значитъ, мы никого не трусимъ... А сколько тутъ верстъ?

— Кто ихъ знаетъ, полагаютъ—пятнадцать, а точно не знаю.

— Ну, что жъ, два часа ѣзды...

— Итакъ, счастливаго путешествія желаю вамъ,—не безъ иронiи говорилъ Иванъ Ильичъ, раскланиваясь съ управляющимъ.

— Благодарю васъ, любезнѣйшій Иванъ Ильичъ, что вы предупредили меня относительно побѣговъ; постараюсь принять всѣ мѣры... Кстати я и съ Собакинымъ поговорю объ этомъ дѣлѣ: умъ, знаете, хорошо, а два лучше.

Скворецкій любезно прощался съ Иваномъ Ильичемъ, и еще любезнѣе пожималъ своею почти дамскою рукою широкую и жесткую руку стараго служаки.

„Не будетъ изъ него никакого толку!“ — думалъ Иванъ Ильичъ, уходя отъ Скворецкаго.

Къ крыльцу дома управляющаго подвелъ двухъ осѣдланныхъ лошадей рыжій дѣтина, аршинъ трехъ ростомъ, въ бѣломъ армякѣ, полы котораго были заткнуты за опояску. На головѣ его была замасленная шляпа, которая въ видѣ лодки лежала на кудрявыхъ рыжихъ волосахъ конюха. Этого Геркулеса Николай Александровичъ называлъ уменьшительнымъ именемъ „Ваня“.

Иванъ Вѣтровъ былъ крестьянинъ изъ дальней губерніи и уже нѣсколько лѣтъ служилъ на пріискахъ конюхомъ. По природѣ ли, или отъ постояннаго обращенія съ лошадьми, онъ и самъ какъ-то оскотообразился. Грубъ онъ былъ до омерзѣнія и, обладая страшной физической силой, презрительно и свысока смотрѣлъ на всѣхъ. Свою громадную силу онъ не разъ доказывалъ въ единоборствѣ съ медвѣдями, которыхъ въ лѣтнее время, на пріисковыхъ дорогахъ, ведущихъ въ жилое мѣсто, встрѣтить не рѣдкость. Такой человѣкъ, какъ Вѣтровъ, былъ дорогъ для нѣкоторыхъ пріисковыхъ операцій, какъ, напримѣръ, для провоза чрезъ тайгу корреспонденціи, усмиренія буйныхъ рабочихъ, преслѣдованія спиртоносовъ и бѣглыхъ, для укрощенія дикихъ и непокорныхъ лошадей, сопровожденія управляющаго въ его путешествіяхъ по сосѣднимъ пріискамъ и т. п. Однимъ словомъ, Вѣтровъ былъ кровный сибирскій пріисковой конюхъ, такъ сказать, прототипъ всѣхъ конюховъ.

Впослѣдствіи, замѣтимъ мимоходомъ, слѣпая фортуна сдѣлала Вѣтрова своимъ любимцемъ: онъ сдѣлался облада-

телемъ двадцати тысячъ капитала и хорошенькой барышни, дочери золотопромышленника Григорьева. Эта метаморфоза въ жизни Вѣтрова случилась слѣдующимъ образомъ: онъ нанялся конюхомъ въ компанію Григорьева и, какъ вездѣ, сразу выдвинулся изъ ряда своихъ товарищей и своей силищей, и безшабашнымъ конюховскимъ ухарствомъ. Дочка Григорьева бывала иногда свидѣтельницей подвиговъ Вѣтрова, когда онъ расправлялся съ слабосильными, но буйными рабочими, какъ подъ ударами его плети падали на землю и визжали бѣдныя лошади, видѣла, какъ онъ однажды убилъ наповалъ лошадь, ударивъ ее по мордѣ кулакомъ за то, что она не хотѣла везти громадное лиственичное дерево. Этими подвигами Вѣтровъ обратилъ на себя милостивое вниманіе хозяйской дочери. Однажды вблизи пріиска поймали молодого медвѣдя и привели къ Григорьеву. Отецъ подарилъ звѣря дочери. Дочь поручила его попеченіямъ и надзору Вѣтрова, съ которымъ она каждый день ходила любоваться звѣремъ, кормить его, поить водкой и дразнить. Кромѣ удовольствія забавляться медвѣдемъ, молодая дѣвушка испытывала другое, болѣе сладкое удовольствіе — быть одинъ-на-одинъ съ своимъ рыжекудрымъ кавалеромъ, съ которымъ отношенія ея дошли до слишкомъ большой интимности... Отецъ узналъ о поведеніи дочери, но дѣло поправить было уже поздно. Вѣтровъ былъ незамѣнимъ для молодой хозяйки. Отецъ ея, бывшій помѣщикъ, и самъ женившійся на дочери свинопаса, махнулъ рукой на связь дочери съ конюхомъ и, отсчитавъ ей назначенныя въ приданое двадцать тысячъ, просилъ убираться куда знаетъ. Поблагодаривъ ро-

дителя за оказанную милость, она съ Вѣтровымъ уѣхала въ Цюрихъ...

Николай Александровичъ появился на крыльцѣ въ щегольскомъ драповомъ пальто коричневаго цвѣта, въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ и пунсовомъ шарфѣ.

— Ну, Ваня, ѣдемъ!—обратился онъ къ своему любимцу.

— Слушаю-съ!—лаконически отвѣтилъ конюхъ, подводя Николаю Александровичу прекрасную вороную лошадь.

— Какъ твое здоровье, милый Жиганъ?—говорилъ Николай Александровичъ, дотрогиваясь концами пальцевъ до красивой морды Жигана. И, взявъ поводья, онъ съ ловкостью кавалериста вскочилъ на сѣдло и, приподнявшись на стременахъ, поправилъ свой туалетъ.

Съ неменьшею ловкостью и конюхъ вспрыгнулъ на красивую и очень плотно сложенную бурую лошадь, которая въ первый моментъ немного погнулась подъ тяжестью наѣздника.

— Куда изволите ѣхать, баринъ?—спросилъ небрежно конюхъ и кожаной перчаткой надвинулъ шляпу на одно ухо.

— Къ Собакинымъ.

— На Благовѣщенскій?

— Да.

— Сюда, значитъ, — указалъ Иванъ концомъ коротенькой нагайки на отлично убитую эфелемъ дорогу.

Николай Александровичъ взмахнулъ хлыстомъ, и прекрасный Жиганъ, во весь галопъ, помчалъ его по твер-

дой дорогѣ, щелкая о камни стальными подковами. За нимъ мчался конюхъ.

Вечеръ былъ тихій, теплый; солнце уже скрылось за гребнями громадныхъ, покрытыхъ лѣсомъ горъ, и черныя пирамидальныя сосны рѣзкими контурами рисовались на нѣжномъ розовомъ фонѣ догорающей зари. Въ воздухѣ разлитъ былъ ароматъ смолистыхъ растеній—сосны, ели и можжевельника. Изъ тайги доносились какіе-то едва внятные голоса не то звѣрей, не то птицъ. Вотъ надъ самымъ пріискомъ пронеслась вереница гусей, отыскивая ночлегъ на какомъ-нибудь, можетъ быть, еще невиданномъ человѣческими глазами озерѣ въ непроходимой тайгѣ, или гдѣ-нибудь на широкомъ плесѣ знакомой имъ таёжной рѣчки.

Иванъ Ильичъ сидѣлъ у окна и наслаждался тишиною и теплотою вечера, покуривая свою вѣчную трубочку. Мимо его оконъ пронеслись всадники — управляющій и его конюхъ. Иванъ Ильичъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и пробормоталъ про себя: „вонъ, отправился на промыселъ!“ — „А вѣдь усилить караулъ не сдѣлалъ распоряженія!—мысленно уже продолжалъ онъ:—я напередъ знаю, што не сдѣлалъ... У него не то на умѣ—не хозяйская польза, а Собакины дѣвчонки... Увидитъ ихъ, такъ будетъ рыскать туда каждый день, а тутъ все хоть огнемъ гори. Э-эхъ-ма! туда же лѣзутъ на управленіе!.. Ну, да не наше дѣло!“ — И Иванъ Ильичъ злобно плюнулъ за окно.

Въ казармахъ рабочихъ раздавалось пѣніе.

Какъ бы ни были утомлены рабочіе дневнымъ трудомъ, но пѣть всегда будутъ, и найдутся даже охотники цѣлую ночь, до утренней раскомандировки, играть въ карты гдѣ-нибудь въ углу, подъ нарами, въ силу русской пословицы: охоту тѣшить, не бѣда платить!..

Въ смрадной и темной казармѣ человѣкъ шесть рабочихъ сидѣли кругомъ одной свѣчи и занимались своими собственными дѣлами: кто чинилъ обувь, кто одежду; прочіе лежали на нарахъ, курили, спали или думали думу объ оставленныхъ ими семействахъ.

— Ну, ребята, енаралъ Кукушкинъ подалъ голосъ въ походъ собираться, — началъ рабочій, лежавшій гдѣ-то на нарахъ.

— Соберутся кому надо,—отозвался ему кто-то съ верхняго этажа наръ.

— А самое, братцы мои, паскудное дѣло этотъ побѣгъ,—заговорилъ третій тоже въ верхнемъ этажѣ.

Александръ Голубевъ чутко навострилъ ухо.

— А чѣмъ оно паскудное? Прогулка, значитъ...

— Нехай чортъ прогуливатся по этой трушшобинѣ!.. Я, братъ, дважды пробовалъ, да и заклятую положилъ...

— А што такъ? али больно вздули? Это ишшо не велика бѣда—на спинѣ-то не рѣпу сѣять, а на бокахъ-то не рѣдьку садить!

— Первой разъ, точно, вздули такъ, што безъ памяти въ больницу сволокли — мѣсяцъ, слышь ты, вылежалъ... А вдругорядь самъ доброй волей воротился; чуть-чуть, братецъ ты мой, медвѣдь не задралъ меня. Видно, родительскимъ благословеньемъ только и спасся.

— Но!

— Вотъ до завтра не дожить, правда. Залаверилъ онъ меня верстахъ въ пяти отъ пріиска. Наткнулся, слышь ты, на него на самого—въ травѣ лежалъ... Што, думаю, видно, смерть моя неминучая пришла. Стою ни живъ, ни мертвъ, стою и прощаюсь съ бѣлымъ свѣтомъ, со всѣмъ родомъ-племенемъ. Онъ сталъ на дыбы, плюетъ на меня... Господи, думаю, заклятую Тебѣ даю: никогда не бѣгать больше, только на этотъ разъ избавь меня отъ этого чудовища!.. А онъ стоитъ на дыбахъ, реветъ, индо весь лѣсъ стонетъ. Вотъ, думаю, кабы услыхали на пріиски этотъ ревъ да прибѣжали, ну, точно, спасся бы, да, нѣтъ, думаю, кому тутъ бѣжать! Мало ли когда слышишь, што реветъ, а реви—чортъ тебя дери!.. Знаю, што оборотиться да бѣжать—бѣда! Дай, думаю, взадъ-пятки буду подвигаться, все же хоть на одинъ шагъ да ближе къ людямъ. Я подвигаюсь потихонько, и онъ, проклятый, подходитъ ко мнѣ. Кабы ты такъ-то шелъ, проклятая сила, такъ я все же, рано ли, поздно ли, доташшился бы какъ-нибудь до пріиска...

— Да, доташшился бы! ловокъ больно!

— Шелъ онъ этакъ за мной далеконько, вдругъ за нимъ какъ завоетъ кто-то въ два голоса, у меня, братецъ ты мой, со страху вши въ головѣ умерли, а онъ какъ фыркнетъ да ударится отъ меня назадъ!.. Што это, думаю, такое? Смотрю — на пригорочкѣ два медвѣженка сидятъ да и воютъ: вишь, матку-то потеряли и учали выть... Она бросила меня, да къ нимъ, а я въ другую сторону, давай Богъ ноги, бѣгу да оглядываюсь—не бѣ-

житъ ли. Такъ-таки и добѣжалъ до пріиска. Какъ добѣжалъ, такъ и грохнулъ на землю; ноги у меня отнялись и языкъ отнялся. Подошли наши ребята, спрашиваютъ: „Што ты, Бѣлоусовъ? али нездоровъ?“ —Умираю, братцы! — промычалъ я кой-какъ. Меня въ больницу. Фершелъ посмотрѣлъ и говоритъ: „у него лихорадка“. Да она меня цѣлыхъ восемь недѣлечекъ качала!.. Вотъ оно, побѣгъ-то!.. Давай ты мнѣ теперь тысячу рублевъ и скажи: ступай, молъ, Бѣлоусовъ въ побѣгъ—не пойду!..

— А здѣсь Ванька рыжій хуже всякаго твоего медвѣдя, какъ поймаетъ бѣглаго...

— Какъ такъ?

— А вотъ въ прошломъ году, я былъ здѣсь же, былъ у насъ рабочій, изъ дворянъ, надо быть, такой щедушный, работать вовсе не могъ. Драли, драли его, ничего не подѣлали—все хуже: зачѣмъ не плачетъ сердечный. Ну, и задумалъ также бѣжать, а куда такому ледящему? ни мѣстовъ, ни дорогъ, ничего не зналъ—такъ убѣжалъ, зря...

— Человѣкъ смерти искалъ!..—объяснилъ кто-то изъ темнаго угла.

— Бросились за нимъ въ погоню казаки, конюхи, Ванька рыжій... А была роса. Ванька-то и наткнись на слѣдъ—живо догналъ. Налетѣлъ, знаешь ты, на него, сгребъ его за волосы, заворотилъ коня да назадъ, на пріиски, и до самыхъ, какъ есть, казармъ волочилъ его все за волосы. Одежонку всю придралъ на немъ о сучья да о пни; кожа на немъ такъ, слышь, лоскутьями и виситъ; рожу всю исцарапалъ — незнатко, што человѣкъ

есть. Приволокъ его къ казармѣ, соскочилъ съ коня, приподнялъ его бѣднягу, да какъ брякнетъ объ землю: „на-те, говоритъ, вамъ его, подлеца“. А онъ миляга только „ой!“... говоритъ... Баринъ, што до этого былъ, посмотрѣлъ на него, смилосердился: велѣлъ дать ему только пятьдесятъ нагаекъ да отвести въ больницу...

— Пятьдесятъ—и то ладно!..

— Ладно! А двѣ-три сотни не хошь?

— Што же, оклемалъ?

— Како оклемалъ! Все лѣто въ больницѣ лежалъ, къ разсчету кончился.

Этотъ разсказъ болѣзненно отозвался въ сердцахъ рабочихъ. Каждый о чемъ-то вздохнулъ и задумался.

— А мало ли съ голоду мреть нашего брата въ этихъ бѣгахъ! — сказалъ кто-то послѣ долгаго молчанія.

— Извѣстно дѣло, заблудится человѣкъ, али нездоровъ доспѣется, ну, и пропалъ!..

— А Ванькѣ рыжему управляющій бутылку водки далъ,—добавилъ разсказывавшій о Ванькѣ.

У Александра Голубева духъ захватывало отъ этихъ разсказовъ. Онъ, Александръ Голубевъ, слывшій молодцомъ въ своей деревнѣ, чувствовалъ, что у него не хватитъ силъ вступить въ непривычную борьбу съ такими страшными обстоятельствами. Ему, видѣвшему дома только ровную, какъ скатерть, степь, лишенную всѣхъ лѣсныхъ ужасовъ, дѣлалось невыносимо жутко среди окружающей его незнакомой природы, съ громадными, покрытыми снѣгомъ горами, небо закрывающими лѣсами, непроходимыми болотами, обрывами, бурными рѣками, медвѣдями,

голодною смертью въ глухой тайгѣ и возможностью попасть въ руки Ваньки рыжаго.

— Нѣтъ,—думалъ онъ!—подь онъ къ чорту, этотъ Стручковъ! Пусть одинъ идетъ, коли надо, а я не пойду—наплевать!.. Лѣто какъ-нибудь отмаюсь, а больше шабашъ ходить!..

Смолкло все въ казармѣ, только раздавалось храпѣніе спящихъ да порой протяжный стонъ вырвется у кого-нибудь со сна при ощущеніи боли въ изломанныхъ трудомъ костяхъ и надорванныхъ работой членахъ. Александръ не спалъ всю ночь и все ворочался съ боку на бокъ. Ему мерещилось все что-то страшное: то медвѣдь нагоняетъ его въ глуши непроходимаго лѣса, то гонится за нимъ Ванька рыжій и кричитъ ему вслѣдъ: „стой, подлецъ! не уйдешь!“... то кажется, что онъ оборвался съ утеса и несется куда-то въ пропасть стремглавъ, и ломаются его руки и ноги объ уступы скалы. Вотъ онъ несется, наконецъ, внизъ головой, но при этомъ вдругъ пробуждается и, вскочивъ съ наръ, боязливо осматривается. Но въ темной казармѣ слышится только тяжелое дыханіе и протяжные, болѣзненные стоны...

День за днемъ проходилъ въ однообразной, тяжкой работѣ, надрывающей на всю жизнь человѣческія силы... Таёжная природа вполнѣ расцвѣла, и роскошь формъ и цвѣтовъ могла съ превосходствомъ соперничать съ произведеніями растительнаго царства сибирскихъ степей. Таёжныя рѣчки прогремѣли и теперь едва-едва перебирались съ камня на камень по каменистому дну. Въ глубокихъ плесахъ этихъ рѣчекъ весело плещется и

играетъ стадо харюзовъ, да порой всплеснется таймень... Не поддается осторожный харюзъ человѣческой ловушкѣ и рѣдко соблазняется лакомой приманкой, но онъ не замѣчаетъ, какъ изъ-за ствола принесенной откуда-то вешними водами и брошенной на берегу сосны зорко слѣдитъ за нимъ пара зеленыхъ глазъ лакомой до рыбы выдры. Вотъ она цѣлый часъ выжидаетъ удобной минуты прыгнуть въ воду и, предвкушая сладость обѣда, облизываетъ свое тупое рыльце... Еще, еще поближе къ берегу, осторожный харюзъ!... Прыгъ! И выдра скрылась въ рѣкѣ. Какъ молнія сверкнули чешуей испуганныя рыбки, но для одной изъ нихъ пробилъ роковой часъ: нѣсколько саженъ ниже по теченію выходитъ на берегъ выдра и несетъ въ зубахъ еще живого красавца харюза. Онъ машетъ въ воздухѣ хвостомъ и бьетъ имъ по рыльцу выдры, стараясь высвободиться изъ острыхъ зубовъ, но напрасно! Расположившись въ густой травѣ, она съ аппетитомъ принимается за обѣдъ...

VI.

Побѣгъ.

Ночь. Небо покрылось темными, непроницаемыми облаками; съ запада надвигалась черная, грозная туча, озаряемая порой огненнымъ отблескомъ далекой молніи; слышны были глухіе, словно подземные, раскаты грома. Было совершенно тихо, и какая-то удушливая теплота разливалась въ воздухѣ. Все предвѣщало близость грозы.

Гдѣ-то вдали, въ лѣсу, заухалъ филинъ свою нескладную, однообразную пѣсню; раздался крикъ какой-то птицы...

Вдали отъ казармъ, на огромномъ камнѣ сидѣлъ рабочій; онъ неподвижно смотрѣлъ на приближающуюся черную тучу и чутко вслушивался въ ночные звуки и въ далекіе перекаты грома. Это былъ Андрей Хворостовъ. Невыносимо тяжело было у него на сердцѣ. Какъ темная туча, въ которую онъ такъ упорно всматривался, лежало на его душѣ какое-то мрачное предчувствіе чего-то страшнаго. Душно было ему въ казармѣ, и, несмотря на дневной трудъ, онъ не могъ сомкнуть глазъ и вышелъ на вольный воздухъ...

Думалъ онъ о своей молодой, далеко оставленной женѣ. О, какъ ему хотѣлось быть теперь въ своей бѣдной хатѣ, быть ближе къ милымъ его сердцу, посмотрѣть на мать-старуху, на жену: что-то онѣ дѣлаютъ, какъ живутъ безъ него, вспоминаютъ ли его?.. Но далеко онѣ — тамъ, за этой грозной тучей... И думаетъ Андрей, что эта грозная туча прошла и надъ ихъ деревней, а вотъ теперь пройдетъ и надъ нимъ, но ничего не скажетъ, не повѣдаетъ грозная туча, только прогремитъ она громомъ и молніей да польетъ землю дождемъ и умчится Богъ знаетъ куда... Думаетъ онъ о своихъ заработкахъ: „Вотъ порадую жену и старуху-мать, какъ приду домой да принесу денегъ, и заживемъ мы, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ... А что, если въ ортѣ да задавитъ землей?!“... Словно страшное привидѣніе явилось ему и шепнуло эту страшную мысль. Кровь бросилась ему въ голову и на лбу выступилъ потъ: до того онъ испугался

этой страшной мысли. „Не пойду я завтра въ эту проклятую орту,—рѣшилъ Андрей:—а буду работать въ разрѣзѣ—покойнѣе будетъ... А вѣдь не всѣхъ же и давитъ въ этихъ ортахъ. Плата-то хорошая: того не заработаешь въ разрѣзѣ; да и *онъ* не дастъ загинуть—вызоветъ, коли землѣ придется рухнуть“... При воспоминаніи о *немъ* (о лѣсномъ дѣдушкѣ) дрожь пробѣжала по тѣлу Андрея: суевѣрное воображеніе живо представило образъ этого дѣдушки—выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго...

„А что, если онъ выйдетъ изъ лѣсу, да подойдетъ ко мнѣ?—думаетъ Андрей.—Страшно: пойду лучше въ казарму“. Онъ осмотрѣлся кругомъ: было темно, и со стороны тучи потянулъ сырой, легкій вѣтерокъ, вершины сосенъ глухо зашумѣли, тяжело покачиваясь изъ стороны въ сторону. Андрей хотѣлъ уже встать и идти, но невольно остановился на мѣстѣ: онъ увидѣлъ въ темнотѣ двѣ человѣческія фигуры, которыя приближались прямо къ нему.

„Это ужъ не *онъ* ли?“—блеснуло въ головѣ Андрея. Сердце сильно застучало въ его груди, и страхъ перехватилъ дыханіе. Темныя фигуры быстро приближались къ нему. Вотъ онѣ уже близко, можно разсмотрѣть ихъ—это мужики-рабочіе.

— Смотри-ка: это человѣкъ, кажись, сидитъ на камнѣ?—проговорилъ одинъ изъ подходящихъ, обращаясь къ другому.

— Человѣкъ же и есть... Какого онъ чорта тутъ дожидается?—отвѣтилъ другой:—не казакъ ли?

— А вотъ увидимъ...

И одинъ прямо подошелъ къ Андрею и наклонился къ самому лицу его, чтобъ разсмотрѣть.

— Кто это?—вполголоса спросилъ подошедшій.

— Я, Андрей Хворостовъ.

— Тѣ што тутъ сидишь, полуношная птица?

— Не спится што-то; въ казармѣ душно, пошелъ посидѣть...

Подошедшіе были—Александръ Голубевъ и поселенецъ Стручковъ.

— Это онъ мамошку ждетъ, плутъ!—смѣясь, говорилъ Стручковъ:—ну, да чортъ съ тобой, это твое дѣло... Только ты слушай теперь, Андрюха: мы направились въ походъ, да если ты скажешь кому-нибудь, что мы ушли, да если насъ поймаютъ... ну, братъ, извини! прощайся ты тогда съ бѣлымъ свѣтомъ: я тебя, братъ, спроважу—гдѣ горшки обжигаютъ. Это ты такъ и заруби у себя на носу, потому я шутить не люблю... Сшибу тебѣ съ маклака башку, и квитъ!.. Слышишь?

— А мнѣ што до васъ?—робко отвѣтилъ Андрей:—по мнѣ хоть всѣ пусть идутъ, это мое развѣ дѣло?.. Нѣтъ, я, ей-Богу, никому...

— То-то! ты такъ и знай... Помни, што тебя по осени матка будетъ дожидаться... А если тово, такъ и въ жисть не дождется...

— А если поймаютъ васъ опричь моего слова, я чѣмъ же тутъ виноватъ?..

— Тебя и винить никто не будетъ. Поймаютъ—такъ нашъ фартъ, только ты ни-ни... Послѣ хоть и ска-

жешь, такъ тебѣ же бѣда будетъ—што, скажутъ, тогда не доносилъ! Ты сегодня да завтра только помалкивай, вотъ тебѣ о чемъ говорятъ...

— Нѣтъ, я, ей-Богу, никому...

— Смотри же, не будь Іудой Христопродавцемъ! Ну, некогда съ тобой лясы-то точить; прощай, братъ; Богъ велитъ, такъ увидимся! Да ты не хошь ли съ нами—пойдемъ! Важно пожируемъ, братъ, на волѣ...

— Нѣтъ, братцы, я не пойду, какъ хочете...

— А, сѣрко ржетъ, волка видитъ!.. Ну, товарищъ, маршъ!—обратился Стручковъ къ Александру.—Прощай, Андрюха, не поминай лихомъ да помни слова мои...

И бѣглецы быстро зашагали по направленію къ горѣ, за которой разстилалось ольховое болото. Андрей грустно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и неспѣшно пошелъ въ казарму.

Въ верстѣ отъ пріиска, въ густомъ кустарникѣ, Стручковъ отыскалъ двѣ котомки, съ запасенными на дорогу сухарями, солью, чаемъ, сахаромъ и котелкомъ. Каждый взялъ свою котомку, и молча пошли одинъ за другимъ чрезъ густой кустарникъ, спотыкаясь въ темнотѣ о валежникъ и коренья. Обогнули гору и спустились къ ольховому болоту.

— Пойдемъ-ка отыскивать себѣ берлогу,—бормоталъ про себя Стручковъ:—здѣсь намъ придется пролежать дня два; иначе нельзя—поймаютъ...

Александръ ничего не отвѣчалъ и молча шелъ за товарищемъ. Онъ уже раскаивался, что рѣшился бѣжать; его такъ и подмывало вернуться назадъ, пока еще есть возможность и пока побѣгъ ихъ не обнаружился. Встрѣча

съ Андреемъ какъ-то неловко отозвалась въ его сердцѣ... „Пожалуй, чего добраго,—думалъ онъ:—Стручковъ еще убьетъ меня, коли сказать, что ворочусь... Напрасно пошелъ, напрасно!“...

Надъ болотомъ была совершенная тьма, и среди этой непроницаемой тьмы раздавались по временамъ крики лягушекъ и шумъ безчисленнаго множества ящерицъ, разбѣгавшихся изъ-подъ ногъ во всѣ стороны. Среди ночной тишины громко шумѣлъ по камнямъ горный потокъ, и высокая болотная трава шелестила отъ набѣгающаго вѣтерка, предвѣстника грозы.

— Ну, товарищъ, по кочкамъ надо перебираться,— сказалъ Стручковъ, и началъ ползкомъ перебираться съ одной кочки на другую, по направленію, заранѣе имъ выбранному и болѣе удобному. За нимъ послѣдовалъ и Александръ. Вѣтеръ крѣпчалъ; туча надвигалась, и все ближе и ближе раздавались раскаты грома. Началъ накрапывать дождь. Александръ, по непривычкѣ и неопытности, раза два обрывался съ шаткихъ кочекъ и по поясъ падалъ въ болотную грязь и при каждомъ паденіи невольно вскрикивалъ.

— Тише, чортъ!—ворчалъ Стручковъ на неосторожнаго товарища:—ты держись за траву-то крѣпче, а оборвешься, такъ пиши пропало; трясина-то не свой братъ— засосетъ какъ разъ, изъ нея—не изъ воды—не выскочишь...

Наконецъ, они доползли до громадной ели, около которой было нѣсколько возвышенное и сухое мѣсто. Тутъ остановились отдохнуть. Александръ, измокшій и покрытый грязью, растянулся въ изнеможеніи на землѣ.

— Ты переобуйся да вылей изъ бродней-то грязь— легче будетъ,—совѣтовалъ Стручковъ.

— Не могу, братъ... дай отдохнуть...

Налетѣла буря. Дикимъ звѣремъ завыла она по ущельямъ горъ; съ трескомъ повалились старыя великаны-сосны, и нагнулся до земли слабый кустарникъ. Проливной дождь зашумѣлъ въ лѣсу и понесся по болоту. Огненной лентой сверкнула молнія, грянулъ оглушительный громъ, и тысячу разъ отозвался онъ въ горныхъ ущельяхъ.

— Съ нами крестная сила!—проговорилъ Александръ и перекрестился.

Громъ безпрерывно грохоталъ, и молнія на мгновеніе освѣщала непроницаемую темноту и огненнымъ колоритомъ заливала окрестности. Черныя пирамидальныя ели обрисовывались на этомъ огненномъ фонѣ и словно привидѣнія мгновенно исчезали въ глубочайшемъ мракѣ ночи.

Страшно было Александру проводить эту грозную ночь въ этомъ дикомъ мѣстѣ, подъ открытымъ небомъ, безъ пріюта... Какъ ни плохо было въ казармѣ, но она представлялась теперь ему раемъ, въ сравненіи съ его положеніемъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, сухо, тепло, можно уснуть, а здѣсь—дождь прохлесталъ сквозь всю немудрую одежонку, бродни полны грязи, дрожь бьетъ какъ въ лихорадкѣ, вездѣ сыро, грязно, холодно и темно...

Черезъ часъ проливной дождь смѣнился тихимъ, мелкимъ дождикомъ. Гроза удалялась, все далѣе и далѣе раздавались раскаты грома, молнія изрѣдка прорѣзывала

темное небо; при моментальномъ ея блескѣ, Стручковъ старался уловить взглядомъ окрестности, чтобы опредѣлить свое положеніе въ болотѣ.

— А! теперь знаю, гдѣ мы, — проговорилъ онъ: — надо намъ теперь пробираться влѣво: тамъ въ горѣ есть щель такая, мы въ нее и забьемся; пока насъ будутъ искать, тамъ и отдохнемъ... Пойдемъ, братъ,—обратился онъ къ Александру: — а то вѣдь свѣтать скоро будетъ, какъ бы не напали на слѣдъ...

— Охъ, братъ, не могу я идти, — отвѣтилъ Александръ.

— Ну, какъ-нибудь, вѣдь недалеко... Да ты переобуйся, я тебѣ говорю, тутъ воды будетъ меньше, сухой ногой дойдемъ.

Александръ съ трудомъ стащилъ съ ногъ размокшіе бродни и вылилъ изъ голенищъ жидкую, болотную грязь, развертѣлъ мокрыя онучи, выжалъ изъ нихъ воду и снова ими же обернулъ ноги и натянулъ бродни.

— Ну, идемъ! — съ какимъ-то отчаяніемъ крикнулъ онъ и поднялся на ноги. Голова его кружилась, ноги тряслись отъ утомленія.

Пошли. Опять кочки, вода, грязь. Александръ опять зачерпнулъ полныя голенища грязи.

— Ахъ ты, жизнь моя анаѳемская!— стоналъ онъ:— и зачѣмъ родила меня мать на бѣлый свѣтъ? Пропасть бы мнѣ теперь, легче было бы, чѣмъ этакъ-то маяться.

Бродни, полные грязи, какъ чугунныя гири, болтались на его ногахъ и не давали ему свободно идти. Наконецъ, добрели они до предназначеннаго Стручковымъ

мѣста. Кочки и болото миновались, пошло ровное мѣсто, поросшее густымъ кустарникомъ.

— Слава Богу, выбрались теперь!—говорилъ Стручковъ: — вотъ и гора, какъ разъ потрафилъ... Я, братъ, тутъ ужъ бывалъ не разъ—мѣсто важное... Теперь надо намъ забраться вотъ на эту самую гору, а тамъ и жилье наше; да надо разуться, босикомъ лучше, а то никакимъ манеромъ не подымешься. Разувайся, братъ.

Сѣли, разулись, привязали бродни къ опояскамъ.

— Ну, ты за мной лѣзь, да смотри не оборвись, вишь скользко теперь, а то убиться недолго.

— Все равно, смерть, такъ смерть,—отвѣтилъ Александръ.

— Ну, Господи, благослови!—и Стручковъ началъ карабкаться почти по совершенно отвѣсной скалѣ. Александръ полѣзъ за нимъ.

Ночь была совершенно темная, и нужно было ощупью отыскивать неровности скалы и высунувшіеся изъ нея камни, чтобы держаться за нихъ руками и опираться ногами. Хотя и нельзя было ничего разсмотрѣть вокругъ себя въ двухъ шагахъ, но Александръ чувствовалъ, что съ каждымъ его движеніемъ впередъ увеличивается высота; онъ чувствовалъ, что одно неловкое движеніе стоило жизни, одна фальшивая точка опоры... и онъ стремглавъ полетитъ внизъ и разобьетъ о камни голову. Порой срывался изъ-подъ его ноги камень, и по его продолжительному паденію можно было заключить, что они поднялись уже очень высоко. Дождевые потоки неслись съ вершины скалы и мутною водой хлестали прямо въ лицо

отважныхъ бѣглецовъ и обдавали ихъ съ головы до ногъ. Отъ сильнаго напряженія руки и ноги Александра дрожали, но дать имъ отдохнуть не было никакой возможности, потому что на нихъ висѣло все его тѣло. Послѣ промчавшейся грозы было тихо, и въ этой тишинѣ слышно было только тяжелое, прерывистое дыханіе Александра и Стручкова да глухіе звуки падающихъ камней, срывавшихся изъ-подъ ихъ ногъ.

— Каковò ты тамъ лѣзешь?—высоко надъ головой Александра раздался голосъ Стручкова. Словно по веревочной лѣстницѣ поднимались они одинъ за другимъ на отвѣсную стѣну.

— Ничего...—раздалось внизу подъ Стручковымъ.

— Ты ногтями-то, ногтями-то крѣпче держись за землю...

— Ломаются ногти-то, не держатъ... я скоро оборвусь, братъ, силушки моей нѣту...

— Недалеко, товарищъ, держись какъ-нибудь, теперь ужъ не такъ круто... Вотъ этта трава пошла, хоть зубами держись за траву-то...

Доползъ и Александръ до того мѣста, гдѣ былъ Стручковъ. Скала начала склоняться и дѣлалась положе; подъ руку Александра попадались трава и кусты мелкаго шиповника, за который онъ, несмотря на боль въ рукахъ, съ радостью хватался и, собираясь съ послѣдними силами, быстро подвигался впередъ.

— Вотъ я ужъ поднялся, можно идти такъ... — говорилъ Стручковъ.

— И я поднялся, слава Богу... — отвѣтилъ Александръ.

Стручковъ шелъ впереди. Прошли ровную площадку въ нѣсколько саженъ шириною и снова наткнулись на отвѣсную скалу, въ пещеру которой и повелъ Стручковъ своего товарища. Въ пещерѣ было темно, какъ въ подземной тюрьмѣ, и вѣяло сыростью, но дно ея было сухое; дождь не проникалъ въ нее чрезъ каменные своды. Точно собственной хатѣ обрадовался Александръ этой пещерѣ, а болѣе всего тому, что въ ней было, по крайней мѣрѣ, сухо.

— Ты подожди, Александръ, не ложись; тутъ наползаетъ этого гаду несмѣтное множество, ожалятъ, проклятыя, а не то соннымъ въ ротъ понаползутъ. Я вотъ прутъ возьму да повыгоню ихъ, коли есть.—И, сломивъ прутъ, Стручковъ началъ хлестать по всей внутренности пещеры.

— Вотъ теперь и ложиться можно...

— Огня бы, Григорій, разложить, обогрѣться бы маленько да обсушиться, — сказалъ Александръ, ложась на камни.

— Огня? а чѣмъ мы добудемъ его, огня-то? Все подмокло—и спички, и трутъ. Завтра, коли будетъ солнце, такъ высушимся, а сегодня, видно, и такъ ладно.

И они оба легли, прислонясь головами къ холодной стѣнѣ пещеры.

— Ты, Александръ, поѣлъ бы сухарей съ солью; лучше согрѣешься: соль-то грѣетъ человѣка, право! Я поѣмъ...

— Ѣшь, коли хошь; я не хочу...

— Ты сними армякъ-то да одѣнься имъ съ головой да и дыши подъ нимъ, вотъ и тепло будетъ. Эхъ вы, неполированные! — И Стручковъ началъ грызть сухари, которые съ трескомъ разсыпàлись на его здоровыхъ зубахъ. Александръ послѣдовалъ совѣту товарища: положилъ котомку подъ голову и наглухо закрылся мокрымъ армякомъ. Хоть не мягка была каменная постель, но, согрѣтый собственнымъ дыханіемъ, онъ скоро заснулъ, и сладко успокоились его изнеможенные члены. Послѣ скуднаго ужина и Стручковъ, завернувшись въ армякъ, тоже заснулъ.

Солнце было высоко, когда проснулся Александръ. Онъ хотѣлъ встать, но руки, ноги и спина его до того болѣли, что, послѣ первой попытки подняться, онъ опять съ болѣзненнымъ стономъ опустился на свое жесткое ложе. Стручковъ насмѣшливо посмотрѣлъ на своего товарища. Онъ сидѣлъ у входа въ пещеру и неподвижно, задумчиво смотрѣлъ на разстилающееся подъ нимъ громадное болото.

Послѣ грозы утро было тихое, теплое; въ воздухѣ вѣяло необыкновенною свѣжестью, небо было чисто и ясно, и капли дождя, какъ крупные брилліанты, искрились цвѣтами радуги; надъ болотомъ клубился теплый паръ...

— Каковъ, товарищъ?—обратился Стручковъ къ Александру.

— Не могу, братъ! Ай, ай, ай, руки-то у меня какія: ногти-то всѣ пообломались, не можно пошевелить

пальцами-то!—говорилъ Александръ, смотря на свои израненныя руки, покрытыя толстымъ слоемъ грязи, смѣшанной съ кровью.

— Дрянь, братъ, ты, я вижу, одюгу въ тебѣ мало... Ну, да ничего, это пройдетъ; пролежимъ денекъ-то, такъ отдохнемъ...

— Хоть бы чаю напиться теперь, проварить бы въ глоткѣ...

— Поднимайся да разводи огонь—не баринъ. Прислуги-то, братъ, мы не имѣемъ,—ядовито замѣтилъ Стручковъ и повернулся къ Александру спиной. Ему не нравилась слабость Александра.

— Какъ же огонь-то разведемъ?

— Руками,—отрывисто и не оборачиваясь отрѣзалъ Стручковъ.

Александръ вздохнулъ и съ усиліемъ поднялся на ноги. Площадка, отдѣлявшая подъемъ на скалу отъ пещеры, была покрыта низкимъ, но густымъ и кудрявымъ ельникомъ, который совершенно скрывалъ бѣглецовъ отъ зоркихъ глазъ сыщиковъ. Александръ пошелъ посмотрѣть подъемъ, по которому они вчера поднимались. Взглянувъ внизъ, онъ невольно ужаснулся. Это была почти отвѣсная скала, саженъ тридцать вышиною, изрытая вешними водами; благодаря этимъ глубокимъ промоинамъ, они достигли до своего надежнаго убѣжища.

— Какъ же это мы заползли сюда?—невольно спрашивалъ себя парень:—а что, еслибъ который оборвался —смерть неминучая!

Онъ набралъ сухого хвороста и потащилъ въ пещеру.

— Околѣлъ! — сердито пробормоталъ Стручковъ: — баринъ—жить не можешь безъ чаю; пропáсть бы вамъ, этакимъ-то барамъ...

— Ты што же это ругаешься? — возвышая голосъ, заговорилъ Александръ:—не надо огня, такъ не надо, а то ворчитъ...

— Увидятъ дымъ, такъ будетъ тебѣ чай, да еще и съ сахаромъ; до новыхъ вѣниковъ не забудешь...

Александръ молча бросилъ хворостъ у входа въ пещеру и, вздохнувъ, легъ на свою жесткую постель. Долго лежалъ онъ, раздумывая о своемъ положеніи! „Не вернуться ли назадъ, на прійскъ?—думалъ онъ:—отдуюсь разъ и только, а впереди чортъ знаетъ, что будетъ“... Но мысли о наказаніи гнали прочь это намѣреніе. „Теперь ужъ насъ ищутъ, ворочаться поздно“, — порѣшилъ онъ. Стручковъ, куря трубку, угрюмо смотрѣлъ въ даль и дѣлалъ по временамъ какія-то нетерпѣливыя движенія: видно было, что его занимала какая-то одна безпокойная, но неотвязная мысль.

— Разводи огонь-то, что лежишь! Вотъ спички, высохли хорошо, — сказалъ Стручковъ, устремляя на Александра свои задумчивые глаза.

Александръ, въ свою очередь, выпрямился и молча лежалъ. Стручковъ злобно посмотрѣлъ на него, и въ холодномъ, стальномъ взглядѣ его черныхъ глазъ сверкнула словно молнія. Онъ поднялся съ своего мѣста и самъ началъ разводить огонь по серединѣ пещеры, гдѣ замѣтно было старое пепелище, оставленное, вѣроятно, такими же скитальцами, какъ наши герои. Наполнивъ котелокъ дож-

девою водой, онъ поставилъ его къ огню и началъ приготовлять чай. Огонь ярко разгорѣлся и наполнилъ пещеру пріятною теплотой. Скоро котелокъ закипѣлъ, и чай былъ готовъ.

— Садись, хлебай,—глухо сказалъ Стручковъ, обращаясь къ Александру.

Теплый напитокъ и утоленный голодъ поправили невеселое расположеніе духа товарищей.

— Завтра можно будетъ отправиться дальше, — заговорилъ Стручковъ: — сегодня поищутъ, да и бросятъ...

— Ну, такъ что жъ, завтра, такъ завтра,—отвѣтилъ Александръ.

— Намъ надо попасть теперь на старую Сорокинскую дорогу; по ней мы живо выйдемъ въ жилое мѣсто.

— Какая это Сорокинская дорога?

— А верстъ пятнадцать отсюда есть брошенный пріискъ Сорокиныхъ; завтра къ вечеру мы придемъ на него. Тамъ одинъ только караульный живетъ...

— Гм, что же онъ дѣлаетъ тамъ одинъ?

— Звѣрей промышляетъ да нашего брата—бѣглыхъ...

— Какъ такъ?

— А такъ, за всяко-просто: всадитъ пулю въ бокъ, да и здорово живешь; оберетъ всего до нитки... Сказываютъ, золото фунтами продаетъ...

— Ишь ты, дьяволъ!

— Хочу я за товарищей разсчитаться съ нимъ, собакой; недокудова бить ему нашего брата! — И глаза Стручкова сверкнули.

Въ головѣ Александра блеснула мысль: „убить хо-

четъ!“ —Онъ пересталъ ѣсть и, перекрестившись, спряталъ свою ложку и оставшіеся сухари въ котомку.

— Што мало ѣлъ?—спросилъ Стручковъ.

— Не хочу—наѣлся...

— Достанемъ мы у него золотца, — на ту же тему опять заговорилъ Стручковъ.

— Не отдастъ вѣдь онъ...

— Мы и просить не будемъ. Съ ихнимъ братомъ надо дѣло вести доброй волей, наступя на горло... — И Стручковъ насильно засмѣялся.

Александръ долго и пристально посмотрѣлъ на Стручкова.

— Што смотришь? Тебѣ впервинку это дѣло? Ничего, привыкнешь, поглянется!..

— Какія это дѣла?—спросилъ Александръ для того, чтобы Стручковъ высказался яснѣе.

— А честной-то промыселъ...

— Нѣтъ, братъ, Григорій, положимъ, што я убѣжалъ съ тобой, а дѣлами худыми я заимствоваться несогласенъ, какъ ты хошь...

— Эхъ, братъ! и мы не по волѣ начинали, да, видно, линія такая подошла, дѣлать-то ужъ теперь нечего: куда, видно, кривая ни вынесетъ: панъ, либо палъ.

Оба замолчали.

— А вотъ подожди,—началъ Стручковъ: —дай Богъ выбраться намъ въ живое мѣсто, я тебѣ такую жизнь покажу, что ты не смѣняешь ее и на дворянскую... Раздолье просто: денегъ вволю, ѣшь чего хочешь, виномъ хоть обливайся, а дѣвками да бабами хоть прудъ пруди

и все, што ни на есть, первый сортъ... Только темной ночкой и поработаешь, а днемъ какъ сыръ въ маслѣ катаешься, все съ пріятелями да съ полюбовницами...

— Кто же тебя на прійски гналъ отъ такой жизни? —спросилъ Александръ.

— Гм, кто гналъ?.. Золото гнало, за золотомъ шелъ... Вотъ у караульнаго раздобудусь, и опять къ своимъ пріятелямъ. А ты думалъ, работать шелъ? Какъ же! дурака, што ли, нашли! буду я имъ работать!..

— А гдѣ же живутъ твои пріятели? – спросилъ Александръ.

— Все будешь знать, скоро, братъ, состаришься,— отвѣтилъ Стручковъ, выплескивая изъ котелка остатокъ чаю и засовывая въ котомку ложку и сухари.

— Доведу когда, тогда узнаешь...

— Боюсь я вашихъ дѣловъ...

— Боишься!.. Вотъ завтра учиться будемъ...

По тѣлу Александра пробѣжала дрожь. Онъ чувствовалъ, что Стручковъ затѣваетъ что-то недоброе и его хочетъ сдѣлать соучастникомъ.

Дѣйствительно, Стручковъ замышлялъ убійство...

На другой день послѣ побѣга, на утренней раскомандировкѣ, Стручкова и Голубева, само собою, не оказалось на-лицо. Иванъ Ильичъ подпрыгнулъ на мѣстѣ и, хлопнувъ по бокамъ руками, крикнулъ, сколько было у него голоса:

— Ну, не говорилъ ли я, што убѣжитъ мошенникъ

Стручковъ и уведетъ Голубева? А? не говорилъ ли я этого? Нѣтъ, я зналъ... я видѣлъ... я знаю всѣхъ васъ!..

Иванъ Ильичъ не столько жалѣлъ о бѣжавшихъ, сколько былъ доволенъ своею прозорливостью и знаніемъ душъ и сердецъ рабочихъ, что блестящимъ образомъ доказалось побѣгомъ Стручкова и Голубева.

Покончивъ распредѣленіе рабочихъ по работамъ, Иванъ Ильичъ отправился снаряжать экспедицію для поимки бѣжавшихъ.

— Нѣтъ, я васъ поймаю, варвары! отъ меня не скроетесь! — ворчалъ онъ про себя, хотя и убѣжденъ былъ, что такого гуся, какъ Стручковъ, отыскать въ тайгѣ трудно.

— На лошадей! — крикнулъ онъ, отворяя „конюховскую“: — двое бѣжали... они гдѣ-нибудь близко... ловить ихъ, мошенниковъ!.. Лучшіе рабочіе!.. Стручковъ... Голубевъ!

Конюхи нехотя повиновались, и Иванъ Ильичъ замѣтилъ ихъ неторопливость:

— Што, лѣнь? Али для васъ всѐ трынъ-трава! Не ваша шея-то скрыпитъ — хозяйская! Этими побѣгами мы скоро хозяина-то по міру пустимъ!..

— Гдѣ жъ, Иванъ Ильичъ, прикажете искать ихъ, этихъ бѣглыхъ?..

— Хоть изъ-подъ земли да вытащи! Поймай и приведи вотъ на самое это мѣсто. — И Иванъ Ильичъ показалъ пальцемъ, на какое именно мѣсто привести Стручкова и Голубева.

Конюхъ неспѣшно пошелъ сѣдлать лошадь и думалъ

про себя: „Уѣхать отъ тебя хоть съ глазъ-то; буду я искать твоихъ бѣглыхъ, дожидайся!.. Поди, самъ найси, коня най, а развѣ найдешь ихъ! Хоть всѣ бѣгите — нужда намъ! Самъ и зналъ бы да и искалъ! Тутъ съ конями мучаешься-мучаешься, а онъ ишшо бѣглыхъ искать велитъ!“...

Конюха поѣхали въ розыски и, отъѣхавъ недалеко отъ пріисковъ, сошли съ коней и улеглись спать...

Вечеромъ донесли Ивану Ильичу и управляющему, что всю какъ есть тайгу изъѣздили—никакого слѣда не нашли.

— Ну, уведи же ихъ за это лѣшій! — съ облегченіемъ сказалъ Иванъ Ильичъ.

Хотя, по желанію Ивана Ильича, лѣшій не увелъ Стручкова и Голубева, но съ ними случилось нѣчто худшее...

VII.

Брошенный пріискъ.

Два дня спасались Стручковъ и Голубевъ въ своемъ надежномъ убѣжищѣ. Стручковъ былъ несообщителенъ и дерзко, какъ-то свысока, обращался съ своимъ товарищемъ. Александръ рѣшился равнодушно сносить это презрительное обращеніе Стручкова. „Чортъ съ нимъ, пусть дуется, — думалъ онъ: — дай только Богъ добраться до жилого мѣста, а тамъ ужъ я ему не товарищъ... Кто его зналъ, что онъ эдакой!?“...

Погода стояла пасмурная. Дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ; по небу проносились темныя дождевыя тучи... Послѣ утомительнаго ночного путешествія и купанья въ грязной болотной водѣ, послѣ подъема на скалу и сна въ мокрой одеждѣ на голыхъ, холодныхъ камняхъ, Александру нездоровилось. Его то знобило, то бросало въ жаръ; въ рукахъ и ногахъ онъ чувствовалъ дрожаніе, какъ отъ усталости, и слабость во всемъ тѣлѣ. „Не захворать бы!“ — думалъ онъ, и безотчетно-грустное чувство давило его сердце.

На третій день утромъ Стручковъ объявилъ, что погони имъ бояться нечего, и они свободно могутъ отправиться на Сорокинскую дорогу. Они вышли изъ пещеры. Александру ужасно не хотѣлось идти на Сорокинскую дорогу: онъ зналъ, что Стручковъ непремѣнно исполнитъ свое намѣреніе относительно караульщика брошеннаго пріиска.

— Вонъ видишь на горѣ высокую-то лиственницу, до нея верстъ восемь будетъ,—такъ мимо ея пройдемъ и спустимся прямо на Сорокинскій пріискъ,—говорилъ Стручковъ, указывая на извѣстный ему маякъ, громадную лиственницу.

— А другой дороги нѣту?—несмѣло спросилъ Александръ.

Стручковъ окинулъ его презрительнымъ взглядомъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ въ лѣсъ. Александръ нехотя побрелъ за нимъ, какъ невольникъ за своимъ господиномъ. Шли молча. Сухія вѣтви валежника трещали подъ ихъ ногами; вѣтеръ съ шумомъ качалъ вершины

темнаго, густого лѣса, и этотъ однообразный, унылый шумъ наводилъ на душу Александра, незнакомаго еще съ преступленіями, невыносимо-тяжкую, боязливую тоску... Онъ чувствовалъ и зналъ, что каждый шагъ впередъ приближаетъ его, какъ къ страшной пропасти, къ роковому, ужасному дѣлу... А роковая лиственница все ближе и ближе... „Господи,—думалъ онъ:—хоть бы поймали насъ!“—и начинаетъ осматриваться во всѣ стороны, чтобы увидѣть погоню, но кругомъ глухая, безотвѣтная тайга.

— Небось, не поймаютъ теперь! — обнадеживалъ Стручковъ.

Александра била сильная лихорадка, онъ задыхался и не могъ идти такъ быстро, какъ Стручковъ.

Стручковъ закурилъ трубку.

— Ну, пріятель, сегодня работа намъ будетъ... Главное, не робѣй, поглянется...

Александръ только глубоко вздохнулъ.

— Што вздохнулъ? али своя сторона на умъ нала?.. Вотъ скоро будешь и на своей сторонѣ.—Послѣднія слова Стручковъ произнесъ какъ-то особенно.

Вотъ начали подниматься на гору, на которой возвышалась громадная лиственница, маякъ бѣглыхъ рабочихъ. Вотъ они подошли къ ней.

— Сядемъ, отдохнемъ,—сказалъ Стручковъ. Александръ скорѣе упалъ, чѣмъ легъ на землю, и приклонилъ голову къ дереву, громадные корни котораго, какъ лапы чудовищнаго звѣря, глубоко впивались въ каменистую грудь земли. Нижняя часть лиственницы была очи-

щена отъ коры и исписана непонятными для нашихъ героевъ каракулями, выведенными углемъ. Ихъ писали, видно, такіе же проходимцы-бѣглые. Стручковъ прилегъ возлѣ Александра; онъ былъ въ очень тревожномъ состояніи: постоянно курилъ и переворачивался съ одного боку на другой.

— Да, братъ, надо подумать, какъ подобраться къ этому старому дьяволу,—заговорилъ Стручковъ:—собаки у него какъ звѣри: за сто саженъ чуютъ нашего брата... Какъ залаютъ—онъ, старый чортъ, за ружье да и на улицу... Не знаю, какъ бы половче подобраться!—раздумывалъ вслухъ Стручковъ.

— Поджечь домъ который-нибудь—дѣло неподходящее: прибѣгутъ съ прійска... Убѣжать-то убѣжимъ, да чортъ ли въ этомъ!.. Дѣла никакого не будетъ... Нѣтъ, надо его, собаку, живьемъ взять...—Стручковъ глубоко задумался.

— Надо выждать, а то ничего не подѣлаешь...—заключилъ Стручковъ.—Спустимся къ прійску; если собаки не отыщутъ насъ, можетъ, скараулимъ старую ворону. Вѣдь не сидитъ же онъ день-денской назаперти... Заляжемъ въ кустарникъ, а тамъ увидимъ, што дѣлать...

Стручковъ не спѣша началъ развязывать свою котомку. Онъ досталъ изъ нея старые холщевые штаны и разорвалъ ихъ пополамъ. Одну половину положилъ обратно въ котомку, а другую отбросилъ въ сторону. Покончивъ со штанами, онъ всталъ и началъ подбирать съ земли крупные камни, взвѣшивая каждый на рукѣ, и бросалъ ихъ обратно, если они оказывались легкими для его

дѣла. Наконецъ, онъ отыскалъ круглый, большой булыжникъ и взвѣсилъ его на рукѣ.

— Вотъ этотъ будетъ ладенъ! — рѣшилъ онъ про себя.

Завязавъ конецъ оторванной половины штаноч постегонкой, запасенной для починки бродней, онъ вложилъ отысканный камень въ образовавшійся изъ штановъ длинный и узкій мѣшокъ. Сверхъ камня опять перевязалъ постегонкой и такимъ образомъ устроилъ кистень. Встряхнувъ его, онъ описалъ надъ своей головой нѣсколько круговъ этимъ импровизированнымъ кистенемъ и ловко пустилъ по прямому направленію, точно поражая противника... Видно было, что рука Стручкова умѣла ловко дѣйствовать этимъ страшнымъ оружіемъ.

— Важная штука! — самодовольно проговорилъ онъ: — вотъ, братъ, товарищъ-то надежный: не надо десятерыхъ, какъ ты...

— Ну, это гостинецъ добрый для стараго чорта, — добавилъ Стручковъ и затянулъ кистень за поясъ.

Александръ безучастно, почти безсознательно смотрѣлъ на страшныя приготовленія своего товарища. Онъ сильно страдалъ и душевно, и тѣлесно...

— А если ты измѣнишь мнѣ, — глухо заговорилъ Стручковъ, не оборачиваясь къ Александру и прочищая прутикомъ коротенькій чубукъ: — и ты попробуешь этого таёжнаго сухаря. Надолго хватитъ тебѣ его — не сгложешь скоро!..

Александръ молчалъ.

Долго безмолвно сидѣли товарищи и оба думали свои

тяжкія думы. Одинъ, съ хитростью опытнаго разбойника, обдумывалъ замысловатый планъ убійства; другой—какъ бы увлониться отъ этого страшнаго дѣла. Стручковъ былъ блѣденъ и сосредоточенъ: страшные глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Александръ былъ слабъ и изнеможенъ и помутившимися глазами смотрѣлъ на сѣрое, тяжело висѣвшее надъ темнымъ лѣсомъ небо, по которому сильный вѣтеръ гналъ грядами темныя тучи.

Александръ думалъ: „Развѣ отдать ему проклятое золото, да воротиться на пріискъ... Вѣдь не задерутъ же до смерти... Пусть онъ одинъ дѣлаетъ што знаетъ!“... Но при взглядѣ на страшный кистень дрожь пробѣгала по его тѣлу: не хотѣлось ему умирать такимъ образомъ!..

Но у Стручкова былъ уже готовъ планъ и на счетъ Александрова золота...

Стручковъ былъ опытенъ въ разбойничьихъ дѣлахъ и зналъ, что новички въ дѣлѣ плохіе помощники въ трудныхъ обстоятельствахъ и головой выдадутъ товарища; онъ рѣшился хитрости и ободрить Александра.

— Слушай, Алексаха,—ласково заговорилъ онъ:— я знаю, твое дѣло небывалое въ этихъ дѣлахъ... Вижу, ты боишься, и напередъ знаю, што ты помога мнѣ плоха... Ну, такъ не бойся же; я не заставлю тебя взять грѣха на душу, Богъ съ тобою, я одинъ буду въ отвѣтѣ: такъ, видно, мнѣ на роду написано... Ты только немного пособи мнѣ, а ужъ я самъ все сдѣлаю...

Александръ вздохнулъ свободнѣе, точно гора свалилась съ его плечъ. Онъ приподнялся на локоть и вни-

мательно посмотрѣлъ на Стручкова, который избѣгалъ встрѣтиться съ нимъ взглядомъ.

— Видишь ли, што я придумалъ: старикъ вечеромъ пойдетъ за водой, не возьметъ же онъ съ собой ружья, рѣчка саженъ пятьдесятъ отъ его избы... Я бывалъ на этомъ прійскѣ и знаю мѣсто, гдѣ онъ беретъ воду. Тебя я проведу къ этому мѣсту и спрячу въ кусты; на случай возьми палку поздоровѣе; собаки у него чистые дьяволы... Когда онъ будетъ подходить къ рѣчкѣ, ты выйди изъ-за кустовъ и спроси его: нельзя ли, молъ, переночевать у тебя? Онъ будетъ съ тобой разговаривать, а я тѣмъ временемъ проберусь въ его избенку. Онъ навѣрно воротится и побоится брать воды, а тамъ я попробую, хорошо ли ружье его бьетъ по двуногому звѣрю... Видишь, ты не будешь пачкаться съ нимъ... Оберемъ его да и отправимся по-добру, по-здорову! Согласенъ?

Александръ радъ былъ и такому обороту дѣла. „Все же не я вѣдь убью его,—думалъ онъ:—Господь-то видитъ, что я не хочу этого... Што же мнѣ дѣлать, коли такая линія подошла! Самого убьетъ, а умирать-то такъ не хочется“...

— Ладно, согласенъ!—отвѣтилъ Александръ:—а если онъ съ ружьемъ выйдетъ?

— Ну, тогда тягу въ лѣсъ—не погонится... Пойдемъ же.

У Александра сильно болѣла голова и темнѣло въ глазахъ.

— Я што-то крѣпко нездоровъ,—сказалъ онъ.

Ничего, пройдетъ!—отвѣтилъ Стручковъ.

Пошли. Осторожно спустились съ горы и поднялись опять на небольшую возвышенность, съ которой открывался Сорокинскій пріискъ. Тихо, пустынно было на немъ. Печально и сиротливо смотрѣли потемнѣвшими окнами пустые домики; промывальныя машины разрушались, борты разрѣза осыпались и начали кое-гдѣ покрываться травой; дорожки заростали... Какъ-то страшно было смотрѣть на это жилое мѣсто безъ жителей...

— Надо обойти далѣе, — говорилъ Стручковъ:—а то собаки сейчасъ учуютъ насъ...

Пошли въ обходъ. Перешли поодаль отъ пріиска неширокую и неглубокую каменистую рѣчку и пошли вдоль берега, поросшаго густымъ ельникомъ. Наконецъ, Стручковъ далъ знакъ Александру остановиться.

— Вонъ, видишь, на той сторонѣ плотикъ. Съ этого плотика старикъ черпаетъ воду. Онъ придетъ сюда непремѣнно, не сегодня, завтра—все придетъ... Смотри же, не забудь, што я тебѣ говорилъ, такъ и дѣлай, не то плохо будетъ, смотри!.. А я пойду теперь къ избѣ, вонъ, видишь, у ельника-то стоитъ... Ну, лежи же. Не бойсь, тебя не заставлю...—не договорилъ Стручковъ и осторожно пошелъ въ кусты.

Золотопромышленныя дѣла компаніи Сорокиныхъ были въ очень плохомъ состояніи, по бѣдности золотосодержащихъ розсыпей; поэтому компанія не пренебрегала и не совсѣмъ чистыми способами пріобрѣтенія драгоцѣннаго металла. Были слухи, что компанія принимала отъ рабочихъ сосѣднихъ пріисковъ краденое золото, уплачивая за него виномъ съ ничтожною приплатою денегъ. Эти

слухи хотя оффиціально и фактически не были доказаны, но довольно ясно подтверждались тѣмъ, что рабочіе сосѣднихъ пріисковъ, до появленія спиртоносовъ, вдругъ начинали пьянствовать и проводить безсонныя ночи за игрою въ карты. Управляющіе невольно задавали себѣ вопросъ: откуда появляется у рабочихъ водка? и приходили къ тому весьма вѣроятному заключенію, что въ сосѣдствѣ есть непремѣнно какой-нибудь пріискъ, занимающійся покупкою контрабаднаго золота. Выслѣдить и открыть контрабанду было выше силъ пріисковой администраціи, такъ какъ тайна добычи водки на пріискѣ святѣе и страшнѣе всѣхъ тайнъ на свѣтѣ. Горе тому, кто выдалъ бы эту тайну и такимъ образомъ лишилъ бы рабочихъ самаго драгоцѣннаго для нихъ сокровища.

Старый караульный брошеннаго Сорокинскаго пріиска, извѣстный своею преданностью интересамъ компаніи, тоже занимался нѣкоторое время пріемомъ золота отъ рабочихъ сосѣднихъ пріисковъ, хотя и въ небольшомъ количествѣ. Случалось у него иногда и винишко, на которое онъ весьма выгодно вымѣнивалъ золото. Но одинъ случай, который едва не стоилъ старику жизни, положилъ конецъ его торговымъ операціямъ. Однажды рабочіе явились къ нему подъ предлогомъ продажи золота и хотѣли убить его и ограбить, но тѣлесная сила, сохранившаяся въ немъ съ молодости, и проворство, пріобрѣтенное въ постоянной охотѣ, спасли его. При началѣ борьбы онъ успѣлъ схватить ружье, висѣвшее у него на гвоздѣ, и одного рабочаго убилъ наповалъ; другому стволомъ того же ружья проломилъ голову. Объ этомъ

знали рабочіе всѣхъ окрестныхъ пріисковъ. Послѣ этого несчастнаго случая старикъ бросилъ опасный промыселъ и сдѣлался до крайности осторожнымъ и подозрительнымъ. Отъ природы угрюмый и молчаливый, старикъ не тяготился своимъ одиночествомъ и безмолвіемъ. Промѣнявъ опасный промыселъ скупщика золота на звѣропромышленный и рыболовный, онъ вполнѣ былъ доволенъ судьбою и мирно наслаждался своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. У него было два ружья, постоянно заряженныя пулями, и собаки, страшно чуткія и злыя. Безъ ружья и топора за поясомъ онъ не выходилъ изъ своей избушки. Застать его врасплохъ было весьма трудно— онъ всегда былъ наготовѣ. Рукопашная схватка съ этимъ добровольнымъ отшельникомъ была небезопасна. Хотя ему было за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ крѣпокъ, мускулистъ, высокъ ростомъ и широкоплечъ. Изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей покойно и проницательно смотрѣли маленькіе, ввалившіеся голубые глаза, и вся его осанка говорила о мужествѣ и силѣ характера. Разсказывали, что въ молодости онъ съ однимъ ножемъ пускался въ рукопашную схватку съ медвѣдемъ и всегда выходилъ побѣдителемъ... Съ этимъ старикомъ захотѣлъ Стручковъ сыграть роковую партію на просторѣ глухой тайги.

День клонился къ вечеру. Стручковъ зорко смотрѣлъ съ своего обсерваціоннаго пункта на избушку караульщика и терялъ уже всякую надежду на исполненіе, въ этотъ день, задуманнаго плана. Но вдругъ дверь избы отворилась, и на порогѣ сѣней показался старикъ, одѣ-

тый въ короткій полушубокъ, длинные выше колѣнъ сапоги и въ черную баранью шапку. Въ рукѣ онъ держалъ длинное ружье, за поясомъ былъ заткнутъ топоръ. Огромная рыжая собака, сидѣвшая у двери на цѣпи, кинулась ему на грудь. Двѣ вольныя собаки съ веселымъ лаемъ и визгомъ ласкались къ нему. Старикъ поочередно ласкалъ товарищей своего уединенія.

Стручковъ впился глазами въ своего ненавистнаго врага. Наступала рѣшительная минута...

Поласкавъ собакъ, старикъ пошелъ тихими, широкими шагами по направленію къ рѣкѣ, но не къ тому мѣсту, гдѣ былъ плотикъ и гдѣ лежалъ Александръ. Замѣтивъ несостоявшійся планъ Стручкова, Александръ благодарилъ Бога, что дѣло можетъ кончиться ничѣмъ.

„А, знаю!—подумалъ Стручковъ: — за рыбой пошелъ. Тамъ у него ловушки“...

Старикъ шелъ не оборачиваясь и поворотилъ въ густой ельникъ, въ довольно большомъ разстояніи отъ избы. Желтая собака, проводивъ глазами хозяина, покойно улеглась у двери и, положивъ морду на переднія лапы, задремала.

„Надо теперь пробраться въ избу,—думалъ Стручковъ:—посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ другого ружья... Убѣжать-то я успѣю—не степь здѣсь“...

Онъ вытащилъ изъ-за пояса свой кистень и конецъ его обвилъ вокругъ правой руки. Поднявшись на ноги, онъ еще нѣсколько минутъ смотрѣлъ по направленію скрывшагося въ ельникѣ старика. Убѣдившись, что старикъ ушелъ уже далеко, Стручковъ смѣло пошелъ къ

избушкѣ. Собака могла его увидѣть только тогда, когда онъ явился передъ самымъ ея носомъ. Она яростно бросилась на него, но кистень взвился, и собака съ расшибленной головой кубаремъ покатилась въ сторону и, испустивъ пронзительный визгъ, только вздрагивала въ предсмертной агоніи. Стручковъ былъ уже въ избѣ. Однимъ взглядомъ онъ окинулъ закоптѣвшія стѣны и увидѣлъ висѣвшее на гвоздѣ ружье: онъ схватилъ его и тотчасъ ощупалъ шомполомъ, заряжено ли. Ружье оказалось заряженнымъ и на капсюлѣ былъ пистонъ. Стручковъ сообразилъ, какъ нужно дѣйствовать въ данномъ случаѣ; онъ заперъ дверь на крюкъ и, смотря въ окно, сталъ выжидать старика.

Старикъ слышалъ неистовый лай цѣпной собаки, потомъ какой-то необыкновенный визгъ и затѣмъ молчаніе. Сердце застучало въ немъ; онъ почуялъ что-то недоброе. Собаки съ громкимъ лаемъ бросились къ избѣ на лай своего злополучнаго товарища. За ними изъ ельника вышелъ старикъ. Ровнымъ шагомъ и не торопясь приближался онъ къ своей избѣ и пристально смотрѣлъ на отворенную дверь и лежащую безъ движенія собаку. Длинная сѣдая борода его раздѣлялась на-двое и развѣвалась по вѣтру длинными космами. Не доходя саженъ двадцати до избы, онъ остановился и позвалъ желтую собаку.

— Волчокъ! Волчокъ!

Но Волчокъ уже издохъ.

— Убита,—хладнокровно проговорилъ онъ и взвелъ курокъ.

Стручковъ въ избѣ тоже взвелъ курокъ.

Старикъ положилъ стволъ ружья на ладонь лѣвой руки, а правой придерживалъ спускъ, и храбро направился къ двери. Стручковъ допустилъ его на разстояніе пяти саженъ и прицѣлился сквозь стекло.

Грянулъ выстрѣлъ, и старикъ, пораженный пулею въ животъ, отпрянулъ назадъ. Онъ успѣлъ еще на удачу выстрѣлить въ окно, но сдѣлалъ промахъ, и пуля не дошла по назначенію. Захвативъ рану руками, онъ упалъ на землю и застоналъ. Стручковъ отставилъ ружье въ стѣнѣ и смотрѣлъ въ окно.

„Пусть истекаетъ хорошенько кровью, — думалъ онъ: — а то съ нимъ не сладишь, съ дьяволомъ“...

Послѣ второго выстрѣла Александръ вскочилъ на ноги и съ лихорадочною дрожью въ тѣлѣ смотрѣлъ и слушалъ, что будетъ далѣе.

„Неужели убили одинъ другого! — думалъ онъ: — вотъ теперь-то бѣжать мнѣ отъ Стручкова“...

Но онъ чувствовалъ, что ноги отказываются сослужить ему эту службу. На него напалъ какой-то паническій страхъ: онъ боялся выйти изъ лѣса; ему хотѣлось убѣжать куда-нибудь далеко, въ самую непроходимую глушь тайги, гдѣ не видали бы его никогда люди.

„Да вѣдь не я же это сдѣлалъ!“ успокоивалъ онъ себя.

„Вмѣстѣ сдѣлали“!..—говорилъ ему голосъ совѣсти.

Изъ дверей показался Стручковъ.

— Живъ!—съ какимъ-то досадливымъ чувствомъ проговорилъ Александръ.

При видѣ Стручкова старикъ приподнялся и схватился за топоръ, но ударъ кистенемъ въ грудь повалилъ его навзничь.

Старикъ застоналъ.

— Эй, товарищъ, сюда!—махая въ воздухѣ кистенемъ, крикнулъ Стручковъ. Собаки залились оглушительнымъ лаемъ, но боялись близко подступить къ Стручкову.

Падая почти на каждомъ шагу отъ сильнаго волненія, Александръ подбѣжалъ къ своему страшному товарищу и съ ужасомъ смотрѣлъ на лужу крови, въ которой плавалъ умирающій старикъ.

— Помоги мнѣ стащить его въ избу, — говорилъ Стручковъ:— тамъ допросимъ его, съ котораго онъ году въ службѣ... Бери его за шиворотъ...

Старика втащили въ избу и бросили на полъ.

— Ну, старый чортъ, это тебѣ плата за моихъ товарищей... Кайся, окаянный, сколько ты перебилъ нашего брата?

Старикъ молчалъ и только по временамъ издавалъ стоны.

— Ну, да это на твоей душѣ, ты въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ, чортъ съ тобой!.. Теперь ты подавай намъ золото, какое награбилъ у нашего брата.

Старикъ молчалъ и нервно вздрагивалъ.

— Золото гдѣ, старый песъ? тебя я спрашиваю!— ударивъ ногой въ лицо старика, кричалъ Стручковъ.

— Нѣту!..—едва слышно простоналъ старикъ.

— А, нѣту! Ну, такъ мы тебя передъ смертью въ

банѣ выпаримъ... Толковать много съ тобой нечего... Тащи ельнику! больше! — обратился Стручковъ къ Александру.

Александръ безпрекословно повиновался и принесъ еловыхъ вѣтвей.

— Теперь пособи мнѣ раздѣть его...

Старика обнажили, и его же ремнемъ Стручковъ крѣпко связалъ ему руки.

— Положимъ его вверхъ спиной... вотъ такъ! Давай теперь ельнику да спичекъ!

Стручковъ взялъ пукъ еловыхъ вѣтвей и зажегъ ихъ. Пламя быстро обхватило смолистыя вѣтки, и Стручковъ началъ ихъ встряхивать надъ обнаженною спиною старика.

Огненнымъ дождемъ полились искры на бѣлую мускулистую спину старика... Онъ конвульсивно скорчился отъ невыносимо страшной боли и, собравъ послѣднія силы, вскочилъ.

— Экой прыткой!—подсмѣялся надъ нимъ Стручковъ и ударилъ кистенемъ въ голову. Старикъ въ изнеможеніи упалъ.

Стручковъ принялся за свою работу.

— Сказывай: гдѣ у тебя золото, анаѳема?

— Нѣту!—простоналъ старикъ. Онъ потерялъ сознаніе и лежалъ неподвижно, словно не его тѣло подвергалось страшной пыткѣ.

Упорство старика взбѣсило Стручкова. Онъ топталъ его ногами, грызъ зубами его уши, рвалъ волосы и бороду—все напрасно!

Старикъ умиралъ.

— Вотъ же тебѣ на прощанье! — и, размахнувъ сколько было силы кистень, Стручковъ размозжилъ черепъ старика. Мозгъ брызнулъ на противоположную стѣну, и глаза, вывалившись изъ орбитъ, повисли на жилахъ.

Александръ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ избы.

— Стой, Александръ!—крикнулъ ему вслѣдъ Стручковъ:—тащи еще ельнику!

Александръ машинально повиновался и снова принесъ большой пукъ еловыхъ вѣтвей.

— Брось на полъ; зажжемъ да и маршъ!.. Да надо забрать тутъ кое-што...

Разбили ящикъ. Стручковъ взялъ нѣсколько бѣлья, чай, сахаръ. Онъ перерылъ все, отыскивая деньги и золото, но ничего не нашелъ.

— Бери себѣ чего-нибудь,—совѣтовалъ Александру Стручковъ.

— Нѣтъ, не надо мнѣ,—едва проговорилъ тотъ.

— Дуракъ!.. Ружье надо взять, вонъ тутъ и порохъ есть, и свинецъ... Топоръ тоже... все это годится.

— Ну, теперь совсѣмъ, маршъ!..

Стручковъ поджегъ еловыя вѣтви и заперъ дверь.

Вышли на улицу, осмотрѣлись кругомъ быстро и пошли по заброшенной дорогѣ, направляясь въ жилое мѣсто.

Александръ словно во снѣ видѣлъ всѣ эти ужасныя событія.

Наступили сумерки. Сильный сѣверный вѣтеръ дулъ

въ спину бѣглецовъ. Стручковъ былъ молчаливъ и угрюмъ и только изрѣдка бормоталъ страшную брань и проклятія, которыя относились къ убитому.

— Анаѳема, дьяволъ! —ворчалъ онъ:—издохъ, да не сказалъ... Нѣтъ, пуля все дѣло испортила: больно скоро сталъ умирать, а то бы я его донялъ! На куски изрѣзалъ бы варвара...

Отошли версты три; въ тайгѣ стало совсѣмъ темно. Вѣтеръ крѣпчалъ и яростно рвалъ вершины деревьевъ. Этотъ мракъ лѣса и глухой гулъ наводили невыразимый страхъ на робкую душу Александра. Неотвязнымъ призракомъ стоялъ предъ нимъ убитый старикъ съ размозженною головою и вывалившимися глазами. Онъ точно стоялъ предъ нимъ и укоряя спрашивалъ: „за што вы убили меня?“ Въ гулѣ вѣтра и скрипѣ деревьевъ слышались Александру предсмертные стоны убитаго. Надъ его ухомъ словно шептало: „не уйдешь теперь никуда отъ меня, всю жизнь я буду ходить за тобой и не дамъ тебѣ ни днемъ, ни ночью покоя“. И Александръ жмется къ Стручкову, точно ищетъ у него защиты отъ страшнаго призрака. „Иди назадъ, объяви, сознайся!“ —шепчетъ призракъ. И Александръ со страхомъ всматривается въ непроницаемый мракъ лѣса и чуткимъ ухомъ вслушивается въ перекаты его шума. Онъ озирается кругомъ.

— Смотри-ка, товарищъ, штò это такое?—съ испугомъ вскрикнулъ Александръ и схватилъ Стручкова за рукавъ.

Оба остановились, пораженные ужасомъ. За ними стояло страшное зарево пожара. Отъ избы пламя пере-

шло на ближній ельникъ, и начался лѣсной пожаръ. Черный дымъ клубами несся къ небу, и огненный вихрь крутился надъ лѣсомъ. Огненныя полосы прорѣзывали черную тучу дыма, точно мечъ Карателя-Бога сверкалъ изъ мрака и грозилъ убійцамъ... Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, которое съ каждой минутой охватывало громадное пространство тайги. Слышалось вдали глухое рокотаніе и шумъ огненнаго урагана. Бѣглецовъ обдало дымомъ и горячимъ воздухомъ пахнуло на нихъ. Огненное море неслось прямо на нихъ съ ужасающею быстротою и трескомъ... Нѣтъ ничего ужаснѣе лѣсныхъ пожаровъ! Какъ ни страшны ураганы знойной Сахары, но ужаснѣе ихъ эти огненные ураганы горящихъ лѣсовъ. Въ страхѣ летятъ и вьются надъ пожарищемъ испуганныя птицы; звѣри мчатся въ паническомъ страхѣ, не зная, гдѣ скрыться—огненныя волны вездѣ догоняютъ ихъ... Сотни верстъ проносится этотъ страшный ураганъ, и вся Сибирь покрывается дымомъ. Солнце, какъ огненный шаръ безъ блеска, катится по туманному, желтоватому небу; трудно дышать и разсмотрѣть даль въ дымной атмосферѣ...

— Ишь, тайга горитъ!—равнодушно говоритъ сибирякъ, обводя глазами дымныя окрестности. Милліоны деревъ гибнутъ въ этихъ пожарахъ, а торфяная почва и тундра, загорѣвшись, не угасаютъ въ продолженіе цѣлыхъ годовъ.

Бѣглецы наши чувствовали уже жаръ приближающагося пожара; ихъ осыпало искрами и пепломъ. Огонь обнималъ ихъ со всѣхъ сторонъ и появился уже впереди.

Спасенія не было... Наступалъ ужасный, послѣдній часъ горемычной, преступной жизни!

— Пропали мы, товарищъ!..—въ отчаяніи говорилъ Стручковъ, обводя испуганными глазами сплошныя стѣны огня, которыя съ каждымъ мгновеньемъ тѣснили ихъ. Было свѣтло какъ въ самый ясный день; дыханіе захватывало дымомъ; невыносимый жаръ палилъ лицо.

„Пропали!—подумалъ Александръ:—вотъ гдѣ она, смерть-то моя, пришла!“..

Оба товарища кинулись бѣжать, не зная сами куда. Огонь жегъ ихъ, дымъ душилъ. Хотя одну минуту жизни хотѣли они отнять у страшной смерти, которая была уже у нихъ надъ головами, и они слышали ея не леденящее, а огненное дыханіе. Стономъ стоналъ и гудѣлъ огненный ураганъ!

— Шурфъ [1])!—крикнулъ Стручковъ, бѣжавшій впереди, и словно провалился сквозь землю. Раздался плескъ воды.

— Падай сюда!—крикнулъ изъ ямы Стручковъ.

Александръ почти обезумѣлъ отъ страха; онъ кинулся на голосъ товарища и, пролетѣвъ нѣсколько мгновеній, упалъ въ воду почти до горла, ноги его едва достали дно.

Стручковъ уже оправился отъ страха и радостно говорилъ:

— Теперь спасемся — въ шурфъ попали! Ты къ стѣнѣ-то ближе... тамъ мельче...

Чрезъ минуту Александръ осмотрѣлъ свое помѣщеніе:

---

[1]) Шурфомъ называютъ яму, происшедшую отъ вскрытія торфа, т.-е. пустыхъ породъ, лежащихъ сверхъ золото-содержащихъ песковъ. — *Авт.*

это была квадратная яма аршина четыре шириною и аршинъ пять глубиною; на днѣ ея была вешняя вода. Лѣсъ горѣлъ кругомъ, и пламя бурной волной разстилалось по землѣ и огненнымъ куполомъ сомкнулось надъ шурфомъ. Искры и обгорѣвшія вѣтви падали на головы бѣглецовъ и жгли ихъ лица. Нужно было безпрестанно съ головой погружаться въ воду, чтобы спастись отъ ожога. Вѣтеръ сильно дулъ и гналъ огненный ураганъ далѣе. Обгорѣвшіе стволы деревьевъ, какъ громадные траурные факелы, теплились и освѣщали страшную картину разрушенія. Земля горѣла кругомъ и дымилась, захватывая дыханіе. Александръ и Стручковъ по грудь стояли въ водѣ и промерзли до лихорадки. Въ такомъ положеніи они пробыли до утра. Пожаръ далеко унесся, охватывая на своемъ пути громадное пространство, уничтожая всякую растительность и густо наполняя воздухъ смолистымъ дымомъ хвойнаго лѣса.

— Надо вылѣзать—пропадемъ!.. — едва проговорилъ Стручковъ посинѣвшими отъ холода и дрожащими губами:—ты стой хорошенько, а я встану тебѣ на плечи и вылѣзу, а послѣ и тебя вытащу.

— Я не могу!—едва могъ отвѣтить Александръ.

— Ну, какъ-нибудь... Упрись руками-то въ стѣну... Вѣдь эдакъ-то придется умирать тутъ... Вылѣземъ—огня разложимъ, высушимся...

— Ну, полѣзай, не то...—простоналъ Александръ.

Стручковъ собралъ послѣднія силы и началъ взбираться на плечи товарища; но тотъ такъ былъ слабъ, что не могъ выдержать тяжести Стручкова, и придавленный

имъ совершенно погрузился въ воду. Стручковъ упалъ за нимъ. Чрезъ минуту оба показались изъ-подъ воды, едва переводя дыханіе. Стручковъ страшно ругался:

— Полѣзай ты, чортъ проклятый, а не товарищъ, а послѣ пособишь мнѣ вылѣзти... Лѣзь, а не то утоплю, какъ собаку... Слышишь?

— Становись на меня—попробую...

Отъ барахтанья въ этой ямѣ образовалась жидкая грязь, въ которой волей-неволей приходилось купаться нашимъ героямъ. Стручковъ нагнулся и подставилъ свою спину. Съ величайшими усиліями Александръ поднялся на плечи своего товарища; грязь лилась съ его одежды на Стручкова.

— Смѣлѣе, мнѣ вѣдь не тяжело,—ободрялъ Стручковъ:—да ты не качайся, а то опять упадешь...

Нѣсколько разъ руки Александра обрывались съ скользкой сырой земли, и онъ падалъ на спину Стручкова.

— Ничего! Выбирайся какъ-нибудь! — при каждомъ паденіи ободрялъ Стручковъ.

Наконецъ, Александръ ухватился за какой-то корень, выставившійся изъ земли, и отдѣлился отъ спины Стручкова. Стручковъ поднялъ голову. Александръ былъ уже наверху и, растянувшись на дымящейся землѣ, едва дышалъ.

— Давай же мнѣ теперь опояску! — крикнулъ изъ ямы Стручковъ.

— Охъ, подожди, братъ, не могу собраться съ силами...

— Анаѳема ты эдакая! да вѣдь я околѣлъ въ этой ямѣ, тебѣ ладно тамъ...

„Вотъ теперь убѣжать-то отъ Стручкова!—мелькнуло въ головѣ Александра:—да нѣтъ, не могу—силы нѣтъ... Богъ съ нимъ! не приму на душу грѣха“.—И онъ дрожащими руками снялъ опояску и одинъ конецъ ея привязалъ къ корню дерева, а другой бросилъ Стручкову.

Стручковъ вылѣзъ.

— Ну, братъ, изъ огня да въ воду мы попали съ тобой, — говорилъ онъ, смотря на грязную воду ямы. Александръ лежалъ безъ движенія.

— Надо огня разводить да сушиться. Ставай! чего лежать-то, ты ходи — лучше разогрѣешься... Эхъ, ты, баба!...

— Нездоровъ, не могу...

— Э-э-эхъ, ты!..

Стручковъ развелъ огонь и началъ просушивать свою одежду, отъ которой паръ валилъ густымъ облакомъ. Александръ отогрѣлся на теплой землѣ и, немного отдохнувъ, тоже началъ сушиться. Чрезъ нѣсколько часовъ все было высушено—и рубахи, и порты, и онучи.

— Теперь надо напиться чаю,—говорилъ Стручковъ и развязалъ свою котомку, въ которой все было мокро: и чай, и сухари, и бѣлье, захваченное у караульщика.

— Эхъ-ма! чай-то подмокъ, ну, да не бѣда! все же лучше...

Онъ привязалъ котелокъ на опояску и досталъ изъ той же ямы воды, которая сверху немного отстоялась. Скоро чай былъ готовъ.

Александръ хлебнулъ нѣсколько ложекъ, съѣлъ размокшій сухарь и опять легъ около огня.

— Што ты! ѣшь! лучше будетъ!—совѣтовалъ Стручковъ.

— Нѣтъ, не могу!.. Видно, смерть моя приходитъ!— И невольная слеза выкатилась изъ его помутившихся глазъ и упала на обожженную землю.

Стручковъ посмотрѣлъ на него и ничего не сказалъ.

Нравственное потрясеніе и холодная полусуточная ванна развили и усилили въ Александрѣ сильную горячку. Онъ не могъ уже слѣдовать далѣе за своимъ товарищемъ.

— Што же, пойдемъ? — спросилъ Стручковъ, укладывая въ котомку свои пожитки.

— Не могу я идти, какъ хочешь!

— Што же дѣлать-то будемъ? Вѣдь надо убираться, а то дѣло плохо будетъ... Какъ накроютъ насъ, такъ спуску не дадутъ.

— Хуже смерти ничего не будетъ,—отвѣтилъ Александръ:—а я и такъ умираю... што мнѣ!

— Твое дѣло!.. А я, братъ, оставаться здѣсь не буду — пойду... Вотъ теперь лѣсъ обгорѣлъ — далеко видно, какъ разъ втрескаешься...

— Не бросай меня, братъ!—сквозь слезы проговорилъ Александръ.

— Да што же я буду дѣлать съ тобой? чѣмъ буду лечить тебя?.. Видно, пришла тебѣ такая линія!..

Оба замолчали.

— Вотъ што; Александръ,—послѣ долгаго молчанія

началъ Стручковъ:—кто знаетъ, можетъ, ты и вправду умрешь тутъ; отдай ты мнѣ золото-то, все-равно пропадетъ же оно задаромъ, а я хоть помяну тебя... На прощаньѣ-то я ужъ покаюсь тебѣ: хотѣлъ я тебя, братъ, покончить, какъ караульщика же, потому—плохой ты мнѣ товарищъ... Изъ бѣды тебѣ ни въ жисть не выручить—самъ пропадешь, да и меня гдѣ-нибудь загубишь... Ну, теперь я ужъ тебя, хвораго, не трону — Богъ съ тобой! Умирай ты самъ собой, все же какой ни на есть, да товарищъ былъ... Вотъ отдай мнѣ золото, да и оставайся съ Богомъ,—не поминай лихомъ!..

— Што же, возьми все, мнѣ ничего не надо теперь... Въ котомкѣ тамъ штаны есть худенькіе, такъ тамъ подъ заплатой... возьми...

Стручковъ отыскалъ въ котомкѣ штаны и изъ-подъ заплаты вытащилъ золото, наворованное Александромъ, а штаны сунулъ обратно въ котомку.

— Вотъ въ котелкѣ чай остался—можетъ, пить захочешь... Запасу я тебѣ оставлю; поздоровѣешь, такъ, можетъ, выйдешь куда-нибудь... Только, смотри, о старинѣ ни-гу-гу!..

Стручковъ набросилъ на плечи котомку.

— Ну, прощай, товарищъ, не поминай лихомъ! — И онъ пошелъ скорыми шагами.

Александръ долго смотрѣлъ на удаляющагося Стручкова, который скрылся, наконецъ, между обгорѣвшими, дымящимися еще стволами лѣса.

Мучительною, жгучею болью безотраднаго одиноче-

ства сжалось его сердце, и крупныя капли слезъ градомъ покатились по его грязному лицу.

„Одинъ теперь, одинъ я въ этой страшной тайгѣ! Куда идти—не знаю, и гдѣ я—не знаю, и откуда пришелъ—не помню“... Но вдругъ надъ ухомъ его пронесся словно шопотъ:

„Ты не одинъ, вѣдь я съ тобой! Я, убитый-то караульщикъ!“ Александръ вскочилъ на ноги и какъ безумный бросился вслѣдъ за Стручковымъ.

— Григорій, стой!—закричалъ онъ и упалъ на землю. Съ нимъ сдѣлался страшный пароксизмъ горячки: онъ бредилъ, и ему все представлялся страшный караульщикъ, съ вывалившимися глазами и разбитымъ черепомъ, и укорялъ его: „за что вы убили меня?!“

— Не я, не я!—отмахиваясь руками, кричалъ Александръ, и эхо повторяло вдали: „я! я!“

— Слышишь!?.. Это онъ, онъ убилъ тебя! — И потомъ опять махалъ руками и кричалъ: „Не я! не я! Помогите!“—и замолкъ въ страшномъ изнеможеніи.

Въ этомъ безсознательномъ положеніи онъ пробылъ до утра. Солнце безъ лучей, какъ огненный шаръ, взошло въ дымной атмосферѣ; было тихо и тепло. Александръ открылъ глаза и пугливо осмотрѣлся. Долго онъ не могъ привести въ порядокъ подавленныя страшными впечатлѣніями мысли и долго обдумывалъ: гдѣ онъ, и что съ нимъ? На обгорѣлый сукъ обгорѣвшаго дерева сѣла какая-то лѣсная птица и унылыми криками, точно стономъ, созывала глупыхъ птенцовъ своихъ, погибшихъ въ страшномъ пожарищѣ, и торопливо начала бѣгать по

землѣ, покрытой пепломъ, отыскивая свое гнѣздо съ злополучнымъ семействомъ.

„Да,—подумалъ Александръ:—онъ ушелъ вѣдь—помню... былъ пожаръ... мы убили старика“...

— Здѣсь я! ты меня зовешь?—шептало ему на ухо... и словно хохотъ тысячъ дьяволовъ раздался въ его ушахъ...

— Господи!..—крикнулъ въ отчаяніи Александръ и хотѣлъ подняться и бѣжать, но силы измѣнили ему, и онъ не могъ двинуться съ мѣста... Этотъ отчаянный вопль страдающей души далеко гдѣ-то повторило горное эхо въ тихомъ утреннемъ воздухѣ. Безпамятство повторилось снова. Къ вечеру Александръ опомнился, и страшный день смѣнился ужасною ночью... Привидѣніе, созданное горячечнымъ бредомъ, неотступно стояло предъ нимъ, и страшнымъ, гнѣвнымъ огнемъ горѣли его вывалившіеся глаза... Онъ вскакивалъ и снова падалъ и кричалъ: „Не я вѣдь убилъ тебя... иди къ нему!“—и голосъ его страшно раздавался въ глухой тайгѣ и замиралъ среди мертвой ночной тишины...

Въ полуверстѣ отъ Александра Голубева расположились на ночлегъ посланные съ ближнихъ пріисковъ дровосѣки, для отысканія деревъ, менѣе другихъ пострадавшихъ отъ пожара и пригодныхъ для необходимыхъ пріисковыхъ построекъ. Ночь была очень темная, и темноту ея увеличивали обугленныя деревья, которыя, какъ чудовищная армія черныхъ великановъ-привидѣній, стояли во мракѣ и протягивали во всѣ стороны свои костлявыя

руки, вооруженныя громадными когтями; тысячью огненныхъ звѣздъ теплился еще не погасшій огонь въ старыхъ загнившихъ дуплахъ... Чудную, хотя и мрачную картину представлялъ этотъ лѣсъ среди ночи...

У дроворубовъ горѣлъ костеръ.

— Слушай-ка, Степанъ, вѣдь это человѣкъ кричитъ въ тайгѣ-то! — говорилъ молодой дроворубъ, обращаясь къ старику.

— Дуракъ ты, человѣкъ! погляжу я на тебя... Человѣкъ!.. Ты не слыхалъ нешто, какъ лѣшій кричитъ по-человѣчьи... А онъ: „человѣкъ“!

Молодой дроворубъ замолчалъ, но чутко вслушивался въ тишину ночи. Голосъ опять донесся.

— Слышишь?

— Слышу... Ну, такъ што? Пусть кричитъ—это дѣдушко... пусть его...

Звуки донеслись снова. Старикъ перекрестился; перекрестился и молодой.

— Ты твори Исусову молитву — вотъ и пройдетъ все...

— Да я не знаю ее—Исусову-то...

— Шелопай!—отозвался старикъ и поворотился другимъ бокомъ къ огню.

Звуки доносились.

— Дядя Степанъ, пойдемъ—посмотримъ!..

— Дуракъ ты! Али хошь душу загубить? Онъ-те туда заведетъ этимъ самымъ голосомъ, што до свѣтопреставленья не вылѣзешь.

Оба замолчали. Молодой дроворубъ подбросилъ въ

костеръ дровъ, и искры густымъ облакомъ взлетѣли надъ огнемъ и мгновенно погасли.

— Говорятъ, дядя, скоро будетъ это свѣтопреставленье-то... Вотъ, поди, страхъ-то!..

— Небось страхъ!.. Это все Антихрисъ будетъ дѣйствовать — безъ Антихриса нельзя... Онъ народится отъ распутной дѣвки-жидовки... Вотъ какъ распутная жидовка родитъ жидовку же, а эта будетъ распутная и тоже родитъ жидовку, такъ, значитъ, до семи. Вотъ отъ семой-то и народится Антихрисъ... Сказываютъ, у насъ, въ Расеѣ, шестая ужъ народилась такъ-то...

— Што же онъ будетъ дѣлать, этотъ Антихрисъ?

— А кто его знатъ! Мучить насъ учнетъ!.. Да спи, ну, тебя съ Антихрисомъ; я спать хочу!.. Будетъ катать въ бочкахъ, въ которыхъ ножи, шилья да гвозди наколочены, калёны сковороды лизать... заставлять...

Старикъ задремалъ; въ тайгѣ раздался вопль.

— Экъ его!—хладнокровно, сквозь дремоту проговорилъ старикъ.

„Пойти развѣ поближе послушать!“—думалъ молодой дроворубъ:—„Нѣтъ, боюсь!“—Ему не спалось, и онъ все прислушивался къ человѣческимъ воплямъ. Это стоналъ мученикъ Александръ...

ОЛЕКМИНСКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

(Изъ путешествія на Олекминскіе пріиски.)

I.

Отъѣздъ изъ Иркутска.—Лена.—Верхоленскъ.—Лѣсные пожары (палы).—Киренскъ.—Компанейскій пароходъ „Работникъ“.—Ленскія щеки.—Витимъ.—Побережныя села.—Парижъ и Лондонъ.—Исправникъ и почтовый ямщикъ-гребецъ.—Мачинскія резиденціи.—Встрѣча.—Предстоящій путь.—Выѣздъ въ тайгу.—На вершинѣ Яблоноваго хребта.—Лошадь утопникъ.—Способъ охоты на ней.—Зимовье.—Зимовщикъ-тунгусъ.—Тайга.—Бѣглые поселенцы-рабочіе.—Причины побѣговъ.—Рѣдкіе случаи грабежа.—Пріисковая почта.—Мой чичероне-конюхъ.—Заброшенные промысла.—Горный исправникъ на волокушѣ.—У цѣли путешествія.—Уполномоченный по дѣламъ компаніи братьевъ Т—хъ.—Пріискъ „Вознесенскій“. Краткая исторія его.—Фирма Т—хъ.

Въ маѣ 18.. года я выѣхалъ изъ Иркутска на золотые промысла системы рѣки Олекмы.

Предстоявшій мнѣ путь измѣрялся болѣе чѣмъ 2.000-мъ разстояніемъ и шелъ по такъ-называемому якутскому тракту, чрезъ Верхоленскъ, Киренскъ до Мачинскихъ резиденцій (верстахъ въ двухъ стахъ отъ Олекминска). Взглянувъ съ вершины „Веселой горы“ на Иркутскъ, виднѣвшійся гдѣ-то вдали, въ глубокой котловинѣ, опоя-

санный широкой лентой Верхней Тунгузки „Ангары“), мы быстро опустились къ станціи „Хомутовой“ [1]), отъ которой началась обычная ѣзда на измореннихъ тройкахъ, остановки на почтовыхъ станціяхъ, съ ихъ неизбѣжными смотрителями, ямщиками и т. п. дорожными неудобствами пути, въ странѣ, еще не культивированной гремящими поѣздами желѣзныхъ дорогъ.

Разбросанные направо и налѣво лѣтники и зимники „братскихъ“ (ясачныхъ бурятъ) свидѣтельствовали о нашемъ поступательномъ движеніи на сѣверъ. На второй день показалось „Жигалово“, первая станція на Ленѣ, гдѣ лошади смѣнились почтовыми лодками. Вотъ и величественнѣйшая изъ сибирскихъ рѣкъ, широкимъ, могучимъ напоромъ пробившая себѣ сквозь горы, дебри, огромныя снѣжныя равнины, путь къ великому океану сѣвера. Вода, благодаря половодію, неудержимо стремится впередъ. Неуклюжіе нàвозки, нагруженные всевозможными товарами, тянутся одинъ за однимъ къ низовью [2]). Въ вечерней тишинѣ ясно раздаются всплескъ веселъ и выкрики рабочихъ.

Пересаживаемся на лодки. До Киренска намъ предстояло около пяти дней пути. Плывемъ день и ночь.

Небольшой городъ Верхоленскъ уже остался позади, произведя впечатлѣніе чего-то сѣренькаго, непривѣтливаго. По побережью протянулся густой сосновый лѣсъ,

[1]) Первая станція отъ Иркутска по тракту на Якутскъ.

[2]) Совершая, каждый годъ, огромный водный путь отъ верховьевъ Лены и доходя до Олекминска и Якутска, они представляютъ собой до нѣкоторой степени цѣлые плавучіе магазины и ведутъ дѣятельную торговлю съ побережными ленскими деревнями, селами и городами.

тамъ и сямъ выглянули лѣпящіяся по крутизнѣ, разбросанныя по низменности постройки сибирскаго крестьянина.

Роскошный, свѣтлый день. Деревни, села съ бѣлѣющимися фасадами церквей, черными амбразурами оконъ, покрытыхъ желѣзными переплетами, золоченые кресты куполовъ, зеркальная поверхность многоводной Лены, почтовыя лодки съ своимъ просмоленнымъ, парусиннымъ верхомъ, барка, поднимающаяся на бичевѣ вверхъ по рѣкѣ,—все залито яркими, блещущими лучами майскаго солнца.

Ночь... Картина мѣняется. Впереди видно зарево... Усиливающійся вѣтеръ нагоняетъ на насъ обрывки дыма: слышенъ запахъ гари, отдаленный шумъ, трескъ и гулъ. Ближе и ближе, слышнѣе и слышнѣе. Огонь, переходя съ вѣтви на вѣтвь, съ дерева на дерево, быстро идетъ намъ навстрѣчу. Кровавый свѣтъ зарева яснѣе и яснѣе... Еще полчаса, и глазамъ открывается грандіозное зрѣлище: могучій лѣсъ скрипитъ и стонетъ подъ напоромъ страшнаго, неумолимаго врага: черные клубы дыма взлетаютъ кверху, разрѣшаясь въ воздухѣ миріадами искръ,—огонь безпощадно ведетъ свое разрушающее дѣло . . .

. . . . . .

Лѣсные пожары здѣсь часты и громадны. Палы, истребляя въ огромномъ количествѣ лѣса, нерѣдко, при большомъ вѣтрѣ, доходятъ до селеній, и захваченные врасплохъ—жертвы часто своей же неосторожности и безпечности—крестьяне бѣгутъ передъ грозной бѣдой, отдавая въ добычу пламени и свои дома, и свой скотъ.

Наконецъ, мы выбрались изъ сферы огня, будучи

въ продолженіе трехъ дней свидѣтелями непрекращающейся печальной картины истребленія.

Ширина рѣки замѣтно увеличивается, теченіе слабѣетъ. Вотъ и Киренскъ.

На противоположной сторонѣ, у пристани, дымится готовящійся къ отходу пароходъ „Работникъ“. При первыхъ утреннихъ лучахъ мы уже ѣдемъ на всѣхъ парахъ по теченію, ведя за собой на буксирѣ двѣ нагруженныя баржи. Предстоитъ пройти такъ-называемыя Ленскія щеки, образуемыя подходящими къ самой рѣкѣ горами. Вода, врываясь въ ущелье, шумитъ и бурлитъ, глухо отдаваясь въ скалахъ. По бокамъ высятся каменныя громады, футовъ въ 90 высоты, отвѣсно спускающіяся къ Ленѣ, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ круто, почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ въ стороны, представляя далеко не безопасный проходъ тяжелымъ, глубокосидящимъ въ водѣ баржамъ. Кажется порой—вотъ, вотъ онѣ налетятъ на исполинскій утесъ и разобьются въ щепки, но пароходъ искусно лавируетъ, и надо дивиться только опытности, знанію, хладнокровію, съ какими старые, бывалые лоцмана ведутъ свое трудное дѣло.

Верстахъ въ трехъ стахъ широкой, бурной струей вливается въ Лену одинъ изъ ея главныхъ притоковъ, быстрый Витимъ. По берегу протянулось большое Витимское село, играющее такую видную роль въ жизни промысловаго рабочаго. Тутъ же, невдалекѣ, двѣ почтовыя станціи, носящія названія: „Парижа“ и „Лондона“.

Поводомъ къ такому оригинальному, не лишенному нѣкоторой доли иронія, прозвищу послужила, вѣроятно,

страстишка, питаемая жителями этихъ селеній ко всевозможнымъ нарядамъ, вечеркамъ, посидѣлкамъ и т. п. увеселеніямъ, причемъ, не занимаясь въ большинствѣ ни хлѣбопашествомъ, ни обычными въ крестьянскомъ быту работами, они, какъ передаетъ молва, добываютъ средства не совсѣмъ чистымъ путемъ, живя на счетъ опаиваемаго и обираемаго пріисковаго люда.

Разсказываютъ, что мѣстный исправникъ, какъ-то проѣздомъ, остановился на одной изъ этихъ станцій. Уступая усиленнымъ просьбамъ, онъ принялъ приглашеніе на вечеръ, дѣлаемый какимъ-то богатымъ поселенцемъ. Вечеръ былъ на славу. Расфранченные, напомаженные, накрахмаленные кавалеры и дамы лихо отплясывали подъ звуки доморощеннаго оркестра лянсье, кадрили и т. п.

На другой день, когда исправникъ садился въ лодку для дальнѣйшаго слѣдованія, физіономія одного изъ почтовыхъ ямщиковъ-гребцовъ показалась ему очень знакомой.

— Гдѣ это, братецъ, я тебя видѣлъ?.. Никакъ не могу припомнить,—спрашиваетъ онъ.

— А мы съ вашимъ высокоблагородіемъ вечорась французскую кадриль визави танцовали,—отвѣчалъ, улыбаясь, молодой, красивый парень.

До Мачи остается не болѣе полутораста верстъ... Еще восемь часовъ пути, и мы на мѣстѣ...

Вотъ показались первыя постройки резиденціи... По побережью раскинулись жилыя помѣщенія служащихъ и длинные, мрачные амбары, магазины, кладовыя...

На пароходѣ все полно ожиданіемъ. Матросы сбросили свои дорожные, закопченые армяки и облеклись въ чистыя матросскія куртки; немногочисленные пассажиры высыпали на палубу; на мачтѣ взвился флагъ съ вышитыми по голубому полю буквами: „Бр. Т—хъ“...

На-встрѣчу прошелъ, тяжело пыхтя и шумя громадными колесами, большой двухтрубный пароходъ „Иннокентій“, принадлежащій компаніи ленско-витимскаго товарищества. Съ берега прогремѣлъ привѣтственный выстрѣлъ, громко пронесясь надъ окрестностью. „Работникъ“ отвѣтилъ долгимъ, пронзительнымъ свистомъ и тихо подошелъ къ пристани...

Такъ какъ мое путешествіе еще не кончалось, и отъ цѣли поѣздки я былъ отдѣленъ 400-верстнымъ разстояніемъ, то первою моею мыслью, послѣ обычныхъ разспросовъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ, было разузнать о дорогѣ и о способахъ путешествія... Одинъ изъ служащихъ, оказавшійся человѣкомъ бывалымъ, любезно вызвался сообщить мнѣ обо всемъ, интересовавшемъ меня. Оказалось, что предстоящій мнѣ путь приходилось совершить верхомъ по вьючной дорогѣ, или, вѣрнѣе, тропѣ, проложенной гдѣ пришлось, гдѣ представлялась малѣйшая возможность движенію лошади, чрезъ горы, гати, топи, съ постоянными переправами черезъ горныя рѣчонки, въ это время года обыкновенно сильно бушевавшія.

Повинуясь естественному желанію быть скорѣе на мѣстѣ, я на другой день, сопровождаемый конюхомъ, выѣхалъ въ тайгу. Дорога, извиваясь, скользила то по

покатостямъ небольшихъ возвышенностей, то шла по краю неглубокаго оврага, то забиралась въ самую сердцевину густого перелѣска и черезъ полчаса снова выползала на открытую мѣстность, идя по равнинѣ.

Направо и налѣво начинался сосновый боръ; впереди, освѣщенныя лучами утренняго солнца, въ чистомъ воздухѣ высились безконечныя вершины Яблоноваго хребта. Чѣмъ дальше мы удалялись отъ рѣки, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе чувствовался зной, не умѣряемый уже присутствіемъ воды. Часа черезъ четыре пришлось подыматься по порядочной кручѣ въ гору. Привычныя къ подобному пути пріисковыя лошади смѣлою, твердою поступью взбирались съ камня на камень, ни разу не останавливаясь. Вотъ и вершина. Лучи солнца, нещадно палящіе внизу, какъ бы ослабѣли, разгоняемые небольшимъ, освѣжающимъ вѣтеркомъ. Останавливаешься, жадно втягивая въ себя горный воздухъ, и обводишь глазами окрестность. Видъ грандіозный, поражающій! Сердце бьется сильно, сильно; стоишь какъ будто на самой высшей точкѣ, какъ будто царишь надъ всѣмъ окружающимъ. Впереди, направо, налѣво, со всѣхъ сторонъ — горы; огромныя долины извиваются между ними; тамъ блеститъ серебряной лентой бурливая рѣчонка, то огибая нависшую надъ ней скалу, то вступая въ отлогости и исчезая за сосѣдней горой. Тропинка, по которой мы ѣдемъ, видна лишь передъ глазами; въ ста саженяхъ она уже затерялась среди словно рукой титана нагроможденныхъ другъ на друга камней; надъ головой опрокинулось свѣтло-голубымъ куполомъ необъятное небо, яркое солнце обливаетъ блещущими, сверкающими лу-

чами всю окрестность, вплоть до синѣющей, глубокой дали съ ея едва замѣтными, слабыми, дрожащими очертаніями. Вокругъ ни души... тихо... тихо... Коршунъ, почти не шевеля крыльями, плавно несется высоко въ воздухѣ, и при этой тишинѣ природы еще величественнѣе кажется чудная панорама!..

Насладившись зрѣлищемъ, спускаемся съ горы. Съ каждымъ шагомъ круче и круче. Изъ боязни перелетѣть черезъ голову, въ случаѣ, если лошадь споткнется, крѣпко затягиваешь поводья.

Лошадь мотаетъ головой.

— Да ты брось поводья-то! лучше будетъ. Ужъ она сама знаетъ, не бойсь, бережно спуститъ... Конь смирный, недаромъ утошникомъ прозывается!—замѣчаетъ мой провожатый, безпечно сидя какъ-то бокомъ на сѣдлѣ, свѣсивъ ногу и запаливая широчайшую трубку.

— Что это за утошникъ?—спрашиваю я.

— Да лошадь-то!.. Про нее говорю.

— Отчего же она прозвана утошникомъ?

— А потому самому, что на утокъ съ ней ходить повадно. Что твоя собака!..

Я поинтересовался узнать, какую помощь можетъ оказать лошадь въ такомъ, повидимому, вовсе не-лошадиномъ дѣлѣ.

— Да вотъ, примѣрно, ты охотникъ, любишь, значитъ, эту самую охоту... ну, взялъ, осѣдлалъ ее да и поѣхалъ, гдѣ утокъ прорва. У насъ есть такія мѣста. Подъѣхалъ этта къ берегу, слѣзъ да и идешь сзади ея, значитъ за лошадью, ружье на-готовѣ. Она идетъ тожъ,

траву пощипываетъ, уткамъ-то и не вдомекъ, — думаютъ конь какъ конь, чего его пужаться?—и не летятъ. Какъ намѣтилъ себѣ позицію, ну, и стопъ! сичасъ, значитъ, клади смѣло ей ружье на спину, аль подъ брюхомъ присядь, да и вали прямо въ кучу; она то-ись не шелохнетъ... не уйдетъ никуда и утокъ не напужаетъ... Выходитъ—скотина, скотина, а понимаетъ, что тебѣ надо! да и приспособлены же къ этому дѣлу! — заключилъ онъ, сильно сплюнувъ.

Я поглядѣлъ на моего утошника, какъ бы желая убѣдиться въ справедливости всего сказаннаго о немъ. Кудлатая, небольшая лошаденка дѣйствительно бережно спускала меня съ горы въ равнину. Еще верстъ 7, и мы на станціи. Несмотря на болѣе чѣмъ тридцативерстный переходъ, усталость, чувствуемая и отъ духоты, и отъ жесткаго казачьяго сѣдла, въ силу новизны своего положенія, на зимовье я пріѣхалъ сравнительно бодрымъ. Изба съ отдѣленіями для служащихъ и рабочихъ и примыкающими къ ней навѣсами для лошадей представляла мало утѣшительнаго. Закопченыя стѣны, всюду грязь, нечистота, полуразвалившіяся нары, мѣстами выбитыя стекла и вездѣ выцарапанныя ножемъ надписи, предупреждающія о безчисленныхъ паразитахъ, кишащихъ по всѣмъ угламъ,—вотъ характерные признаки разбросанныхъ по пути такъ-называемыхъ станцій, ночлегами которыхъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго, volens-nolens, приходится пользоваться.

Зимовщикъ, пожилой, нѣсколько обрусѣвшій тунгузъ. Охота на козулю, бѣлку, лисицу, разнаго рода дичь—его

обыкновенное лѣтнее занятіе. Нерѣдко въ своихъ странствованіяхъ по горамъ и лѣсамъ ему приходится наталкиваться на медвѣдя, съ которымъ привычный звѣроловъ смѣло вступаетъ въ бой, и кладетъ его выстрѣломъ своей мѣткой винтовки.

Останавливаемся, кормимъ лошадей и рано утромъ снова пускаемся въ путь.

День, какъ и вчера, превосходный. Утреннее солнце не жжетъ, вѣтерокъ такъ ласково, такъ пріятно щекочетъ лицо. Усталость за ночь прошла, ѣдешь бодро, весело всматриваясь въ окружающее. Виды тѣ же. Та же безконечная вереница протянувшихся горъ, тотъ же лѣсъ, темнѣющій своей густотой. Наступаетъ настоящая тайга. Вѣтерокъ все тише, тише и замолкъ совсѣмъ; солнце опять засіяло полнымъ полуденнымъ блескомъ, снова зажгло голову, накалило воздухъ. Становится душно, томитъ жажда. Вокругъ ни рѣчонки, ни озера, ни капли воды, однѣ лишь каменистыя горы, по которымъ звонко отдается стукъ лошадиныхъ копытъ. Появились оводы, шмели, и тучами закружились надъ лошадьми. Бѣдныя животныя на ходу безпрестанно обмахиваются хвостомъ, вздрагиваютъ всѣмъ тѣломъ отъ укуса, бьютъ задними ногами по брюху, желая согнать впивающихся въ тѣло враговъ. Напрасно! На смѣну однихъ являются другіе; тамъ и сямъ на шеѣ, на мордѣ показалась уже кровь.

— Экая погань!—ворчитъ конюхъ, обмахивая своего сѣрко:—и откуда берется ихъ эка пропасть? залѣпили коня-то совсѣмъ!

Дорога вступаетъ на обветшалую гать, брошенную

по болоту. Полусгнившія доски хлябаютъ подъ ногами; мѣстами ихъ и совсѣмъ нѣтъ, и лошадь по брюхо вязнетъ въ липкой, непересыхающей грязи, поминутно спотыкаясь. Ѣзда по гатямъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не мало на пути, самая гадкая, самая несносная. Привычныя лошади, спокойно поднимающіяся и спускающіяся по кручамъ, здѣсь то и дѣло проваливаются, рискуя сломать ноги. Выѣхали на твердую землю и вздохнули. Въ сторонѣ, шагахъ въ 10-ти отъ дороги, нѣсколько поселенцевъ, рабочихъ, расположились на отдыхъ. Небольшой, неизбѣжный во всякое время дня и ночи, костеръ тухнетъ, догорая. При нашемъ приближеніи они встаютъ и молча отвѣшиваютъ поклоны.

— Милый человѣкъ, дай-ка уголекъ! трубка, прахъ ее возьми, гаснетъ все!—говоритъ конюхъ, останавливая свою лошадь, съ которой обильно льется потъ.

Рабочій подаетъ горящій уголь.

— Спасибо, другъ! —Съ какого пріиска будете?

— Баснина и Катышевцева!—отвѣчаютъ.

— Такъ. А теперь-то куда?

— На Лену.

Двигаемся впередъ.

— Что это за люди?—спрашиваю.

— Да бѣглые.

— Какъ бѣглые?..

— Да, бѣглые съ пріиска. Не показалось знать. Становой аль смотрителя худы, забижаютъ, вотъ и бросили пріискъ, да и идутъ либо къ другому хозяину, либо на Мачу, а оттоль на Витимъ.

— Да развѣ ихъ не ловятъ, не задерживаютъ?

— Да чего ихъ ловить-то?.. Слови, а онъ опять убѣжитъ. Возня одна. Отрядные [1]) которыхъ и имаютъ (т.-е. ловятъ), да проку мало: либо въ больницѣ лежатъ, либо опять бѣгутъ, — такъ рукой и махнутъ. И то правда: задумалъ что нашъ братъ—безпремѣнно сдѣлаетъ, да и пословица живетъ: насильно милъ никто не бываетъ.

— А они дорогой не пошаливаютъ?

— Богъ милостивъ, ничего не слышно! Который годъ по здѣшнимъ мѣстамъ ѣзжу, а не слыхалъ. Да и гдѣ имъ! Сами-то отъ людей хоронятся, чтобъ какъ ненарокомъ не изловили. Нѣтъ, что неправду говорить, пока что смирно.

Я удивился.

Масса рабочихъ каждый годъ, при наступленіи лѣтняго сезона, получивъ при наймѣ задатки, —кто по лѣности, кто испуганный тяжелой работой, кто не уживаясь съ лицами, власть имущими, — бѣжитъ съ пріисковъ, переходя отъ одного владѣльца къ другому. На каждой станціи встрѣчаются оборванныя, суровыя, мрачныя лица поселенцевъ.

Дикая мѣстность, огромное разстояніе отъ зимовьевъ, безоружность служащихъ, часто для пріисковыхъ надобностей перевозящихъ по тайгѣ большія суммы, — все, казалось бы, покровительствовало грабежу, а между тѣмъ случаи какого бы то ни было насилія необыкновенно рѣдки, почти не слышны.

[1]) Начальники отряда казаковъ.

Что причиной подобнаго явленія? Личная ли трусость являющаяся какъ результатъ того подавленнаго, находящатося подъ вѣчнымъ страхомъ и гнетомъ положенія, въ какое поставленъ рабочій-поселенецъ, нежеланіе ли однимъ проступкомъ навлечь на себя серьезную кару и тѣмъ нарушить свое спокойное, сравнительно, бродяжничество съ мѣста на мѣсто, такъ излюбленное многими,— неизвѣстно, но только фактъ дѣйствительно существуетъ.

Слышенъ гдѣ-то впереди неопредѣленный шумъ. Ближе и ближе.

Штукъ 15 вьючныхъ лошадей, увѣшанныхъ шеркунцами, колокольчиками, бубенцами, двигается на-встрѣчу. Два дюжихъ конюха въ новыхъ, съ загнутыми за кушакъ углами, азямахъ и мѣховыхъ шапкахъ, сопровождаютъ этотъ, нестерпимо звенящій на всемъ пути поѣздъ пріисковой почты.

Пріѣхали на зимовье. Отдыхъ, кормёжка, снова дорога, зимовье, и такъ въ продолженіе шести томительныхъ дней. Остается еще одинъ тридцати-верстный переходъ, и я—у цѣли путешествія.

По обыкновенію, рано утромъ уже въ пути. Около часа должны быть на мѣстѣ, если счетъ моего провожатаго относительно разстоянія вѣренъ, хотя, по поговоркѣ, версты здѣсь: „баба мѣряла клюкой, да махнула рукой“. Мой чичероне попрежнему покоенъ, флегматиченъ; ни палящій зной, ни отвратительная дорога, ничто не возбуждаетъ съ его стороны ни малѣйшаго протеста. Загорѣлое лицо, съ щетинистыми усами, придающими выраженію что-то солдатское—просто и сурово. Какъ истый

конюхъ, онъ гораздо больше заботится о лошадяхъ, чѣмъ о себѣ.

Ѣдемъ, постоянно подымаясь въ горы и спускаясь въ долины; какую-то, ничтожную въ концѣ лѣта, а теперь разбушевавшуюся рѣчонку, съ трудомъ перешли вбродъ. Попались заброшенные, промытые пріиски съ чернѣющими остатками полуразвалившихся построекъ. Дома еще крѣпки, но стекла въ жилыхъ помѣщеніяхъ выбиты, тамъ повалилось крыльцо, здѣсь огромныя двери хлѣбнаго амбара еле держатся на сорванныхъ петляхъ. Кругомъ ни души, какъ будто все живое вымерло; въ сторонѣ высятся огромные торфяные и галечные отвалы.

На длинной волокушѣ [1]) протащили какое-то чиновное лицо, должно быть, горнаго исправника. Два казака трусятъ вслѣдъ на поджарыхъ лошаденкахъ. Тропинка круто поворачиваетъ въ сторону. Миновали выдавшуюся мысомъ часть скалы, и предъ нашими глазами представилась обширная долина. Въ глубинѣ, бѣлѣя на солнцѣ своими мазанками, виднѣется Вознесенскій пріискъ. Еще полчаса, и мы подъѣзжаемъ къ дому управляющаго.

Маленькій, тщедушный человѣчекъ, съ крошечными, бѣгающими глазками, съ жиденькой, неопредѣленнаго цвѣта бородкой на загорѣломъ лицѣ, въ поношенномъ коричневомъ, выцвѣтшемъ, пальто и большихъ, неуклюжихъ, кунгурскихъ сапогахъ, оказывается главнымъ упол-

[1]) Второй видъ экипажа, употребляемаго по таёжнымъ дорогамъ. Въ оглобли въ три сажени длиною впрягается лошадь. Противоположные концы ихъ (съ устроеннымъ на серединѣ мѣстомъ) тащатся, волочатся по землѣ. Отсюда и самое названіе.

номоченнымъ по всѣмъ промысловымъ дѣламъ братьевъ Т — хъ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ, мнѣ отвели помѣщеніе, и на другой день я уже проснулся почти своимъ человѣкомъ среди новой для меня окружающей обстановки.

Вознесенскій пріискъ считается однимъ изъ старинныхъ въ тайгѣ. Къ нынѣшнимъ владѣльцамъ перешелъ онъ послѣ смерти ихъ отца, потомственнаго почетнаго гражданина К. П. Т — ва, давно поселившагося въ Сибири и занявшагося золотопромышленностью, благодаря искони прославленнымъ богатствамъ страны и общей маніи, господствующей и до сей поры къ этому чрезвычайно выгодному предпріятію. Пріискъ оказался очень богатымъ по содержанію; дальнѣйшія раскопки открывали еще болѣе золота, что впослѣдствіи позволило, путемъ энергическихъ развѣдокъ, открыть, въ разстояніи тридцати верстъ, по рѣчкѣ Угаханъ, другой, названный въ честь старика „Константиновскимъ“.

Прослѣжу, вмѣстѣ съ интересующимся читателемъ, эту дѣятельность въ различные моменты ея проявленія.

II.

Картина пріиска.—Съемка золота.—Вольная каторга.—Пріисковыя помѣщенія: дома служащихъ, казармы рабочихъ.—Незатѣйливая пища.—Случай голоданія.—Владѣльцы и рабочіе.—Мысли, навѣянныя тяжелымъ положеніемъ рабочаго люда.—10-е сентября, день разсчета.—Что причиной наплыва рабочихъ на промысла.—Безотрадность, унылость пріисковой жизни.—Лѣто, осень и зима въ тайгѣ.—Карты, пьянство, оргіи.—Торговля спиртомъ.—Случаи сбыванія запрещеннаго товара.—Дѣло съ рубашками.—Просто открываемый ларчикъ.—Отсутствіе всякихъ экономическихъ началъ среди рабочихъ.—Сцены въ золотоприемной конторѣ.—Во время промывки на пріискѣ.—Явленія отрицательныя и положительныя.—Артели рабочихъ.—Цѣль оправдываетъ средства.—Выходъ съ промысловъ.—Витимъ, съ его притонами грязи, разврата и преступленія.—Дикій разгулъ.—Обнищалая жертва.—Лена весной.—Молчаливые трупы.—Непроглядная ночь сибирскихъ захолустій.—Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Въ разрѣзѣ, гдѣ разработываютъ пески, до семисотъ рабочихъ... Тутъ и плечистая, высокая фигура поселенца, приземистая фигура сибиряка, и широкое, скулястое, съ маленькими глазками, блестящими бѣлыми зубами, безусое и безбородое лицо тунгуса или якута, и красивый кавказскій профиль черкеса, обрамленный черной бородой, съ его черными выразительными, хотя и суровыми глазами, и татаринъ въ своей мурмолкѣ на бритой, вспотѣвшей головѣ и длинный, сухощавый, простоватый бѣлорусъ... Крики рабочихъ, громко отдаваемыя приказанія служащихъ, шумъ воды, грохотъ быстровертящагося барабана, стукъ копытъ и колесъ о помостъ машины,—все сливается въ одинъ общій гулъ и стоитъ надъ окрестностью.

Но вотъ наступаетъ урочная пора утренняго снятія

намытаго золота и обѣденный часъ рабочихъ. Вода остановлена, барабанъ инерціей повернулся еще разъ, два, глухо прошумѣвъ землей, каменьями, и стихъ... Таратайки остановились, тамъ и сямъ раздалось громкое лошадиное ржаніе, въ забояхъ тяжелыя кайлы опустились уже въ уставшихъ рукахъ покрытаго потомъ поселенца, шумъ и гамъ смолкли, работа прервалась для 2-хъ-часового отдыха.

Начинается съемка золота. Въ присутствіи станового, золотопріемщика, смотрителей машины, разрѣза и 2-хъ казаковъ, небольшими деревянными лопатками снимаютъ темноватую массу золотоноснаго песку вмѣстѣ съ приставшей къ нему грязью и кладутъ на важгерты, гдѣ снова начинается уже окончательная, чистой водой, тщательная промывка его особенными щетками.

Когда все готово и на бѣлыхъ доскахъ важгерта блеститъ чистый, безъ всякихъ примѣсей, видимыхъ для глаза, золотой песокъ,—его собираютъ, заключаютъ въ желѣзную банку, запираютъ на замокъ, накладываютъ восковую печать и несутъ, въ сопровожденіи казаковъ, въ золотопріемную контору, гдѣ взвѣшиваютъ, снова запираютъ въ крѣпкій, желѣзный, кованый сундукъ и вновь печатаютъ.

Процессъ съемки кончился. Народъ гурьбой повалилъ къ казармамъ, отстоящимъ отъ разрѣза версты на полторы, и начался дѣятельный процессъ насыщенія тощихъ, голодныхъ желудковъ. Благодаря неустанному семичасовому труду, аппетитъ у всѣхъ рѣшительно волчій. Въ это время весь пріискъ, насчитывающій порой болѣе ты-

сячи ртовъ, усиленно жуетъ и дробитъ зубами, часто крайне скудную, малопитательную пищу.

Обѣдъ отошелъ. Вставши рано, при первыхъ солнечныхъ лучахъ, рабочій сладко потягивается на грязныхъ нарахъ въ своемъ огромномъ сквозномъ балаганѣ; желаніе отдохнуть такъ законно, такъ естественно, сонъ уже летаетъ надъ его головой, смыкая глаза, уже начинаетъ рисовать передъ нимъ что-то покойное, хорошее, не имѣющее ничего общаго съ его настоящимъ положеніемъ; чувствуется такъ привольно, легко; забыта и суровая окружающая обстановка, и весь тяжелый гнетъ, чуть ли не съ колыбели тяготѣющій надъ бѣднымъ отверженцемъ; видятся знакомые образы, слышатся милые голоса, въ душѣ пробуждается что-то, напоминающее о быломъ, когда-то близкомъ сердцу, давно забытомъ, похороненномъ... какъ вдругъ рѣзкій ударъ призывнаго колокола, сразу оторвавъ отъ сладкихъ грезъ, возвращаетъ къ угрюмой, холодной дѣйствительности; снова шумитъ машина, ползутъ таратайки, вычищенныя землей желѣзныя кайлы блестятъ въ воздухѣ, снова кипитъ работа; снова онъ въ забоѣ и подъ жгучими, палящими лучами солнца измучиваясь, обезсиливая, покрываясь потомъ, и подъ сѣрымъ, ненастнымъ днемъ съ его свинцовыми облаками, моросящимъ какъ изъ рѣшета, назойливымъ, пронизывающимъ до костей дождемъ, словомъ: съ ранняго утра до поздняго вечера, снова тотъ же тяжелый пятнадцати-часовой трудъ, не даромъ окрещенный рабочими мѣткимъ, характернымъ прозвищемъ „вольной каторги“.

Вознагражденіе служащихъ и рабочихъ, практикуемое

на промыслахъ, общее для всей тайги системы рѣки Олекмы.

Рабочіе раздѣляются на два разряда: на надворныхъ и горныхъ. Къ первымъ относятся всѣ ремесленники: столяры, плотники, слесаря, кузнецы, портные, сапожники и т. п.; назначаемые по наряду: прислуга, банщики, конюха, сторожа при складахъ, амбарахъ, магазинахъ и т. д. Ко вторымъ: забойщики, возчики, свальщики, разборщики и промывальщики. Непосредственнымъ начальникомъ первыхъ, дающимъ каждый день въ контору отчетъ о ихъ дѣятельности, состоитъ надворный смотритель, а вторыхъ—становой, смотрители разрѣза, машины, отваловъ торфа, гальки и другихъ мѣстъ, смотря потому, гдѣ они находятся въ извѣстный день на работѣ.

Жилыя помѣщенія на пріискахъ, отличаясь спѣшной постановкой ихъ на мѣста, говорятъ скорѣе о чемъ-то временномъ, чѣмъ постоянномъ, и не обладаютъ даже тѣми необходимыми качествами каждаго дома: теплomъ и сухостью, въ которыхъ, при доходящихъ въ тайгѣ нерѣдко до 40^0 морозахъ и бушующихъ мятеляхъ, чувствуется настоятельная потребность [1]), и если изъ ряда такихъ дурно построенныхъ, плохо проконопаченныхъ зданій, нѣсколько выдѣляется, въ силу своей исключительной цѣли, пріисковая больница, то, съ другой стороны, казармы рабо-

[1]) Спѣшность является, во-первыхъ, вслѣдствіе желанія какъ можно скорѣе открыть работы, а во-вторыхъ, обусловливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по выработкѣ пріиска, строенія въ рѣдкихъ случаяхъ переносятъ на другія мѣста, въ большинствѣ же ихъ оставляютъ на произволъ судьбы.

чихъ, напоминая своимъ внѣшнимъ видомъ обширныя конюшни, и внутри представляютъ далеко не завидное зрѣлище.

Грязный сарай съ проходомъ по серединѣ, съ нарами по бокамъ, тускло освѣщаемый высоко поднятыми отъ пола небольшими окнами, въ которыхъ закопченныя, вѣчно немытыя стекла чередуются съ бычачьимъ пузыремъ, дурно сколоченный потолокъ, черезъ который въ ненастное время обильно просачивается дождь, падая внутрь постройки и внося съ собой неизбѣжную сырость, а съ ней и всевозможныя простудныя болѣзни—характеристическія особенности такихъ помѣщеній для рабочихъ, которые вообще держатся въ черномъ тѣлѣ. Къ казармамъ съ разныхъ сторонъ примыкаютъ бани и обширныя лѣтнія столовыя, представляющія огромный крытый навѣсъ на столбахъ, со столами и скамейками. Обѣденныя порціи съ своей незатѣйливой бурдой, солониной и не всегда хорошо выпеченнымъ хлѣбомъ, какъ видно, не вполнѣ удовлетворяютъ здоровымъ, крѣпкимъ желудкамъ рабочаго люда.

Проходя однажды мимо такой столовой въ сумеркахъ лѣтняго дня, мнѣ пришлось наткнуться на отвратительное зрѣлище, низводящее человѣка рѣшительно до состоянія животнаго. Подъ одной изъ скамеекъ я увидѣлъ черномазаго, грязнаго, въ какихъ-то лохмотьяхъ, давно потерявшихъ всякое подобіе одежды, скуластаго тунгуса, рабочаго, который, забравшись въ полутемноту, жадно грызъ своими крѣпкими, бѣлыми зубами какую-то, очевидно, уже брошенную кость, ворча какъ собака.

Что было причиной такого страннаго явленія, какъ не желаніе удовлетворить чувствуемый голодъ?

Помню, какое непріятное, щемящее впечатлѣніе произвела на меня эта сцена!.. Она и до сихъ поръ въ памяти. Какъ могла она имѣть мѣсто тамъ, гдѣ каждый день приносятъ около пуда намытаго золота (т.-е. отъ 10 до 15 тысячъ), гдѣ неустанный, тяжелый трудъ и безъ того нравственно приниженнаго и придавленнаго люда, убивая силы, находитъ себѣ покой лишь въ могилѣ?..

И въ то время, когда хозяева этихъ отверженныхъ, холодающихъ и голодающихъ существъ, навербованныхъ умѣлыми довѣренными на эту вольную каторгу, живутъ въ городахъ магнатами, тратя громадныя суммы на содержаніе своихъ затѣйливыхъ палаццо, на цѣлыя фаланги раболѣпствующихъ холоповъ-приживалокъ, катаются на тысячныхъ рысакахъ, завернувшись въ дорогія скунсовыя шубы,—бѣднякъ-рабочій и въ темнотѣ, смрадѣ глубокихъ шахтъ и ортъ, и въ открытомъ для всякихъ непогодъ разрѣзѣ, въ большинствѣ честно ведетъ свое дѣло, не жалѣя ни спины, ни рукъ, ни здоровья въ непосильномъ 15-ти-часовомъ трудѣ, добывая тотъ металлъ, благодаря которому льется въ мірѣ столько человѣческихъ слезъ!..

Что же, въ такомъ случаѣ, привлекаетъ на промысла массу рабочихъ?—спроситъ читатель.

Во-первыхъ, на пріиски нанимается преимущественно народъ, или не имѣющій никакой осѣдлости, безхозяйственный, у котораго ни за собой, ни предъ собой ни-

чего, или для котораго все трынъ-трава, „гдѣ ни жить — вездѣ грѣшить“ — чѣмъ дальше, тѣмъ лучше [1]).

Во-вторыхъ, надо же чѣмъ-нибудь заниматься, жить, питаться. Отъ крестьянскаго хозяйства отучила или тюрьма, или собственная распущенность, желаніе извѣдать иной, вольной жизни, дать свободу сдерживаемымъ страстямъ, а пріиски манятъ къ себѣ именно этой незнакомой, неизвѣданной жизнью, представляя возможность быстраго, легкаго обогащенія, дразнятъ своимъ широкимъ, буйнымъ разгуломъ; а тутъ довѣренные при наймѣ соблазняютъ выдаваемыми впередъ задатками, и роковой шагъ сдѣланъ, а разъ оторвался отъ почвы, переступилъ черезъ эту, порывающую почти всѣ связи съ остальнымъ міромъ, грань — и уже нѣтъ возврата. Опоры шатки, а трясина глубока и съ каждымъ днемъ все больше и больше втягиваетъ въ себя...

Положеніе служащихъ сравнительно лучше, хотя и здѣсь трехсотрублевое вознагражденіе крайне мизерно и не отвѣчаетъ тѣмъ многотруднымъ обязанностямъ, которыя несетъ на себѣ бѣднякъ — горный служащій.

Лѣтомъ, рано утромъ, онъ уже на работѣ и въ продолженіе цѣлаго дня терпитъ участь, почти равносильную рабочему-поселенцу. Сверху на него льетъ, пронизывая до костей, сентябрскій дождь или палитъ жгучими лучами іюньское солнце, ноги вязнутъ чуть не по колѣна

[1]) „Исправный“ хозяинъ-крестьянинъ никогда не нанимается на пріискъ, можетъ быть, въ силу пословицы: „лучше синица въ рукахъ, чѣмъ соколъ въ небѣ“; да и вообще между крестьянами утвердилось мнѣніе о пріискахъ и о лицахъ, нанимающихся на пріиски, какъ о чемъ-то „непутномъ“, „неладномъ“.

въ липкой, тяжелой грязи,—измученный, усталый, пошатываясь, переходитъ онъ отъ забоя къ забою, отдавая приказанія, слѣдя за ходомъ работъ.

Зимой онъ—въ глубокой, пятнадцати, двадцати-саженной шахтѣ или въ холодныхъ ортахъ. Покрывшаяся льдомъ, скользкая лѣстница спускаетъ его на дно; чѣмъ ближе книзу, тѣмъ атмосфера тяжелѣе и тяжелѣе, а сырость, стоящая въ воздухѣ, сквозь которую едва пробивается колеблющійся свѣтъ вонючаго ночника, обильно оставляетъ свои слѣды на платьѣ, на стѣнахъ шахты и разводитъ на земляномъ полу ея цѣлыя непересыхающія лужи. Нагибаясь, идетъ онъ по выбитымъ подъ землею корридорамъ; вотъ въ углу слышатся глухіе удары, блестятъ кайлы,—двое рабочихъ стоятъ у забоя. Фигуры ихъ, тускло освѣщаемыя скупымъ, еле-еле мерцающимъ свѣтомъ, мрачны, сосредоточенны, суровы. Подземелье, съ своимъ тяжелымъ воздухомъ, положило печать изнуренія на блѣдныя, испещренныя морщинами лица; глаза угрюмо смотрятъ изъ глубокихъ впадинъ; грязныя, мозолистыя руки какъ-то озлобленно поднимаютъ и опускаютъ въ воздухѣ тяжелыя кайлы, сильными ударами дробя промерзшую, съ трудомъ поддающуюся ихъ усиліямъ, твердую землю; со всѣхъ сторонъ ползутъ тачки, направляясь къ центральной бадьѣ, которая на проволочныхъ канатахъ, путемъ коннаго привода, выноситъ песокъ на поверхность; крики то слышатся вблизи, то гдѣ-то вдали, проносясь подъ сводами, замирая, исчезая въ глубинѣ длинныхъ, узкихъ корридоровъ... Надъ головой виситъ громадная масса земли, поддерживаемая деревянными стой-

ками, и мысль, что все это можетъ рухнуть, засыпать, погребсти подъ собой живого въ этой сырой, мрачной могилѣ, леденитъ кровь!..

Здѣсь, при этихъ условіяхъ, идетъ съ маленькими промежутками его пятнадцати-часовая дѣятельность и длится въ продолженіе нескончаемой сѣверной зимы.

Заброшенная въ глубь суровой сибирской тайги, отдѣленная громадными пространствами отъ остальныхъ людей, окруженная непроходимыми дебрями, эта жизнь представляетъ совершенно изолированный, своеобразный міръ, съ своими страстями, цѣлями и интересами.

Иная жизнь, иные общечеловѣческіе интересы какъ будто перестаютъ существовать здѣсь: крупныя событія, великія явленія, совершающіяся тамъ, гдѣ волнуется кровь, кипятъ страсти, бьетъ полнымъ, сильнымъ пульсомъ общественная жизнь,—проходятъ словно незамѣченными, не возбуждая интереса, не находя отголоска...

Здѣсь вѣковая тишина!

. . . . . .

Кружокъ людей замеръ на одномъ дѣлѣ, на однихъ интересахъ; съ этимъ дѣломъ онъ, путемъ 40-лѣтняго, неустаннаго служенія, свыкся, сжился, сроднился, ему отдаетъ всѣ свои наличныя силы и средства и внѣ его перестаетъ видѣть все, что могло бы возбудить, освѣжить его застывшій, одичалый, поглощенный односторонностью, мозгъ [1]).

[1]) Служащіе, проведшіе въ тайгѣ безвыѣздно 25, 30 и даже 40 лѣтъ жизни,—явленіе очень обыкновенное.

Развлеченій, которыя могли бы нѣсколько разнообразить эту тянущуюся изо дня въ день, унылую, монотонную жизнь, почти не существуетъ...

Пьянство, карты, развратъ – обыкновенныя явленія среди той обстановки, въ которую пріисковый людъ замкнутъ. На пьянство онъ отдаетъ свой послѣдній грошъ, въ карты проигрываетъ послѣднюю рубаху; за женщину, за удовлетвореніе животныхъ страстей, не задумается всадить ножъ своему же брату-поселенцу.

Тюрьма похоронила его на время; выпущенный изъ нея, онъ ожилъ, онъ хочетъ словно наверстать потерянное, хочетъ жить, жить „во всю“, насколько хватитъ средствъ и силъ. Подъемное золото даетъ ему средства; силы гибнутъ въ борьбѣ съ непосильнымъ трудомъ, чередующимся съ пьянствомъ. Низкая степень развитія, отсутствіе какихъ бы то ни было разумныхъ, отрезвляющихъ наслажденій [1]), одичалость, жизнь, на которую уже махнулъ рукой, указываютъ исходъ расходившимся страстямъ и подталкиваютъ по пути, ведущему или вновь на каторгу, или въ могилу...

Несмотря на строгое запрещеніе торговли спиртомъ, нарушеніе котораго ведетъ за собою немедленный разсчетъ, de facto она все-таки существуетъ и, благодаря

---

[1]) На рождественскихъ святкахъ иногда устраиваются, въ какомъ-нибудь заброшенномъ сараѣ, представленія съ неизбѣжнымъ „Царемъ Максиміліаномъ“, „Разбойниками“ и т. п. пьесами излюбленнаго народомъ репертуара; но эти спектакли, отличаясь крайнимъ цинизмомъ, не привлекаютъ зрителей. Послѣдними являются преимущественно служащіе, платя небольшую входную плату, которая всецѣло идетъ на попойку импровизованныхъ актеровъ.

тѣмъ баснословнымъ цѣнамъ, которыя держатся до сихъ поръ въ тайгѣ, составляетъ чрезвычайно выгодное предпріятіе,—такъ: за бутылку спирта сомнительнаго достоинства рабочій платитъ 10 и 15 р., за бутылку водки—5 и 8 р., за шкаликъ—1, 2 и даже 3 рубля. Во время добыванія огромнаго количества подъемнаго золота, попадавшагося при промывкѣ знаменитаго своимъ богатствомъ главнаго пріиска ленско-витимскаго товарищества, деньги стояли такъ низко, имѣли, сравнительно, такое небольшое значеніе, что бутылка спирта возвысилась до 30 и 40 рублей.

Средствъ для секретнаго сбыванія, со стороны служащихъ, практикуется много; иныя изъ нихъ отличаются изобрѣтательностью и нѣкоторой долей остроумія. Приведу на выдержку одинъ изъ таковыхъ, бывшій на моихъ глазахъ.

Жена одного горнаго служащаго занялась фабрикаціей обыкновенныхъ кумачныхъ русскихъ рубахъ и стала продавать ихъ рабочимъ. Несмотря на то, что въ пріисковомъ магазинѣ такого рода вещей всегда огромный запасъ, и притомъ гораздо дешевле, рабочіе толпой повалили къ квартирѣ М. съ требованіями, увеличивающимися съ каждымъ днемъ. Долго недоумѣвали, что значитъ эта неимовѣрная популярность среди рабочаго люда дурно скроенныхъ, кое-какъ, на живую нитку сшитыхъ рубахъ, и когда просто открываемый ларчикъ обнаружилъ всю суть дѣла, то оказалось, что вмѣстѣ съ продаваемой рубашкой рабочему подносился всегда стаканъ водки, и это-то обстоятельство, главнымъ образомъ, и

было причиной того небывалаго успѣха, какой въ короткое время пріобрѣла компанія Г. М. съ матеріальнымъ, давшая изобрѣтателямъ, разумѣется, огромныя выгоды.

По окончаніи дневной промывки, тѣ изъ счастливцевъ, которымъ удалось добыть подъемное золото, являются для сдачи его. У каждаго изъ нихъ въ зажатомъ кулакѣ, въ грязной тряпкѣ, въ какой-нибудь бумажонкѣ, большее или меньшее количество цѣннаго металла.

Начинается пріемка.

Большимъ молотомъ, въ особенной мѣдной чашѣ, изъ самородка выбивается порода, т.-е. тѣ постороннія частицы, которыя пристаютъ въ скважинахъ, затѣмъ кусокъ взвѣшивается на вѣсахъ, дѣлается разсчетъ, и рабочему объявляется общая сумма.

Къ столу подходитъ здоровенный, плечистый поселенецъ, весь день проработавшій на свалкѣ и изъ кармана широчайшихъ шараваръ вытаскиваетъ вѣскій, золотниковъ въ 60, самородокъ.

— 57 р. 60 к., — объясняетъ золотопріемщикъ. — Въ листикъ?!..

— Нѣтъ, Альбертъ Ляксандрычъ, зачѣмъ все въ листикъ... Надо и намъ... пообносились тоже!..

— Говори.

— Запишите азямъ...

Азямъ записывается.

— Сапоги кунгурскіе, хорошіе, потому больше на своей подошвѣ ходишь!.. теперь, масла 10 фунтовъ, сахару 15, чаю два кирпича, поддужный колоколецъ...

— Да куда тебѣ все это?.. Вѣдь завтра опять придешь въ контору...

— Ужъ запишите, А. Л., сдѣлайте милость, потому безпремѣнно нужно.

На смѣну его, одинъ за другимъ показываются новыя лица, заявляются новыя требованія; среди нихъ скуластый, коротенькій, вѣчно немытый тунгусъ. Въ грязнѣйшей тряпицѣ онъ принесъ мелкій золотой песокъ.

— Въ забоѣ намылъ, небось?..

— Зашѣмъ мылъ!.. Моя поднялъ... Тибѣ говорю... поднялъ, — подтверждаетъ онъ, видя недовѣрчивое лицо пріемщика.

— 11 р. 20 коп.—Что надо?

— Сахаръ шатыре фунтъ...

— Любишь сладко-то?

— Дальше?

— Далшэ пиши бродня! Крѣпко таскалъ!..—говоритъ онъ, показывая развалившіяся подметки громадныхъ, неуклюжихъ бродней.—Остался мало-мало... На лыстикъ пиши.

Тутъ же молодая, раскраснѣвшаяся бабенка.

— Ты откуда могла добыть?.. Гдѣ Богъ сподобилъ?!

Въ толпѣ хохотъ. Слышатся намеки.

Золота оказывается на 40 рублей, которые всѣ сполна записываютъ въ листикъ.

— Завтра, гляди, опять сюды!

— Вѣстимо.

— Кажинный день по эстолько—денегъ ворохъ унесетъ при разсчетѣ?!..

— Не намъ чета... Не пропьетъ!

Часто одинъ и тотъ же рабочій, взявшій за недѣлю, на деньги подъемнаго золота, до 30 фунтовъ масла, болѣе полупуда сахару, нѣсколько фунтовъ чаю, два азяма, пять, шесть паръ сапоговъ, кушаковъ, колокольцевъ и т. п., на слѣдующей недѣлѣ записываетъ себѣ тоже масло, сахаръ, чай, азямы, сапоги и т. д. Въ разгаръ дѣятельности на главномъ пріискѣ ленско-витимскаго товарищества, въ концѣ 60-хъ годовъ, эти требованія поражали своимъ крайнимъ безобразіемъ; рабочіе кичились, щеголяли другъ передъ другомъ своею разнузданностью.

Во время полдника, когда работы прекращались на полчаса, для отдыха, въ разрѣзѣ, подъ открытымъ небомъ приготовлялся чай, причемъ въ котлы съ кипящей водой всыпалось по нѣскольку фунтовъ чаю, бросались цѣлыя головы сахару, и все это сопровождалось общимъ шумомъ, гамомъ и ликованьемъ; спиртъ, покупаемый такой дорогой цѣной, истреблялся въ огромномъ количествѣ; золото за ничтожную цѣну перепродавалось на чужіе пріиски; платья, обуви хватало только на одинъ день, послѣ чего оно, какъ негодное, бросалось и замѣнялось новымъ,— рабочій словно одурѣлъ, потерялся среди того богатства, какое было разсыпано вокругъ и гдѣ стоило только нагнуться, чтобы поднять цѣнный, вѣскій самородокъ [1]).

Хотя время это теперь принадлежитъ уже къ области воспоминаній, но и въ данную минуту, при сравнительно

---

[1]) Тогда пріискъ намылъ въ одинъ лѣтній сезонъ около 400 пудовъ золота; самородки, попадаясь въ огромномъ количествѣ, нерѣдко достигали 2 и 3 фунтовъ вѣса.

мѣньшихъ промысловыхъ богатствахъ, рабочій по существу остался тѣмъ же. И теперь рѣдкій изъ нихъ оставитъ деньги на рукахъ конторы; большинство не выйдетъ изъ нея до тѣхъ поръ, пока послѣдній рубль не пойдетъ ребромъ на пріобрѣтеніе какого-нибудь шеркунца или бубенца, въ которомъ онъ рѣшительно не имѣетъ никакой надобности.

Побудительные мотивы такого легкаго, если не болѣе, отношенія, питаемаго ими къ тому, что въ нашъ вѣкъ считается чуть ли не тѣмъ рычагомъ, который способенъ повернуть весь міръ, кроются какъ въ немъ самомъ, такъ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ поставленъ. Рабочій не знаетъ, къ чему послужатъ ему накопленныя деньги. Переходъ отъ излишества къ нищетѣ его не пугаетъ; онъ привыкъ къ послѣдней болѣе, чѣмъ къ первому. Въ большинствѣ онъ—бобыль, у котораго нѣтъ ни своего угла, ни родныхъ: они или умерли, или не примутъ въ свою среду преступнаго отщепенца, или гдѣ-нибудь далеко, куда ему „и крылья связаны, и пути всѣ заказаны“. Сегодня онъ живъ, а завтра обрушившаяся шахта или трехсотпудовая бадья, сорвавшаяся съ канатовъ, расплющила буйную голову, стерла съ лица земли его жалкое существованіе. Сегодня онъ здоровъ, а завтра —ноги, нѣсколько недѣль стоявшія по колѣна въ грязи, водѣ, уже получили задатки сильнѣйшаго ревматизма или покрылись язвами разлагающей цынги, столь обыкновенной на промыслахъ; рѣзкій, холодный вѣтеръ продулъ насквозь, осенній дождь пронизалъ до костей... Съ работы —въ лазаретъ, а послѣ того зачастую безъизвѣстная, за-

брошенная въ далекой сѣверной тайгѣ, одинокая могила одна лишь является нѣмымъ признакомъ погибнувшей силы. Жизнь ушла, вся поглощенная горемъ да нуждой; ни откуда ни свѣта, ни привѣта, и вспомянуть нечѣмъ. Пока живъ и здоровъ—и пожить вволю!—вотъ заключительный философскій выводъ, къ которому въ концѣ концовъ приходитъ промысловый рабочій...

Есть между ними и положительныя явленія, но они рѣдки и, составляя капли, тонутъ въ общемъ морѣ. Эти капли организуются преимущественно изъ лицъ, явившихся на промыслы съ исключительною мыслью „сколотить деньгу“ и нерѣдко, во имя поставленной предъ собою цѣли, не брезгающихъ никакими средствами. Встрѣчаемыя артели такихъ рабочихъ, со старостой во главѣ, держатся особнякомъ, деньги идутъ только на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей—ни пьянства, ни картежной игры не допускается. Нарушившій условіе изгоняется изъ среды, „какъ паршивая овца, могущая заразить все стадо“.

Проработавъ годъ, два и болѣе, артель распредѣляетъ заработокъ и направляется по домамъ. Въ большинствѣ она принадлежитъ одному селенію, волости, губерніи и извѣстна на пріискахъ подъ собирательнымъ именемъ: „вологжанъ“, „пермяковъ“, „тобольцевъ“ и т. д. Для увеличенія средствъ, независимо отъ задѣльной платы, они нерѣдко перекупаютъ золото, продаютъ другимъ рабочимъ и вообще пользуются всѣми болѣе или менѣе запрещенными способами „набиванія мошны“. Разсчетный

листикъ ихъ всегда чистъ. „Заслуга“ вписывается полной цифрой, выдача почти отсутствуетъ. Пропивающійся и проматывающійся рабочій людъ сильно не долюбливаетъ этихъ „кулаковъ“, и случаи проявленія злобы, ненависти первыхъ къ послѣднимъ выражаются при каждомъ удобномъ случаѣ.

Какъ только наступилъ день 10-го сентября, пріисковый людъ побрелъ по домамъ, но онъ далеко не попадаетъ домой. „Витимъ“ и побережныя ленскія села и деревни не выпустятъ изъ своихъ лапъ драгоцѣнной добычи, и такъ или иначе, лаской или насиліемъ, сдѣлаютъ свое обычное дѣло ограбленія.

Эти поселенія, съ своими кабаками, харчевнями и всевозможными притонами грязи, разврата и преступленія, служатъ исходнымъ пунктомъ, гдѣ рабочій-поселенецъ, вырвавшись изъ желѣзныхъ тисковъ тяжелаго пріисковаго труда, празднуетъ свою недолгую праздничную свободу. Жители селъ изъ года въ годъ, какъ небесной манны, ждутъ 10-го сентября—день, съ которымъ масса прибывающаго промысловаго люда даетъ имъ богатый источникъ дохода.

Рѣдко кто проходитъ мимо раскинутыхъ повсюду сѣтей. Всевозможныя увѣренія, предложенія, обманъ, наглость, хитрость, — всѣ средства употребляются для заманиванія простодушнаго, легко поддающагося соблазну, поселенца. Не устоялъ бѣднякъ въ борьбѣ, и ядовитый паукъ уже обвилъ его своей страшною нитью, уже впустилъ жало, уже сосетъ горячую кровь. Дикій разгулъ

начался и царитъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней вездѣ и всюду. Ублажаемый рабочій, окруженный со всѣхъ сторонъ кабатчиками, различнымъ пропойнымъ людомъ, продажными женщинами, соритъ направо и налѣво деньгами. Все въ эту минуту кажется для него возможнымъ, исполнимымъ: то онъ валяется въ грязи, обновя армякъ, рубаху, сапоги; то закупаетъ десятки аршинъ ситцу, кумачу и, постилая ими дорогу къ кабаку, идетъ по этому ковру; то нанимаетъ двухъ, трехъ оборванныхъ музыкантовъ и шествуетъ по улицамъ села, увеличивая съ каждымъ шагомъ толпу пьяныхъ прихлебателей; то безчинствуетъ, разбивая въ лавкѣ какую-нибудь посуду и щедро расплачиваясь за нее, словомъ—извѣстное русское „ндраву не препятствуй“ царитъ въ полномъ блескѣ; разгулъ идетъ широкій, могучій, безъ воли, безъ удержу, пока послѣдняя трудовая, облитая потомъ и кровью, добытая путемъ приниженія, холода и голода, копѣйка не станетъ вверхъ ребромъ!..

Но наступаетъ минута пробужденія, и бѣдная жертва не имѣетъ возможности даже опохмѣлить свою пылающую, отяжелѣвшую голову. Всталъ онъ, обвелъ помутившимися глазами вокругъ—никого изъ недавнихъ друзей-прихлебателей. Отъ обнищалаго отстранились—трехсотъ, четырехсотъ рублей едва хватило на два, на три дня. Грубая хозяйка гонитъ даже изъ сырого, вонючаго подвала, не желая ни минуты оставлять у себя промотавшагося, видѣвшаго себя богатымъ какъ во снѣ, теперь никуда негоднаго поселенца.

Куда идти?!.. Рубашка въ лохмотьяхъ, армякъ въ клочьяхъ!—Вздохнулъ бѣднякъ своей больной, искалѣченной прежде времени нуждой-злодѣйкой да долей-горемъ грудью и, махнувъ рукой, снова закабалился на только-что покинутый, ради дорогой, желанной свободы, тяжелый, неустанный, каторжный трудъ!..

Случается, что иные долго крѣпятся, не поддаваясь соблазнамъ; таковыхъ опаиваютъ дурманомъ и сонныхъ обираютъ дочиста, не стѣсняясь ничѣмъ, не брезгая даже преступленіемъ.

Многоводная Лена каждую весну несетъ по теченію, прибивая къ берегу, раздѣтые, съ явными слѣдами насилія трупы: фактъ краснорѣчивъ, но молчаливы жертвы—не просыпаются отъ могильнаго сна, не обличаютъ преступниковъ. Говорятъ, въ послѣдніе годы за этимъ стали наблюдать, разгулъ со всѣми своими мрачными картинками уменьшился, принялъ другія, болѣе мирныя формы; но въ недавнемъ еще прошломъ все описываемое спокойно процвѣтало подъ покровомъ непроглядной ночи, царящей надъ далекимъ сибирскимъ захолустьемъ,—да и вопросъ, прекратилось ли все это?.. Со многими изъ золъ мы, казалось, распростились навсегда, закопали въ землю да еще и осиновый колъ вбили, чтобы не могло больше на свѣтъ Божій показаться, а глядишь — зло попрежнему свободно разгуливаетъ по всему лицу широкой Русской земли, лишь личину измѣнило, не бьетъ въ глаза какъ прежде, умѣло концы въ воду хоронитъ, а мы или умышленно проглядѣли, или просто, по слѣпотѣ, не замѣ-

чаемъ его. Какъ бы то ни было, но нельзя не пожелать, чтобы этотъ вѣковой мракъ, наконецъ, прорѣзалъ лучъ свѣта, жизни, обновленія, чтобы забитое, подавленное положеніе пріисковаго рабочаго люда разрѣшилось поступательнымъ движеніемъ въ область иного, менѣе тяжелаго, горькаго обиднаго существованія.

АМУРСКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

(По разсказамъ очевидца [1]).

Открытіе Калифорніи на китайской сторонѣ, близъ Игнашиной, недавно обратило на себя особое вниманіе даже европейской печати. Объ открытіи богатѣйшихъ пріисковъ, не уступающихъ Калифорнійскимъ и привлекшихъ массу русскихъ и китайцевъ, возвѣщено было телеграфомъ. Исторія этихъ пріисковъ возбудила живое вниманіе не однимъ только тѣмъ, что здѣсь открыты были богатства, но и самой оригинальной исторіей возникновенія золотопромышленной колоніи. Какъ извѣстно, сюда стеклось самое разнообразное населеніе, создавшее свою организацію, нравы, установившее извѣстныя правила. Это была золотопромышленная колонія, соединившая болѣе 10.000 народа на незанятой землѣ, внѣ русскихъ владѣній. Словомъ, это была международная Калифорнія, соединившая ороченовъ, китайцевъ, русскихъ и, наконецъ, привлекшая авантюристовъ всякихъ другихъ племенъ. Въ числѣ разныхъ лицъ, появившихся въ Калифорніи, находились отставные чиновники, бывшіе исправ-

[1]) Эта статья перепечатывается безъ измѣненій изъ „Сибирскаго сборника“ книга I-ая, приложенія къ Восточному обозрѣнію за 1886 г.

ники, и все это соединилось съ массой рабочихъ, бѣглыхъ каторжниковъ и т. п. Открытыя богатства вызвали сильный притокъ туда русскаго населенія, что̀ угрожало принять еще бо̀льшіе размѣры, если бы не положили предѣла этому русскія власти, а также вмѣшательство китайскихъ властей, получившихъ свѣдѣнія объ открытіи Калифорніи черезъ насъ. Китайцы, пославъ войска, разорили нынѣ эту Калифорнію, русскіе рабочіе удалились, съ китайцами учинена расправа и казни. Но быстрое возникновеніе Калифорніи и жизнь ея въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ представила столько оригинальнаго, что мы искали случая собрать о ней свѣдѣнія.

Одинъ изъ очевидцевъ и участниковъ въ основаніи этой колоніи, игравшій въ своеобразной администраціи Калифорніи важную роль, доставилъ намъ любопытный разсказъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе золота, а нашъ корреспондентъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ ея.

Какъ проявленіе колонизаціонныхъ стремленій русскихъ, это явленіе заслуживаетъ вниманія. Недавно разсказъ о Желтугинской Калифорніи появился уже въ „Revue française de l'étranger et des colonies“. Русскій журналъ, печатающій извлеченіе изъ этого изданія, сожалѣетъ, что русская печать, занятая болѣе замыслами Бисмарка и князя Баттенберга, чрезвычайно мало обратила вниманія на дѣятельность своихъ русскихъ людей на окраинѣ. Мы постараемся настоящей статьей пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что во французское сообщеніе вкрались большія неточности и невѣрности.

Въ 1883 году, раннею весною, въ станицу Игнашину, на Амурѣ, верстъ на 70 ниже сліянія Шилки и Аргуни и на 730 выше Благовѣщенска, явился къ мѣстному купцу и мелкому золотопромышленнику Середкину инородецъ-ороченъ, извѣстный подъ именемъ Ваньки. Этотъ ороченъ бродитъ съ незапамятныхъ временъ по лѣсамъ Хинганскаго хребта, расположеннаго въ предѣлахъ Китайской имперіи, на правомъ берегу Амура, и заходитъ отъ времени до времени въ Игнашину, Покровку и другія близлежащія станицы за покупкой необходимыхъ припасовъ или для обмѣна ихъ на добытыя имъ звѣриныя шкуры. Явившись въ Игнашину, Ванька сообщилъ Середкину, что нѣсколько дней тому назадъ онъ хоронилъ свою мать и, выкапывая ей могилу, совершенно случайно натknулся на нѣсколько самородковъ золота, которое сейчасъ же и показалъ, добавивъ, что за незначительное вознагражденіе укажетъ это мѣсто, съ условіемъ, чтобы трупъ его матери, похороненной тамъ, оставался въ совершенномъ покоѣ. Середкинъ имѣлъ въ это время на русской сторонѣ, близъ Игнашиной, заявленный и отведенный въ его собственность пріискъ, который нѣкоторое время работался, но, за неимѣніемъ средствъ и незначительнымъ содержаніемъ въ немъ золота, работы на немъ были прекращены; этимъ-то пріискомъ, надо полагать, онъ задумалъ воспользоваться, чтобы имѣть возможность, если только золото на китайской сторонѣ окажется дѣйствительнымъ, записывать его по своимъ пріисковымъ журналамъ и сдавать какъ бы добываемое на своемъ прежнемъ пріискѣ, на русской

сторонѣ. Для этого онъ, условясь окончательно съ орочеными Ванькою, посылаетъ съ нимъ довѣреннаго своего Лебедкина и рабочихъ. Лебедкинъ, придя на указанное ему проводникомъ мѣсто, выбиваетъ первый шурфъ, въ которомъ на 23 четверти получаетъ прекрасную пробу; съ этой пробой онъ является обратно и чрезъ нѣсколько дней, запасшись необходимыми припасами и инструментами, пускается снова въ тайку уже для производства работъ. Много ли онъ намылъ золота—никто не знаетъ, но извѣстно только то, что чрезъ нѣкоторое время Лебедкина увезли чуть живого на русскую сторону (онъ пилъ запоемъ), а часть взятыхъ имъ припасовъ и инструментовъ была возвращена Середкину, часть же расхищена рабочими, оставшимися тамъ продолжать работы на собственный счетъ. Понятно, что открытіе пріиска не было секретомъ для окрестныхъ казаковъ, являвшихся туда для покупки и сбыта золота. Увлеченіе легкою наживою со стороны молодыхъ казаковъ встревожило старыхъ казаковъ-хлѣбопашцевъ, и они рѣшили постановить этому преграды. Былъ собранъ сходъ, на которомъ рѣшили воспретить всѣмъ безъ исключенія казакамъ столицы Игнашиной промышлять на китайскомъ пріискѣ, но позволить имъ заниматься доставкой и продажею припасовъ находящемуся тамъ рабочему люду. Изъ этого мудраго постановленія вышло, что и волки были сыты, и овцы остались цѣлы, такъ какъ доставкою припасовъ могъ заниматься каждый казакъ, безъ различія лѣтъ, имѣвшій лошадей, которыхъ здѣсь, какъ и во всѣхъ амурскихъ станицахъ, не знающихъ недостатка въ сѣнѣ, было до-

статочно. То же самое сдѣлала и станица Покровка съ Амазаромъ. Оставалось еще только одно—привлечь, какъ можно скорѣе, побольше рабочаго люда и этимъ самымъ пріобрѣсти потребителей на припасы и людей, нуждающихся въ передвижной силѣ. Наступило лѣто, а съ нимъ и усиленное движеніе разнаго народа изъ одного конца въ другой: переселенцевъ, бѣглыхъ каторжныхъ, наконецъ массы пробирающагося изъ Иркутской и Забайкальской областей свободнаго люда, желающаго продать свой трудъ за большое вознагражденіе. Вся эта движущаяся толпа, проходя черезъ Игнашину и Покровку, слышала разсказы казаковъ объ открытіи невиданнаго еще по богатству золота, и многіе изъ нихъ отправлялись сейчасъ же по указанному имъ пути, а нѣкоторые, болѣе недовѣрчивые, пробираясь далѣе вверхъ и внизъ по Амуру, разглашали всюду и вездѣ объ открытомъ богатствѣ, такъ что въ іюнѣ и въ іюлѣ слухи о существованіи китайскихъ пріисковъ распространились уже по всему Амуру и Забайкальской области, да еще съ такими грандіозными преувеличеніями о богатствѣ ихъ, что каждому такъ и грезилось, что стоило, будто бы, только взять на лопату песку, промыть его, и счастливецъ уже получалъ чуть ли не съ ½ фунта золота. Вслѣдствіе этого всякій, имѣвшій хотя какую-нибудь возможность отправиться, стремился въ „золотую“ землю. Къ тому же въ Благовѣщенскъ возвратилось оттуда нѣсколько рабочихъ „удачниковъ“, которые разсказывали, по всей вѣроятности, хвастовства ради, о богатствѣ, о легкости добычи. Прошло еще недѣли двѣ, и нѣсколько такихъ

слуховъ, подлившихъ только масла въ огонь, побудили массу ремесленниковъ и служащаго люда бросить мастерскія и занятія и ѣхать туда, гдѣ ихъ ждало счастіе; въ сентябрѣ съ послѣдними пароходами появилась въ Благовѣщенскѣ и команда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ находящихся здѣсь золотопромышленныхъ компаній Ниманской, Бутинской, Верхне-Зейской и другихъ. Этотъ пріисковый людъ, услышавъ объ открытіи, поторопился поскорѣе пропить заработанные тяжелымъ трудомъ гроши и, очистивъ карманы, пустился въ Игнашину. Такимъ образомъ, въ самое короткое время число рабочихъ возросло до нѣсколькихъ тысячъ. Вслѣдъ за этой тысячной толпой потянулся мелкій торговый людъ. Забравъ съ собой сухарей, мяса, хлѣба, водки, спирта и необходимыхъ инструментовъ, они открыли свою дѣятельность. Для примѣра сообщу цѣны на нѣкоторые предметы, по которымъ надѣляли явившіеся благодѣтели рабочихъ: мясо, бывшее въ продажѣ въ Благовѣщенскѣ не дороже 4 рублей, продавалось 12 руб. Сухари, стоившіе 3 р. 20 к., продавались 10 и 11 руб. Топоръ, вмѣсто 5 р., продавался за 10 руб., лопата—за 10 руб., листъ кровельнаго желѣза, стоившій 1 р. 10 к., продавался за 10 р., буторнаго (котельнаго)—80 р., бочка изъ-подъ вина, для возки воды, 20 рублей; бутылка Ланинской шипучей воды, носившей названіе „шампанскаго“,—12 руб.; свѣчи доходили до 4 р. за фунтъ; бутылка водки 1 р. 50 к. и не ниже 1 рубля; за коньякъ, хересъ, мадеру и другія вина (большею частью амурскаго производства фирмы Хлѣбникова) брали кто сколько могъ, но не менѣе 5 рублей;

при этомъ надо еще принять во вниманіе, что разсчетъ производился золотомъ, а не кредитными рублями, которыхъ у насъ не было; принималось же это золото за товаръ въ большинствѣ случаевъ, въ первое время, не дороже 3 р. 50 к. за золотникъ, тогда какъ сами кулаки продавали его на Сахалинѣ (манджурская деревня противъ Благовѣщенска) не дешевле 4 рублей, такъ что, кромѣ неслыханнаго процента на товаръ, они еще получали, по меньшей мѣрѣ, коммиссіонныхъ по 50 коп. за размѣнъ золотника.

Въ это прекрасное время я, грѣшный человѣкъ, одержимый получившей значеніе эпидеміи въ Восточной Сибири золотою лихорадкою, увлекся и поплылъ вмѣстѣ съ житейской волной туда, гдѣ, какъ говорили, не сѣютъ, не жнутъ, а только жатзу собираютъ. Пріѣхавъ въ Игнашину, я прежде всего удивился тому необыкновенному движенію и разгулу, которымъ была полна эта въ прежнее время скромная станица. Улицы были полны разношерстнаго народа, снующаго съ гармоніями въ рукахъ изъ одного кабака въ другой. Въ кабакахъ здѣсь недостатка не было. Квартиръ свободныхъ въ станицѣ совершенно не оказывалось; даже уголъ какой-нибудь, гдѣ бы можно было переночевать, приходилось съ трудомъ выпрашивать за небывалую цѣну. На слѣдующій день я познакомился съ начальникомъ телеграфной станціи, который въ свое время игралъ видную роль въ калифорнійскихъ дѣлахъ. При открытіи Калифорніи, когда находившіеся тамъ хищники больше боялись распоряженія русскихъ властей, нежели китайскихъ, они заискивали въ

расположеніи у этого начальника телеграфной станціи, зная, что всякое приключеніе, касающееся ихъ, не будетъ секретомъ для телеграфа. Это-то заискиваніе дало поводъ начальнику станціи назвать себя горнымъ исправникомъ вольнаго пріиска. Впрочемъ, въ мой пріѣздъ этотъ „горный исправникъ“ былъ въ опалѣ и вслѣдствіе этого лишенъ своего „званія“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, права являться на пріискъ. Причиной этой немилости были, какъ мнѣ говорили, поборы, которые онъ учинялъ въ средѣ команды, на золотую печать и блюдо для поднесенія „кому-то“. Злые языки болтали, что золота собралъ онъ порядочно, хотя печать съ блюдомъ, въ силу какой-то случайности, не вышла; за эту-то случайность онъ и попалъ въ немилость. Получивъ отъ него нужныя мнѣ свѣдѣнія, я въ тотъ же день нанялъ за 15 руб. верховую лошадь и отправился изъ Игнашиной. Переправившись черезъ Амуръ, мнѣ пришлось проѣхать верстъ пять лугомъ, а затѣмъ тропинка пошла долиною, поросшей густымъ лѣсомъ, по которой бѣжала небольшая рѣка. Путь продолжать надо было шагомъ, потому что конь то-и-дѣло спотыкался о валежникъ и пни погорѣвшаго или вырубленнаго лѣса, или же вязнулъ въ болотѣ и съ трудомъ вытаскивалъ свои ноги.

Мнѣ привелось въ первый разъ одному очутиться среди этого дѣвственнаго, взлелѣяннаго вѣками, лѣса, и, правду говоря, меня обуялъ почему-то страхъ; я ѣхалъ въ какомъ-то забытьѣ, не давая себѣ отчета въ своемъ предпріятіи. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, я услышалъ издалека разносимый эхомъ крикъ и понуканіе ло-

шадей вьючнаго транспорта, вышедшаго изъ Игнашиной много раньше меня. Нагнавъ его, я увидѣлъ, что состоявшіе при немъ ямщики всѣ очень хорошо вооружены. Это обстоятельство волей-неволей напомнило мнѣ, что мы находимся здѣсь не въ безопасномъ положеніи, и что каждый пришедшій сюда долженъ беречь свою собственную голову, такъ какъ здѣсь одинъ только законъ—законъ сильнаго. Послѣ этого транспорта мнѣ пришлось уже всю дорогу встрѣчать много разнаго люда съ котомками на плечахъ. Но временной страхъ проходилъ, когда я съ удивленіемъ видѣлъ какое-то единеніе, равенство, которое было такъ ясно замѣтно въ средѣ этой разношерстной толпы. Здѣсь не было различія каторжнаго отъ правоспособнаго гражданина, здѣсь все смѣшивалось во что-то общее, нераздѣльное, а веселые разговоры и шутки, вертящіеся всѣ на одномъ и томъ же интересѣ, такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

По пріѣздѣ на пріискъ, я остановился у одного моего знакомаго, который и повѣдалъ мнѣ о житьѣ-бытьѣ пріискателей. Населеніе на пріискѣ въ это время достигло приблизительно до трехъ тысячъ душъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, тысяча—бѣжавшіе ссыльно-каторжные. Работы на пріискѣ производятся на правахъ отчасти артельной и отчасти индивидуальной собственности. Каждому вступающему въ артель вмѣняется въ обязанность производить работу со всѣми прочими членами наравнѣ. Капиталъ для покупки жилища, инструментовъ, коня и прочихъ принадлежностей вноситъ каждый поступающій въ товарищество на паяхъ поровну, за что и получаетъ

изъ имѣющаго добываться золота ежедневно причитающуюся часть, за вычетомъ расходовъ на его содержаніе. Вновь вступающій членъ можетъ быть принятъ только съ согласія всей артели. Каждый изъ членовъ артели, пожелавшій по законнымъ причинамъ не явиться на работу, обязанъ ранѣе, за день до своего отсутствія, нанять за себя, на свой счетъ, поденщика. Если нанятый поденщикъ окажется неспособнымъ работникомъ, то членъ товарищества, нанявшій его, лишается въ этотъ день своего пая, а товарищество уплачиваетъ ему только за поденщика. Каждый членъ, пожелавшій по какимъ-либо причинамъ оставить участіе въ товариществѣ, обязанъ прежде всего предложить свой пай артели, которая, уплативъ ему его стоимость, нанимаетъ за свой счетъ поденщика и прибыль дѣлитъ между собой. Если же товарищество не пожелаетъ купить продаваемый пай, то обладателю его предоставляется полное право продать его кому-либо за цѣну произвольную, и товарищество не имѣетъ права отказаться отъ принятія въ свою среду новаго владѣльца. Собственникамъ предоставляется право имѣть неограниченное число рабочихъ, которымъ они обязаны дать, кромѣ всѣхъ инструментовъ, какіе понадобятся для работы, жилище и полное содержаніе; жалованье же обязаны имъ платить по условленной нормѣ. Часть рабочихъ называлась „половинщиками“, такъ какъ получала обыкновенно половину добываемаго золота. На пріискѣ существуетъ трое старостъ, несущихъ на себѣ эту обязанность, какъ общественную повинность, безъ жалованья. Служба такихъ старостъ продолжается не

болѣе двухъ недѣль, ибо къ концу этого срока они обыкновенно попадаются въ какомъ-либо воровствѣ и бѣгутъ съ пріиска, или же, если не успѣютъ бѣжать, подвергаются тѣлесному наказанію, послѣ чего выбирается другой до перваго такого же случая. Промывка золота на пріискѣ производится двоякимъ способомъ: или на ручныхъ бутарахъ, или же на лоткахъ.

Разсказъ моего пріятеля долго длился, немного было веселаго въ немъ, такъ что мной уже начиналъ овладѣвать страхъ за будущее. Назавтра, когда я вышелъ изъ зимовья, мнѣ представилась крайне оригинальная картина. Въ долинѣ между двухъ высокихъ горъ, по направленію отъ ю.-з. къ с.-в., тянулась небольшая рѣчка, носящая названіе у ороченъ „Желта“ и переименованная русскими рабочими, вслѣдствіе того, что въ ней найдено золото, въ „Желтугу“. Рѣчка эта, какъ я узналъ, вытекаетъ изъ находящагося верстъ на 7 выше не особенно крутого хребта, а потому и теченіе ея можно назвать почти что тихимъ. Длина ея достигаетъ до 16 верстъ, глубина на мѣстѣ работъ—до $^1/_2$ аршина. Вливается она въ такую же небольшую рѣчушку, извѣстную подъ именемъ Малой Албазихи, составляющей притокъ Большой Албазихи. На одномъ изъ уступовъ, по склону лѣвой горы, на довольно высокомъ мѣстѣ, было построено въ два ряда, улицею, около 60 зимовьевъ и около 20 разбросанныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, на противоположномъ склонѣ. Зимовье—это обыкновенный срубъ изъ бревенъ, законопаченный со всѣхъ сторонъ мхомъ; для сохраненія теплоты, сверху насыпаютъ на бревна, замѣняющія собою

крышу, достаточное количество земли; полъ же, большею частью, земляной и только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ сдѣланъ изъ бревенъ, слегка стесанныхъ съ верхней стороны и настолько плотно уложенныхъ, насколько это позволяетъ ихъ первобытная правильность. Постройка такого жилища въ 4 саж. шир. и длины и 3 арш. выш. стоила здѣсь до 200 руб. Мѣсто, гдѣ стояли эти въ улицу выстроенныя зимовья, считалось главнымъ станомъ и носило названіе „Орлово поле“, вслѣдствіе того, что при самомъ возникновеніи Калифорніи здѣсь былъ выстроенъ кабакъ, у котораго собирался праздный людъ и тутъ же происходила извѣстная между рабочими игра въ „орлянку“. Съ Орлова поля прекрасно виденъ весь разрѣзъ (т.-е. мѣсто работъ) и работающіе, которые, за дальностью разстоянія, кажутся какой-то движущейся разношерстной лентой. Нѣсколько ниже этого мѣста были расположены, на подобіе фанзъ, зимовья работавшихъ здѣсь китайцевъ, у которыхъ былъ свой староста и свои законы.

Народу на улицѣ Орлова поля была тьма. Крикъ, пѣсни, ругань, пьяные — все это смѣшивалось вмѣстѣ и представляло картину, невиданную мною до сего времени. Опустившись внизъ къ разрѣзу, я обошелъ пространство въ два конца по обѣ стороны рѣки, около шести верстъ, гдѣ было выбито, по крайней мѣрѣ, до 400 ямъ на 6-ти-саженномъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ онѣ были почти одной глубины, отъ 24-хъ до 30-ти четвертей, и тянулись по руслу рѣки и отчасти по ея берегамъ, занимая мѣсто шириною до 20-ти саженъ.

Работа велась здѣсь ортами, т.-е. подземной системой, а не открытымъ разрѣзомъ, и обыкновенно каждый рудокопъ считалъ свою яму только тогда выработанной, когда онъ со всѣхъ четырехъ сторонъ встрѣчался корридорами со своими сосѣдями. Въ этомъ случаѣ собственникъ или артель брались за другую имъ принадлежащую и подготовленную къ работѣ яму. Подобныхъ ямъ у собственниковъ, а также и у артелей, было по нѣскольку, и такая система вредно отзывалась на общей массѣ, потому что у иныхъ счастливцевъ было по шести ямъ съ богатымъ содержаніемъ, а у иныхъ при такомъ же количествѣ, а иногда даже и большемъ, не было ни одной съ содержаніемъ даже ниже бѣднаго. Если при этомъ принять во вниманіе, что срокъ пребыванія на китайской сторонѣ не былъ опредѣленъ, то обезпечивать себя на продолжительное время выгодными работами не представлялось надобности, тѣмъ болѣе, что на глазахъ у насъ раззорялись сотни бѣдняковъ въ поискахъ за золотомъ, тогда какъ другіе счастливцы продавали собственникамъ свои излишнія богатыя ямы за довольно значительную цѣну; такъ, напримѣръ, шурфъ, или пространство около 4 кв. саж., продавался за 2.000 и 2.500 руб. По совѣту одного удачника и съ общаго одобренія, я рѣшился купить продававшійся случайно за 400 руб. китайскій шурфъ, сулившій много богатства, причемъ сдѣлалъ условіе съ однимъ изъ промышленниковъ, въ силу котораго онъ давалъ мнѣ, сколько понадобится, человѣкъ изъ числа своихъ рабочихъ, помѣщеніе у себя и необходимые инструменты. Заплативъ 400 руб. китай-

цамъ, я лихорадочно принялся за работу, но, увы, на 22 четверти въ основаніи этого шурфа оказался громадный утесъ, который мнѣ не удалось преодолѣть. Мое положеніе было подобно положенію многихъ другихъ неудачниковъ. Оставалось одно средство — искать новую яму, но только уже не путемъ покупки, а, найдя свободное мѣсто, выбить на счастіе шурфъ, и это нужно было торопиться дѣлать, ибо Амуръ покрылся льдомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и эмиграція принимала все болѣе серьезные размѣры. На протяженіи всего тракта отъ Иркутска, эмигранты тянулись непрерывной лентой, причемъ только счастливцамъ удавалось дѣлать иногда по 40 верстъ въ сутки на почтовыхъ лошадяхъ, ибо таковыхъ, за сильною гоньбою, совершенно загнали, и ямщики, вслѣдствіе этого, отказывались возить. На каждой изъ почтовыхъ станцій вы могли встрѣтить по 40 человѣкъ, жившихъ тутъ отъ трехъ до пяти сутокъ, въ ожиданіи очередныхъ лошадей; вольные же ямщики, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ проѣзжающихъ, брали по 15 руб. за станокъ, а эту цѣну не каждый могъ заплатить. Почтовая администрація, осаждаемая массой требованій такихъ торопящихся проѣзжающихъ, не имѣя возможности удовлетворить ихъ за ограниченностью передвижныхъ силъ, должна была обратиться за разрѣшеніемъ этого безвыходнаго положенія къ высшему начальству, отъ котораго послѣдовало приказаніе не выдавать лошадей имѣющимъ подорожныя до Покровки и Игнашиной, а вмѣстѣ съ этимъ власти распорядились вывѣсить на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ объявленія, которыя гласили, что каж-

дому отправляющемуся на китайскій пріискъ предлагается возвратиться обратно, ибо на конечныхъ пунктахъ этого странствованія онъ будетъ задержанъ поставленными отъ войскъ кордонами и препровожденъ на мѣсто жительства. Это распоряженіе не привело, понятно, къ желаемому результату, а только нѣсколько уменьшило эмиграцію путемъ почтоваго передвиженія, такъ какъ болѣе догадливые стали брать подорожныя до ближайшихъ городовъ, а не до Покровки и Игнашиной, что стоило только нѣсколькими рублями дороже; съ такими подорожными они получали опять право на почтовыхъ лошадей, и уличить ихъ въ желаніи пробраться на китайскій пріискъ почтовая администрація не имѣла возможности; тѣ же, кто былъ попроще и имѣлъ средства, складывались по нѣскольку человѣкъ и, купивъ лошадь, отправлялись на ней; неимѣющіе же средствъ пробирались образомъ пѣшаго хожденія, результатомъ чего было ежедневное появленіе на пріискѣ отъ 100 до 150 человѣкъ новыхъ промышленниковъ, ибо военныхъ кордоновъ, о которыхъ говорилось въ объявленіяхъ, на самомъ дѣлѣ, на конечныхъ пунктахъ не было. Населеніе пріиска къ декабрю возросло такимъ образомъ до 5,000 человѣкъ. Зимовья росли какъ грибы. Въ это время ихъ было болѣе 400 штукъ. Строились они правильной улицею, въ два ряда, у самаго разрѣза. Впослѣдствіи эта улица получила названіе „Милліонной“, такъ какъ это мѣсто работъ оказалось однимъ если не изъ самыхъ богатыхъ, то по крайней мѣрѣ самыхъ выгодныхъ, потому что золото на этомъ пространствѣ, около двухъ верстъ, тянулось

правильной розсыпью, почему и шурфы, находившіеся здѣсь, были почти одинаковаго богатства, а этимъ достаткомъ низовье у Орлова поля не обладало: тамъ было видно присутствіе только гнѣздового золота. Явились сотни бѣглыхъ карійцевъ и цѣлая фаланга разнаго темнаго люда. Съ появленіемъ этихъ аферистовъ, игроковъ, шулеровъ и вообще всякаго пошиба туристовъ, пришедшихъ сюда ловить рыбу въ мутной водѣ, у насъ начали быстро строиться и необходимыя для ихъ операцій учрежденія, какъ-то: гостинницы, кабаки, игорные дома; появился звѣринецъ и цѣлая труппа жонглеровъ, фокусниковъ, гимнастовъ, наѣздниковъ, два оркестра музыки и нѣсколько органовъ. Въ чемъ намъ могли позавидовать нѣкоторые, такъ это въ томъ, что у насъ существовало „оффиціально“ маленькое Монте-Карло, которое, впрочемъ, попросту носило названіе „Читы“. Это было одно изъ обширнѣйшихъ и не въ примѣръ прочимъ приличное зданіе, въ которомъ находилось три комнаты. Въ первой изъ нихъ былъ буфетъ съ яствами и оркестръ, во второй — столовая для желающихъ поужинать (здѣсь задавали ужины по цѣнѣ, которой и самъ Борель позавидовалъ бы); третья же, которая была болѣе двухъ первыхъ комнатъ, представляла изъ себя арену, гдѣ состязались игроки. Въ этой комнатѣ игра производилась на двухъ столахъ; на одномъ изъ нихъ царствовалъ самъ „штосъ“, а на другомъ—прекрасная рулетка. Однажды, подойдя къ первому изъ нихъ, я увидѣлъ, что по срединѣ его лежало, на подобіе небольшой пирамиды, фунтовъ около 30-ти золота, а вокругъ него весьма симметрично разложены

были кредитные билеты, достоинствомъ отъ 100 и до 10 руб.; у стола помѣщалось человѣкъ пять банкометовъ съ картами въ рукахъ, всегда готовыхъ къ услугамъ желающихъ сорвать этотъ завидный банкъ. На второмъ столѣ картина та же, только съ прибавленіемъ рулетки. Въ этомъ „Монте-Карло“ проигрывались большія деньги, и мнѣ самому приходилось видѣть, когда простой крестьянинъ ставилъ по 4.000 руб. на карту и, ничуть не смущаясь, проигрывалъ эту сумму, въ дѣйствительности представлявшую для него цѣлое богатство, на которое онъ могъ прекрасно обставить свое сельское хозяйство и прожить безбѣдно всю жизнь. Подъ неумолкаемую музыку, подъ вѣчный пиръ многіе, бросившіеся безотчетно въ этотъ омутъ разгульной, полной безразсудства жизни, забывали здѣсь все то, что было когда-то дорого и свято. Здѣсь каждый зналъ себя и думалъ только о себѣ. А между тѣмъ народъ все прибывалъ, пріискъ все больше населялся. Цѣны на необходимые предметы еще болѣе повысились, вслѣдствіе того, что спросъ съ каждымъ днемъ все усиливался, а предложеніе оставалось то же. Каждый день на пріискѣ совершались сперва кражи, затѣмъ появлялся грабежъ съ насиліемъ, наконецъ и убійства. Многіе несчастные, имѣвшіе всего по нѣскольку золотниковъ золота, покончили съ жизнью тамъ, гдѣ думали пріобрѣсти средства къ упроченію своего благосостоянія. Много такихъ труповъ, о которыхъ только смутно ходили слухи по пріиску, лежало по близости въ лѣсахъ, куда ихъ сносили и гдѣ они по долгому времени ждали появленія вѣчнаго жителя этихъ непроходимыхъ дебрей,

звѣря, который по частямъ убиралъ эти непогребенныя тѣла. Пока не грянетъ громъ, до тѣхъ поръ и не перекрестится мужикъ. То же случилось и съ нами, калифорнійцами. Въ декабрѣ былъ убитъ, уже на самомъ пріискѣ, поваръ артели бѣжавшихъ ссыльно-каторжныхъ карійцевъ. Убійство, какъ видно изъ обстоятельствъ, было совершено съ цѣлью грабежа, такъ какъ у повара имѣлось около 50-ти золотниковъ золота, которыхъ при немъ не оказалось. Преступникъ покончилъ со своею жертвою небольшимъ 4-хъ-фунтовымъ молоткомъ, найденнымъ тутъ же, у мѣста преступленія, и, какъ видно было по совершенно обезображенной головѣ убитаго, послѣдній долженъ былъ получить не менѣе 40 ударовъ этимъ инструментомъ, ибо вся голова была какъ бы вдавлена вовнутрь, а черепъ былъ разломанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ такъ сильно, что изъ трещинъ его сочился мозгъ. Этотъ-то случай заставилъ призадуматься не только болѣе степенныхъ, но даже и тѣхъ, которые, увлекаясь разгульной жизнью, не имѣли возможности размышлять надъ печальными послѣдствіями царствовавшаго произвола. Вѣсть объ этомъ звѣрскомъ преступленіи быстро разнеслась по пріиску, и почти каждый калифорніецъ шелъ туда, гдѣ лежало тѣло убитаго, чтобы во-очію убѣдиться въ происшедшемъ и поговорить о мѣрахъ предупрежденія такихъ случаевъ. Въ это время на пріискѣ было междуцарствіе, такъ какъ служившіе тогда старостами поселенецъ Шадринъ и отставной солдатъ Ѳедоровъ сбѣжали на русскую сторону, ибо были уличены въ лихоимствѣ по нѣкоторымъ дѣламъ. Въ виду этого произвести

дознаніе по дѣлу убійства никто не рѣшался, потому что команда вся была въ такомъ наэлектризированномъ состояніи, что малѣйшая оплошность слѣдователя могла принести ему Богъ знаетъ какія непріятности. По этимъ-то причинамъ тѣло пролежало дней шесть, и въ это время команда рѣшила выбрать на пріискѣ одно какое-нибудь извѣстное лицо, которое могло бы самостоятельно ввести дисциплину и порядокъ. Рѣшено было предоставить выбранному полную власть надъ всѣми, какъ находящимися въ Калифорніи, такъ и тѣми, которые будутъ находиться въ мѣстахъ, лежащихъ на китайской сторонѣ и примыкающихъ въ Желтугинскому пріиску. Былъ назначенъ день, въ который собрались довѣренные отъ всей команды, и, послѣ многихъ преній, большинствомъ голосовъ былъ выбранъ я. На другой день депутаты, посланные отъ команды, явились ко мнѣ съ хлѣбомъ-солью и поздравленіемъ по случаю избранія моего въ первые правители Желтугинской, какъ они называли, республики. Несмотря на все нежеланіе мое принять на себя эту обязанность, я положительно не имѣлъ возможности представить имъ законной причины, на основаніи которой я могъ бы уклониться отъ этого званія, такъ какъ команда заранѣе соглашалась на всѣ тѣ мѣры, которыя будутъ мною введены на пріискѣ для охраненія спокойствія и порядка, обѣщая во всѣхъ случаяхъ оказывать полное содѣйствіе, въ отношеніи выполненія приказанія, какъ мнѣ, такъ и тѣмъ, которые будутъ признаны мною за достойныхъ помощниковъ. Выборъ помощниковъ я предоставилъ также всей командѣ и старался уговорить

калифорнійцевъ сдѣлать общественную службу для избираемыхъ лицъ, въ матеріальномъ смыслѣ, нѣсколько интересною, назначивъ для этого помощникамъ жалованье. Я зналъ, что нужны будутъ средства, но сразу установить какіе-либо налоги съ рабочаго на первое время мнѣ казалось рискованнымъ. Матеріальныя же средства, для введенія на пріискѣ порядка, необходимы были въ значительныхъ размѣрахъ; а такъ какъ денежная поддержка со стороны рабочихъ представляла много затрудненій, то пришлось, по общему совѣту, за таковой обратиться исключительно къ торгующему элементу, при помощи котораго можно было достигнуть желаемаго результата простѣйшимъ способомъ. Только-что возникшему управленію выгоднѣе и безопаснѣе было имѣть дѣло съ лицами купеческаго сословія, и при ихъ поддержкѣ существованіе здѣсь нашего новаго управленія было съ матеріальной стороны обезпечено. Затѣмъ осталось еще только одно — это укрѣпить имѣющее учредиться управленіе со стороны чисто формальной, т.-е. заставить команду присягою и подписями признать существованіе и власть надъ собою какъ людей, ими выбранныхъ, такъ и правила, которыя будутъ этими людьми вводимы. Для того, чтобы успѣшнѣе совершить это, мы пришли къ заключенію, что составленный нами законъ не долженъ носить на себѣ по своей редакціи формально-сухой, канцелярскій характеръ. На этомъ-то основаніи законъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи носилъ на себѣ своеобразный, по контрасту съ исполнявшими его, характеръ. Онъ былъ исключительно основанъ

„на добромъ словѣ“, которое многимъ калифорнійцамъ памятно развѣ только изъ воспоминаній ихъ дѣтства, проведеннаго въ колыбели, быть можетъ, на глазахъ любящихъ матерей, во всю же ихъ долгую послѣдующую жизнь, по разнымъ острогамъ и рудникамъ, этимъ несчастнымъ, кромѣ ругани тюремнаго смотрителя и пинковъ конвойныхъ, не приходилось ничего слышать, вслѣдствіе чего, при введеніи такимъ образомъ составленнаго закона, мы разсчитывали достигнуть лучшихъ результатовъ. Прежде всего мы раздѣлили пріискъ по числу зимовьевъ на пять участковъ (получившихъ впослѣдствіи названіе штатовъ), и предложили каждому участку, по обоюдному согласію находящихся въ немъ жителей, выбрать изъ своей среды на 4-хъ-мѣсячное служеніе двухъ старшинъ, предупредивъ при этомъ избиравшихъ, что выборы должны быть совершены съ крайнею осторожностью, ибо каждый выбранный старшина станетъ въ будущемъ самостоятельно рѣшать всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ произойти между жителями выбравшаго его участка, и поэтому только люди извѣстные своею справедливостью и честностью имѣютъ право на положеніе, дающее имъ власть и возможность быть защитниками слабыхъ и поборниками правды. Для этого въ каждый участокъ была послана бумага, въ которой было написано приблизительно слѣдующее: „Мы, люди разныхъ званій, поселившіеся самовольно на китайской сторонѣ для добычи золота, общимъ сходомъ отъ такого-то числа рѣшили установить на пріискѣ нашемъ, въ обезпеченіе безопасности, порядокъ и дисциплину, для чего и вы-

брали, на томъ сходѣ, большинствомъ голосовъ, въ правители такого-то, отдавъ ему полную власть на расправу съ тѣми изъ среды нашей, которые за простуики свои заслужатъ какое бы то ни было наказаніе. Такой-то участокъ промышленниковъ Амурской Калифорніи, подтверждая своими подписями означенный выборъ, проситъ не отказать принять эту обязанность и признать предъявителей сего такихъ-то на 4-хъ-мѣсячную общественную службу нашими старшинами". Чрезъ нѣсколько дней, пять такихъ экземпляровъ были возвращены мнѣ подписанными, а съ ними явились и помощники въ числѣ 10 человѣкъ (по два изъ участка), изъ которыхъ двое были китайцы, выбранные жившими на пріискѣ китайцами, образовавшими особые участки. Такъ сформировался совѣтъ правленія Амурской Калифорніи—изъ десяти человѣкъ старшинъ и одного правителя. Точно сообщить написанный законъ я не имѣю возможности, такъ какъ копіи у меня не сохранилось, и за внезапностью отъѣзда я не успѣлъ переписать его, а потому ограничусь сообщеніемъ только того, что еще сохранилось въ памяти. „Такого-то года, мѣсяца и числа,—говорилось въ желтугинскомъ статутѣ, —мы, артели и собственники вольныхъ промысловъ въ Амурской Калифорніи, памятуя слово, заповѣданное намъ нашимъ великимъ учителемъ Сыномъ Божіимъ и Господомъ Богомъ: „Люби ближняго своего, какъ самого себя", и слѣдуя этому христіанскому ученію, оставленному намъ въ святомъ Евангеліи, ведущемъ насъ къ миру и благостямъ жизни земной, спасенію и вѣчности въ царствіи небесномъ, дерзаемъ помощью Всевышняго неотступно

трудиться на пользу ближняго нашего, дабы совратившихся наставить на путь истинный и устранить этимъ самымъ неугодныя Богу дѣла, совершаемыя многими изъ среды нашей, заблудившимися во мракѣ прегрѣшеній и забывшими слова заповѣдей: „не убей“ и „не укради“. Обратившись съ теплою молитвою къ Господу нашему о неоставленіи насъ слабыхъ на трудномъ пути, предначертанномъ намъ, мы безпрекословно вѣримъ и отдаемся въ руки не какъ властолюбивымъ начальникамъ, а какъ достойнѣйшимъ изъ среды нашей и помнящимъ слово Божіе, учившее насъ правдѣ и справедливости, нашимъ выбраннымъ, что мы подписями и мысленно присягой подтвердили, такіе-то“. Затѣмъ написанное слѣдовало по пунктамъ:

1) Команда рѣшила выбранному правителю положить жалованье въ размѣрѣ такомъ-то, предоставивъ ему при этомъ право назначать по своему личному усмотрѣнію выбраннымъ старшинамъ ежемѣсячное вознагражденіе по степени ихъ заслугъ; средства же на пополненіе этихъ и прочихъ могущихъ быть расходовъ должны взиматься съ находящихся на пріискѣ купцовъ, трактиросодержателей и кабатчиковъ въ размѣрѣ, который управленіе найдетъ нужнымъ установить.

2) Каждый, нанявшійся какъ на казенные, такъ и на частные промыслы, обязанъ озаботиться о своевременной явкѣ на нихъ, и тѣ изъ артелей и собственниковъ, у которыхъ такія лица проживаютъ, должны не позже 1-го марта заявить объ этомъ участковому старшинѣ для

высылки означенныхъ лицъ съ пріиска и для препровожденія ихъ на мѣста службы.

3) Въ средѣ пришедшихъ сюда съ желаніемъ честно трудиться, чтобы имѣть возможность обезпечить въ будущемъ безбѣдное существованіе какъ самого себя, такъ и оставленной на родинѣ семьи, на пріискѣ появилось много лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, скитающихся по кабакамъ и трактирамъ, ведущихъ постоянно нетрезвую жизнь и занимающихся нечестно игрою въ карты, что̀ вредно отзывается по пагубному примѣру своему на общей массѣ рабочаго люда, а вслѣдствіе этого команда обязана для собственной пользы и спокойствія указывать управленію означенныхъ лицъ для высылки ихъ съ пріиска.

4) Игра въ карты на одежду, инструментъ и припасы первой необходимости, а также пріемъ означенныхъ предметовъ подъ залогъ безусловно на пріискѣ воспрещаются подъ строгою отвѣтственностью, ибо многіе вслѣдствіе этого лишаются необходимаго и впадаютъ въ положеніе, заставляющее ихъ совершать преступленія.

5) Каждый, имѣющій на пріискѣ какую-либо торговлю, обязанъ вывѣсить у себя надъ зимовьемъ, по подписаніи сего чрезъ три дня, флагъ; тѣ же изъ торгующихъ, кои не сдѣлаютъ этого, будутъ оштрафованы въ пользу нуждъ желтугинской команды отъ 25-ти до 100 рублей.

6) При взиманіи пошлинъ за право торговли каждый торгующій обязанъ требовать отъ лица, уполномоченнаго

на сборъ управленіемъ, квитанцію изъ имѣющейся у него для этого квитанціонной книжки за печатью управленія и подписью правителя, въ полученіи съ него пошлины; эта квитанція должна быть прибита на видномъ мѣстѣ принадлежащей ему лавки или вообще торговаго заведенія.

7) Каждая артель имѣетъ право подъ работы въ новомъ мѣстѣ выбить шурфъ, занимающій не болѣе одной квадратной сажени, съ тѣмъ, однако, чтобы къ борту этого шурфа можно было прирѣзать по $1^1/_2$ сажени съ каждой его стороны; если же разстояніе между работающими уже ямами не будетъ соотвѣтствовать этой мѣрѣ, то въ такомъ случаѣ закладка какой бы то ни было работы въ означенныхъ мѣстахъ на пріискѣ строго воспрещается.

8) Въ виду того, что многіе прибывающіе сюда, не имѣя возможности подыскать себѣ, въ силу разныхъ причинъ, труда, находятся въ настоящее время въ крайне бѣдственномъ положеніи, управленіе, напоминая объ этихъ несчастныхъ командѣ, сообщаетъ, что имѣющіяся у нѣкоторыхъ артелей въ неопредѣленномъ количествѣ ямы, а также и пріямки, находящіяся по сіе время безъ производства на нихъ какихъ-либо работъ, за неимѣніемъ у владѣльцевъ таковыхъ рабочей силы, а также и денежныхъ средствъ,—будутъ отданы для разработки пришедшимъ сюда честнымъ и трезвымъ труженикамъ, которые могли бы этимъ самымъ пріобрѣсти насущный кусокъ хлѣба и лишній грошъ для возвращенія обратно на родину. Объявляя объ этомъ командѣ и надѣясь на чело-

вѣколюбіе русскаго человѣка, всегда сочувственно относившагося къ нуждамъ ближняго своего, управленіе начнетъ раздачу этихъ мѣстъ чрезъ 7 дней по подписаніи сего, а потому до этого срока предоставляется право всѣмъ артелямъ и собственникамъ, принадлежащимъ къ разряду владѣльцевъ, имѣющихъ неопредѣленное количество ямъ и пріямковъ, оставить за собою только тѣ мѣста, гдѣ уже производится работа: на девять человѣкъ двѣ запасныя ямы, на 18 человѣкъ четыре и на 27 шесть ямъ; всѣ же излишнія будутъ считаться общественнымъ достояніемъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ и будутъ раздаваться по мѣрѣ нуждъ разнымъ лицамъ.

9) Всѣмъ вновь прибывающимъ артелямъ и собственникамъ вмѣняется въ обязанность явиться въ управленіе для прочтенія и подписанія означеннаго закона. Тѣ же изъ нихъ, которые по истеченіи трехъ дней со дня прибытія ихъ въ территорію Калифорніи, считающейся съ мѣста праваго берега Амура, лежащаго противъ русской станицы Покровки и внизъ по теченію до станицы Игнашиной, не явятся для подписанія его, будутъ обвиняемы какъ нежелающіе подчиниться закону желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи.

10) Всѣмъ вновь прибывающимъ артелямъ и собственникамъ воспрещается устанавливать на мѣстахъ, гдѣ производятся работы, всякія приспособленія, требующіяся для промывки золота, а указываются имъ для установки означенныхъ предметовъ свободныя мѣста, находящіяся

у борта разрѣза производящихся работъ, потому что съ наступленіемъ тепла подработанное пространство, не выдержавъ тяжести наваленнаго на него промытаго песка, лежащаго у бутаръ и лоточныхъ тазовъ, должно будетъ завалиться; и вслѣдствіе этого, кромѣ матеріальнаго ущерба, принесетъ и несчастіе тѣмъ, которые будутъ находиться въ это время работающими въ шурфахъ.

11) Управленіе считаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что всѣ находящіяся при немъ лица, отправляющія общественную службу, будутъ носить, какъ особо установленный знакъ, на лѣвомъ рукавѣ верхняго платья бляху съ вырѣзанными на ней буквами, указывающими: „старшина Амурской Калифорніи такого-то участка“, и что поэтому требованія каждаго явившагося безъ такого знака должны считаться недѣйствительными.

12) Заниматься продажею спиртныхъ напитковъ всѣмъ пріѣзжающимъ для временной торговли на пріисковой базаръ безусловно воспрещается подъ отвѣтственностью наложенія на означенный предметъ тройной пошлины или же, въ случаѣ несостоятельности, конфискаціи его. За продажу спиртныхъ напитковъ кѣмъ-либо изъ постоянно торгующихъ на пріискѣ безъ особо установленнаго разрѣшенія на то, виновный подвергается за каждую проданную бутылку водки въ первый разъ штрафу въ 25 руб., во второй—50 и въ 3-й—100 рублей.

13) Каждый собственникъ, а также и артель, обязаны во всякое время дня и ночи, по первому требованію явившагося старшины, дать ему въ помощь для возстановленія на пріискѣ порядка и спокойстія столько

человѣкъ, сколько потребуютъ обстоятельства. При наказаніи кого-либо изъ совершившихъ преступленіе каждый житель Калифорніи обязанъ, въ видѣ общественной повинности, привесть въ исполненіе приговоръ совѣта управленія или старшины надъ обвиняемымъ, а также во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ управленіе найдетъ нужнымъ отдать кого-либо изъ заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступленія подъ присмотръ какой-либо артели или собственника, съ соблюденіемъ при этомъ извѣстной очереди, они, не имѣя права отказаться отъ принятія подъ свое наблюденіе находящагося подъ слѣдствіемъ, отвѣчаютъ за побѣгъ его всею артелью подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Управленіе же съ своей стороны уплачиваетъ посуточно за содержаніе арестованнаго по одному рублю тѣмъ лицамъ, на отвѣтственность которыхъ онъ будетъ сданъ.

14) За всякое преступленіе, совершенное кѣмъ-либо на территоріи Амурской Калифорніи, виновные подвергаются, какъ самому легкому наказанію, высылкѣ съ пріиска безъ права возвращенія, а въ болѣе важныхъ случаяхъ, смотря по крѣпости здоровья обвиненнаго, тѣлесному наказанію, однако, не свыше 500 ударовъ розгами. Убійство же всякое будетъ наказываемо по закону Моисееву, то-есть „око-за-око“, и виновный въ этомъ случаѣ подвергается смертной казни тѣмъ путемъ, который былъ имъ примѣненъ къ своей жертвѣ.

15) Каждый старшина, во всѣхъ могущихъ произойти случаяхъ въ выбравшемъ его участкѣ, полновластно распоряжается и присуждаетъ, безъ участія совѣта и прав-

ленія, наказаніе, не превышающее 100 ударовъ, и обязанъ во всѣхъ такихъ случаяхъ сообщать правителю ежедневно въ часы доклада объ общемъ спокойствіи и благополучіи на пріискѣ. Всякое присужденное наказаніе приводится въ исполненіе немедленно и не позже какъ чрезъ 24 часа съ момента приговора.

16) Закону желтугинскихъ вольныхъ промышленниковъ подчиняются всѣ, безъ изъятія сословій, національностей и подданства, пришедшіе въ Амурскую Калифорнію, и исключеніе въ отношеніи наказаній, примѣнимыхъ къ нимъ, предоставляютъ только лица, несущія общественную службу по выбору, которыя за противозаконные проступки будутъ подлежать суду совѣта правленія, и отрѣшенные уже отъ носимаго званія предаются вновь суду на общемъ основаніи со всѣми его примѣненіями.

17) До свѣдѣнія каждаго доводится, что за продажу фальшиваго золота, за ношеніе на себѣ, безъ законнаго на то права, установленнаго для служащихъ правленія знака и за вымогательство при этомъ, какъ бы отъ лица правленія, какихъ-либо пошлинъ, недоимокъ и т. д. виновные подвергаются тѣлесному наказанію въ размѣрѣ 500 ударовъ терновникомъ.

18) Въ виду того, что въ послѣднее время нѣкоторые изъ промышленниковъ позволяютъ себѣ производить на пріискѣ стрѣльбу изъ имѣющагося у нихъ оружія, что можетъ повести за собою случайныя несчастія, правленіе объявляетъ, что стрѣльба, во всякое время дня и ночи, безъ законныхъ причинъ, строго воспрещается, а

также за ношеніе при себѣ какого-либо оружія въ нетрезвомъ видѣ виновный будетъ строго наказанъ.

19) Мы, такіе-то, принося искреннюю благодарность командѣ за оказанное намъ довѣріе, принимаемъ на себя возложенныя по ея волѣ обязанности и клянемся именемъ Бога исполнять ихъ по чистой совѣсти и правдѣ.

20) Что означенные здѣсь правители и старшины выбраны нами по нашей доброй волѣ и собственному желанію, въ томъ мы ниже подписями удостовѣряемъ и обязуемся относиться къ нимъ съ почтеніемъ, а тѣ изъ насъ, которые не сдержатъ этого слова, должны будутъ, какъ нарушители порядка и обидчики тѣхъ лицъ, которымъ команда довѣрилась, какъ честнымъ и справедливымъ охранителямъ ея безопасности и спокойствія на пріискѣ, строго наказаны.

Законъ этотъ былъ написанъ въ пяти экземплярахъ и розданъ на руки старшинамъ, изъ которыхъ каждый, собравъ въ своемъ участкѣ довѣренныхъ отъ артелей и собственниковъ, прочитывалъ его имъ; послѣ этого уставъ утверждался подписями, а по подписаніи былъ возвращенъ въ правленіе и скрѣпленъ печатью, какъ получившій право примѣненія въ территоріи Амурской Калифорніи.

Съ первыхъ же дней утвержденія совѣта правленія многимъ, думавшимъ, что съ нимъ можно будетъ шутить, пришлось плохо, и можно сказать, что первыя двѣ недѣли могли бы по справедливости назваться временемъ страшной порки непокорныхъ калифорнійцевъ. Не было

дня, въ который бы не происходило нѣсколькихъ примѣровъ тѣлеснаго наказанія. Масса кражъ и мелкихъ преступленій, проходившихъ до сего времени незамѣтно, стали выплывать сами по себѣ наружу. Сѣкли ежедневно и за воровство и за мужеложство, и за половое сношеніе съ нѣкоторыми домашними животными, принадлежащими къ женскому роду, словомъ—сѣкли съ утра и до вечера за всякій проступокъ, и только послѣ такого воздѣйствія со стороны старшинъ въ теченіе почти двухъ недѣль на любителей до чужой собственности и до сильныхъ ощущеній, они нѣсколько угомонились. Вѣсть о строгомъ наказаніи за каждый проступокъ быстро разнеслась по Амурской, Забайкальской и Иркутской областямъ, а вслѣдствіе этого и торговое сословіе, видя нѣкоторое обезпеченіе въ отношеніи безопасности и подталкиваемое желаніемъ легкой наживы, стало появляться на пріискѣ, и втеченіе самаго короткаго времени число постоянныхъ торговцевъ дошло до 300 человѣкъ, да, кромѣ того, ежедневно появлялось на пріисковой базаръ множество временныхъ торговцевъ, привозившихъ изъ Забайкалья мясо и изъ ближайшихъ станицъ и селеній разные предметы.

Особенно оживленную и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальную картину представлялъ нашъ базаръ въ дни привоза, что было всегда по субботамъ. Обширная ледяная площадь разукрашивалась всевозможными флагами, запруженная густою толпою разношерстнаго люда, снующаго отъ воза къ возу, отъ палаткѣ къ палаткѣ; шумъ, говоръ, играніе нѣсколькихъ шарманокъ, воспроизводив-

шихъ безостановочно какія-то допотопныя аріи, подъ звукъ которыхъ показывались въ балаганѣ, тутъ же устроенномъ, фокусы; недалеко отъ этого мѣста, оградивъ канатомъ небольшое пространство, какой-то татаринъ, на сѣрой лошади, показывалъ зрителямъ высшую школу верховой ѣзды; около него же пріютилась довольно солидная по объему желѣзная клѣтка на колесахъ, въ которой помѣщалась пойманная въ Приморской области тигрица, завезенная сюда по дорогѣ въ Россію; тутъ же расположилась на коврѣ, подъ открытымъ небомъ, труппа странствующихъ гимнастовъ, которые, несмотря на сильные морозы, продѣлывали разныя эволюціи; одѣтые въ легкое трико, они только во время антрактовъ позволяли себѣ закутываться въ бараньи шубы. Кромѣ этихъ увеселительныхъ зрѣлищъ, на базарѣ находилось еще нѣсколько балагановъ, гдѣ производился розыгрышъ разныхъ предметовъ. Прибавимъ для полноты картины еще присутствіе среди этой толпы нѣсколькихъ десятковъ верблюдовъ, привезшихъ сюда мясо и расхаживающихъ по базару на свободѣ, въ ожиданіи, когда хозяева ихъ распродадутъ привезенный товаръ.

Торгующій элементъ несъ пошлину въ размѣрѣ 10% на всѣ товары, за исключеніемъ мяса и сухарей; съ торгующихъ же спиртными напитками оптомъ взималось 25%; трактирные же содержатели, кабатчики, а также и всѣ торгующіе этимъ предметомъ въ розницу, совмѣстно съ увеселительными заведеніями, платили 20% съ общей валовой ежемѣсячной торговли. Въ самомъ началѣ было учреждено правильное полученіе въ Калифорніи съ рус-

ской стороны корреспонденціи. Затѣмъ, управленіемъ былъ учрежденъ лазаретъ, который, въ виду появившагося на пріискѣ значительнаго числа больныхъ, былъ крайне необходимъ. Лазаретъ вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи представлялъ изъ себя обширное зданіе, не отличавшееся ничѣмъ особеннымъ по скромной внѣшности своей отъ цѣлой массы окружавшихъ его зимовьевъ. Все зданіе внутри было раздѣлено на четыре отдѣленія довольно толстыми и плотными бревенчатыми перегородками, возведенными до потолка. Обширнѣйшее изъ нихъ представляло изъ себя палату для больныхъ, въ которой помѣщалось 15 деревянныхъ неподвижныхъ коекъ, на которыхъ былъ, вмѣсто матрацовъ, мягкій войлокъ, сложенный въ два ряда, накрывавшійся бѣлой простыней, парусинныя подушки, набитыя соломою, на которыя одѣвались ситцевые чехлы, и байковое одѣяло. Изъ трехъ остальныхъ отдѣленій одно представляло изъ себя аптеку, другое было предназначено для пріема приходящихъ за совѣтами больныхъ, наконецъ послѣднее отдѣленіе помѣщало въ себѣ больничную прислугу и кухню. Больные, поступавшіе въ лазаретъ, пользовались безвозмездно, на общественный счетъ, присмотромъ за ними лазаретнаго врача, принадлежащею госпиталю аптекою, уходомъ и попеченіемъ больничной прислуги и, съ разрѣшенія врача, полнымъ продовольствіемъ, состоящимъ изъ утренняго чая, завтрака, обѣда, не болѣе какъ изъ трехъ блюдъ, и вечерняго чая (къ чаю полагался бѣлый хлѣбъ). Такое содержаніе каждаго больного пансіонера обходилось лазарету въ сложности

до 5 рублей въ день, что̀ при полномъ комплектѣ на 15 человѣкъ (а онъ былъ съ перваго дня открытія полнымъ) составляло въ мѣсяцъ 2.250 рублей. Если принять во вниманіе, что расходъ, производимый на содержаніе лазарета, былъ только однимъ изъ многихъ, дѣлаемыхъ ежемѣсячно управленіемъ, то весьма естественно, что увеличить это благое учрежденіе и этимъ самымъ сдѣлать его еще бо̀лѣе удовлетворяющимъ нуждамъ всего населенія не было возможности, а потому имѣвшіяся въ немъ 15 пансіонерскихъ коекъ были розданы наибѣднѣйшимъ и наитяжелѣйшимъ больнымъ. Къ послѣднимъ относились тѣ изъ калифорнійцевъ, которые были одержимы цынгою и тифомъ. Въ особенности была распространена цынга.

Такъ открыла свою дѣятельность выбранная администрація, и въ самомъ началѣ случилось одно обстоятельство, которое укрѣпило за нею еще бо̀льшую компетентность. Китайское правительство прекрасно знало о нашемъ пребываніи на его территоріи. Для него не была также секретомъ и цѣль присутствія этихъ непрошенныхъ гостей. Айгунскій амбань не разъ обращался къ амурскому губернатору съ оффиціальными бумагами, которыя носили въ себѣ характеръ просьбы насчетъ того, чтобы, въ виду дружескихъ отношеній, существующихъ между двумя имперіями, ему, амбаню, было оказано содѣйствіе въ той степени, въ какой оно ему понадобится, для выселенія русскихъ подданныхъ, явившихся самовольно на китайскую сторону. По полученіи отвѣта на эту бумагу, онъ увидѣлъ, что амурскій губернаторъ ровно

ничего не знаетъ о пребывани русскихъ подданныхъ на китайской сторонѣ и что какое-нибудь вмѣшательство въ это дѣло русскихъ властей онъ считаетъ для себя неудобнымъ и даже невозможнымъ, какъ несоотвѣтствующее заключенному трактату, добавивъ при томъ, что всѣ, если таковые имѣются, перешедшіе безъ разрѣшенія властей границу, вполнѣ подлежатъ отвѣтственности по закону той страны, гдѣ они находятся, а потому и китайскому правительству въ этомъ случаѣ предоставляется полная самостоятельность по выселенію этихъ дезертировъ тѣмъ способомъ, который оно найдетъ для себя необходимымъ. По полученіи такого неожиданнаго отвѣта, айгунскій амбань попалъ въ очень затруднительное положеніе: самостоятельность дѣйствій, предоставленная ему амурскимъ губернаторомъ въ отношеніи насъ, ставила этого правителя въ крайне безвыходное и смѣшное положеніе, такъ какъ, обращаясь съ вышесказанной просьбой къ русскимъ властямъ, онъ прекрасно сознавалъ свое безсиліе въ дѣлѣ защиты принадлежащей его правительству границы. Безвыходность обстоятельствъ китайскаго правителя происходила главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ причинъ: Амурскую Калифорнію отдѣляетъ отъ Айгуна 500-верстный густой лѣсъ (тайга), по которому нѣтъ возможности предположить передвиженіе какого-нибудь даже незначительнаго отряда, въ лѣтнее время по непроходимости болотъ, а въ зимнее по глубинѣ снѣга. Такимъ образомъ, если бы китайское правительство и имѣло возможность немедленно отправить значительный по численности отрядъ, могущій противостоять толпѣ,

дошедшей до солидныхъ размѣровъ 7.000, то и тогда указанныя мною выше обстоятельства сдѣлали бы его совершенно безполезнымъ, по крайней мѣрѣ, до открытія амурской навигаціи, когда передвиженіе оказалось бы возможнымъ на лодкахъ. Чтобы избавиться отъ неудобнаго положенія и устранить отъ себя могущую явиться отвѣтственность за послѣдствія, амбань послалъ къ намъ чиновника-топографа, пріѣхавшаго въ станицу Игнашину по русской подорожной. Топографъ этотъ, при помощи данныхъ ему 2-хъ рабочихъ изъ китайской команды, опредѣлилъ мѣстоположеніе пріиска, снялъ съ него планъ, выпилъ всласть и, взявъ въ знакъ признательности 2 фунта золота, по окончаніи возложеннаго на него порученія, въ хорошемъ расположеніи духа и добромъ здравіи, отправился обратно на русскую сторону. Послѣдствіемъ этого посѣщенія было то, что мѣсто, нами занятое, оказалось по съемкѣ принадлежащимъ вѣдѣнію не Айгунскаго амбаня, а совершенно другого, резиденція котораго находилась верстъ на 300 южнѣе Калифорніи, въ „большомъ городѣ“, лежащемъ по китайскому тракту, тянущемуся отъ Цици-Кара-Цурухутуя на Аргунь, а потому объ этой оказіи дано было знать сему губернатору.

Амбань „большого города“, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, узнавъ о нашемъ присутствіи на территоріи, находящейся подъ его вѣдѣніемъ, послѣ долгихъ размышленій, отправилъ къ намъ отрядъ манегровъ, состоявшій изъ 36 человѣкъ всадниковъ, вооруженныхъ кремневыми ружьями. Прибытіе этого-то отряда, расположившагося по берегу Амура напротивъ Игнашиной, и заста-

вило калифорнійцевъ претерпѣвать нѣкотораго рода безпокойство, ибо численность его передавалась въ крайне преувеличенномъ видѣ, и если вспомнить, что у страха глаза велики, то нѣтъ ничего удивительнаго, что на пріискъ являлись въ первый же день такіе молодцы, которые, по ихъ словамъ, проѣздомъ изъ Игнашиной на пріискъ замѣтили, что въ пришедшемъ отрядѣ будетъ, пожалуй, болѣе за 1,000 человѣкъ. Командиръ китайскаго отряда, узнавъ, что на пріискѣ есть правитель, обратился въ Игнашинѣ къ нѣкоторымъ съ просьбою устроить ему свиданіе со мной, для чего и былъ на пріискъ посланъ нарочный при запискѣ, гдѣ говорилось о желаніи китайскаго полковника. По полученіи приглашенія, я сталъ немедленно собираться къ отъѣзду, а старшинамъ поручилъ дѣйствовать на команду успокоительно, увѣривъ ее, что худого намъ ничего не сдѣлаютъ. Увѣщеваніе это было тѣмъ болѣе необходимо ужъ потому, что многіе, напуганные появленіемъ китайскаго отряда, старались продавать за безцѣнокъ имущество и поскорѣе уѣзжать въ Игнашину; въ общемъ же можно было замѣтить, что масса была въ воинственномъ настроеніи, и помѣряться силою съ китайцами, въ случаѣ какого-либо сопротивленія, охотниковъ было бы немало.

По пріѣздѣ въ станицу, я засталъ китайскаго командира въ одной изъ казачьихъ избъ. При немъ находились личный адъютантъ и переводчикъ, а также человѣкъ 10 нижнихъ чиновъ. Переговоры, послѣ представленія и первыхъ привѣтствій, начались съ того, что онъ предложилъ мнѣ дать росписку въ томъ, что я выйду

къ условленному сроку съ китайской границы, мотивируя при этомъ свое желаніе тѣмъ, что, по его мнѣнію, съ моимъ отъѣздомъ, какъ начальника поселившихся, они должны будутъ также немедленно перекочевать за мною на русскую сторону. Послѣ долгихъ увѣреній, что подобная росписка не будетъ имѣть силы въ виду того, что начальство мое не пожизненное, а потому я могу быть завтра же смѣненъ, и въ этомъ случаѣ выѣздъ мой изъ китайской границы не будетъ имѣть того значенія, какое г. полковникъ хотѣлъ бы ему приписать, я убѣдилъ его отказаться отъ этого желанія за безполезностью его. Затѣмъ на вопросы: много ли на пріискѣ населенія? сколько какого оружія? — я отвѣтилъ для пущей острастки, что населеніе возросло до 11.000 человѣкъ и оружія на пріискѣ имѣется 6.000 берданокъ, 1.000 охотничьихъ ружей да 3.000 револьверовъ и масса холоднаго оружія.

Свѣдѣнія эти, преувеличенныя мною до невѣроятности, были, какъ я замѣтилъ, сейчасъ же записаны въ книжку китайскимъ адъютантомъ, вѣроятно для доклада кому слѣдуетъ. Послѣ этого сообщенія полковникъ спросилъ тономъ болѣе рѣзкимъ, чѣмъ онъ говорилъ со мною ранѣе, не найду ли я удобнымъ дать ему возможность осмотрѣть самое мѣсто работъ, и, получивъ на это мое согласіе, спросилъ, можетъ ли онъ ѣхать со всею свитою. Увѣривъ его, что появленіе всего отряда и тѣмъ болѣе вооруженнаго можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на массу, я убѣдилъ китайскихъ представителей положиться на меня и ѣхать, не боясь ничего, безъ

оружія, ибо мы всѣ до того времени, пока китайскія власти не сдѣлаютъ намъ ничего дурного, только скромные работники. По пріѣздѣ на пріискъ, китайскій полковникъ не пожелалъ отправиться осматривать мѣсто работъ и, удовольствовавшись обозрѣніемъ всего пріиска съ возвышенности, на другой день уѣхалъ обратно въ лагерь и сталъ собираться въ обратный путь. Въ это время въ Игнашиной былъ проѣздомъ изъ Хабаровки забайкальскій губернаторъ Барабашъ, съ которымъ китайскіе чиновники хотѣли повидаться, но не были послѣднимъ приняты, а потому и поѣхали на родину съ нерадостными вѣстями. Этотъ-то благополучный исходъ нѣсколько ободрилъ все населеніе пріиска, которое хотя и смутно, но все-таки начало сознавать полное безсиліе китайскихъ властей. Дѣло наше, по своему счастливому положенію, стало принимать характеръ недавняго прошлаго, когда былъ отрѣзанъ Муравьевымъ и самый Амуръ, а потому мы не могли отказаться отъ надежды сдѣлаться первыми русскими колонизаторами могущей прирѣзаться территоріи, и для скорѣйшаго осуществленія такой мысли мы рѣшили придать нашему пребыванію на Желтугѣ характеръ утвердившейся осѣдлости. Въ виду этого управленіе предполагало послать на общественный счетъ поисковую партію для изслѣдованія падей, прилежащихъ со всѣхъ сторонъ къ пріиску, и по нахожденіи золота послать въ каждую изъ такихъ мѣстностей по двѣ тысячи человѣкъ, для того, чтобы такимъ образомъ занять какъ можно большее пространство. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ было объявлено пріисковымъ ка-

питалистамъ, что если они захотятъ на свой собственный счетъ и рискъ отправить, помимо партіи отъ вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи, еще и свои собственныя, и если таковыми партіями будутъ найдены золотосодержащія розсыпи, то открывателямъ таковыхъ предоставляется временное право на владѣніе поземельной собственностью, что̀ дастъ имъ возможность начать работы правильнымъ открытымъ разрѣзомъ, для скорѣйшаго возвращенія тѣхъ расходовъ, которые они понесутъ при сооруженіи партіи. При этомъ было поставлено на видъ, что какъ мѣста, открытыя партіями вольныхъ промышленниковъ, такъ и тѣ, которыя будутъ найдены партіями добровольцевъ, подчиняются всѣ безъ исключенія утвержденному такого-то числа, мѣсяца и года, вольными промышленниками на рѣчкѣ Желтугѣ, закону Амурской Калифорніи со всѣми его послѣдствіями и будутъ находиться подъ вѣдѣніемъ одного правителя, чрезъ посредство особыхъ намѣстниковъ, выбранныхъ большинствомъ голосовъ изъ среды населенія вновь образовавшагося стана, путемъ тѣхъ условій, которыя примѣнялись въ этомъ случаѣ при выборѣ главнаго правителя и состава перваго совѣта управленія, отъ котораго и будутъ исходить распоряженія, могущія встрѣтиться во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся пространства, нами занятаго и безъ исключенія причисленнаго къ Амурской Калифорніи. Въ это время въ Хабаровкѣ на съѣздѣ представителей власти разсматривался, между прочими вопросами, касающимися края, и вопросъ о полезности или безполезности нашего золотопромышленнаго дѣла и

тѣхъ началъ, на которыхъ оно существуетъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ о результатѣ переговоровъ между правителями трехъ областей и его помощниками, — были слѣдующія: существованіе Калифорніи рѣшено въ смыслѣ одобрительномъ, какъ средство, возвышающее матеріальное благосостояніе населенія, а потому и золото, добываемое на томъ же пріискѣ и вывезенное на русскую сторону, не будетъ конфисковаться, какъ хищническое, которое добывается за границею, и, кромѣ того, въ виду слуховъ, что золото продается нами, за недостаткомъ покупателей, по крайне убыточной для насъ цѣнѣ, т. е. по 3 руб. за золотникъ, и что вслѣдствіе этого мы чувствуемъ большую нужду въ кредитномъ рублѣ, рѣшено было назначить въ Игнашину, для ознакомленія съ нашимъ дѣломъ, одного представителя власти, которому поручено было предпринять мѣры, могущія избавить насъ отъ этого критическаго положенія, путемъ покупки золота по установленной цѣнѣ. Насколько всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія были вѣрны, я не могу поручиться, но мы имъ довѣрялись, а потому и не могли не радоваться тому положенію, которое принимало наше дѣло отъ благосклоннаго на него взгляда людей, имѣвшихъ, по своему положенію, для него значеніе. Такъ или иначе, но послѣ сказаннаго мною выше рѣшенія, мы все-таки избавились отъ того несчастія, которому многіе вышедшіе на русскую сторону для сбыта накопленныхъ крохъ подвергались, попадаясь такимъ субъектамъ, какъ бывшій читинскій полицеймейстеръ Мельниковъ, который имѣлъ на пріискѣ приближеннаго чело-

вѣка, доносившаго исправно о каждомъ слѣдовавшемъ чрезъ Читу вольномъ промышленникѣ. Къ несчастію, этотъ приближенный человѣкъ успѣлъ во-время избѣгнуть того строгаго наказанія, которому онъ подвергся бы за шпіонство. Мельниковъ, какъ передавали потерпѣвшіе, напавъ на свою жертву, поступалъ такимъ образомъ. Обыскавъ проѣзжающаго чрезъ Читу вольнаго промышленника и отнявъ все имѣющееся у него золото, онъ отправлялся къ себѣ на квартиру, взвѣшивалъ его тамъ и составлялъ протоколъ по поводу этого событія. Когда же таковой преподносился для подписанія промышленнику, то тотъ съ ужасомъ замѣчалъ, что въ протоколѣ Мельниковъ краснорѣчиво ратуетъ о конфискаціи въ пользу правительства, вмѣсто отнятыхъ въ дѣйствительности 5-ти фунтовъ, только одного фунта, изъ котораго ему подлежитъ получить въ силу закона за рвеніе по $1^1/_2$ руб. за каждый золотникъ. Прошло еще нѣсколько времени, которое мы, въ ожиданіи, „что вотъ пріѣдетъ баринъ,—баринъ насъ разсудитъ“, продолжали жить въ тѣхъ же грязныхъ, удушливыхъ зимовьяхъ. Пріѣхалъ баринъ, присмотрѣлся къ дѣлу, да и сталъ намъ въ обязанность вмѣнять такія условія: рѣшилъ, что мы обязаны ему отдавать золото по 3 р. 40 коп. за золотникъ, а для того, чтобы мы не могли обойти воли барина, начальство распорядилось поставить гдѣ слѣдуетъ казачьи пикеты, указывавшіе намъ дорогу къ барскому сундуку. Такое вмѣшательство заставило калифорнійцевъ бросить золотопромышленность, и въ теченіе самаго короткаго вре-

мени 7.000-ая толпа золотоискателей уменьшилась до нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о сибирской Калифорніи мы въ свое время подѣлились съ читателями „Вост. Обозр.“ новыми, присланными нашимъ амурскимъ корреспондентомъ. Въ виду этого въ настоящее время мы передадимъ ихъ вкратцѣ, отсылая интересующихся подробностями лицъ къ № 11 „Вост. Обозр.“. По газетамъ всѣмъ было извѣстно, что китайскими войсками сожжены постройки въ Калифорніи и оттуда всѣ ушли; на самомъ же дѣлѣ движеніе туда никогда не останавливалось. Правда, осенью м. г., по окончаніи работъ, Калифорнія наполовину опустѣла, но съ тѣмъ, чтобы вновь подняться зимой, когда замерзнутъ рѣки и откроется сообщеніе. Оно такъ и случилось. Движеніе продолжается безпрерывно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Мѣсяцъ тому назадъ въ Калифорніи насчитывали до 5 тысячъ человѣкъ. Если движеніе такъ же будетъ продолжаться, какъ и теперь, то къ концу зимы тамъ будетъ гораздо больше. Хотя въ числѣ жаждущихъ золота не мало русскихъ, но въ общемъ числѣ манджуръ ихъ незамѣтно. Шествіе послѣднихъ ради курьеза называютъ новымъ нашествіемъ монголовъ.

„По слухамъ, администрація Забайкальской области рѣшила не пропускать своихъ транспортовъ. Для Амурской области такое запрещеніе не имѣетъ силы, такъ какъ отсюда везти положительно нечего. Слѣдовательно, китайцамъ нетрудно будетъ выморить Калифорнію голодомъ, но дѣло въ томъ, что голодная толпа не пойдетъ

обратно пустынной китайской стороной, а заселеннымъ русскимъ берегомъ. Въ Благовѣщенскѣ наплывъ современныхъ монголовъ былъ громаденъ. Само собою, усилились грабежи. Былъ убитъ и ограбленъ священникъ; много сдѣлано мелкихъ кражъ, и въ особенности поплатились наши хозяйки, которымъ волей-неволей приходилось дѣлиться съ нежданными гостями разнаго рода припасами и снѣдью. Голодные „пріискатели“, понуждаемые отчаяніемъ, при случаѣ готовы на все. И сколько драмъ, сколько раздирающихъ душу сценъ дало это пресловутое движеніе въ Калифорнію, а начавшіеся морозы, какъ бы въ довершеніе картины, то тамъ, то сямъ бросаютъ трупы несчастныхъ въ укоръ живымъ!

„Не жажда наживы гонитъ теперь толпы рабочихъ въ Калифорнію, но малѣйшая возможность имѣть хлѣбъ и заглушить муки голода. А народившіеся тучами кулаки потираютъ руки и предлагаютъ сухари *только по 18 рублей за пудъ.*

„Осенью по всѣмъ пролегающимъ къ Калифорніи тропамъ образовалась охота на выходящихъ съ золотомъ. Большое число труповъ и пропавшихъ безъ вѣсти приводитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. По слухамъ, внутри самой Калифорніи держится порядокъ; тамъ образовалось свое управленіе и введенъ свой судъ и расправа противъ преступленій. Прошлымъ лѣтомъ судъ старшинъ приговорилъ 5 сахалинцевъ къ повѣшенію за убійство семейства пріискателей. На возвышенности былъ устроенъ эшафотъ, наскоро придѣланы петли. Двухъ повѣсили; перваго пришлось перевѣшивать по случаю обрыва

петли. Остальныхъ простили; однако судъ приговорилъ дать имъ по 1.000 ударовъ розгами. Потомъ порѣшили сбавить, согласно просьбѣ зрителей наказанья, до 500. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Вѣроятно не остались живы, потому что слава о розгахъ Калифорніи велика. Ходятъ слухи, что отъ команды „на ледъ“—такъ формулировали пріискатели сѣченіе розгами — не были избавлены и нѣкоторые изъ мѣстныхъ авантюристовъ, которыхъ увлекла въ Калифорнію страсть къ наживѣ. Разсказываютъ, что фотографъ Штейнъ снялъ фотографію въ то время, когда производилась экзекуція. У самой скамьи стоитъ одинъ изъ недавно уволенныхъ исправниковъ Забайкальской области (нѣкто Письменовъ, исключенный изъ службы барономъ Корфомъ; Письменовъ нашелъ мѣсто въ Желтугѣ въ качествѣ администратора изъ второстепенныхъ). Недалеко на холмѣ красуется висѣлица. Картина сугубо поучительная, не правда ли?

„На китайской сторонѣ поставлены пикеты пограничной китайской стражи. Китайская пограничная стража, или такъ-называемые „манегри“, весьма быстро освоилась съ своими обязанностями и преисправно обираетъ своихъ собратьевъ за право прохода въ Калифорнію. Налогъ, впрочемъ, милостивый: по пятаку съ рыла. Осенью отборное войско изъ манегровъ отправилось въ лодкахъ въ Калифорнію, но изъ ихъ рвенія ничего не вышло. Имъ удалось сжечь три, четыре никому ненужныхъ зимовьишекъ. Вообще первый походъ не далъ лавровъ побѣдителямъ. Теперь собирается второй, въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Черезъ Албазинъ идетъ до 200

конныхъ манегровъ. Но гораздо больше идетъ съ Аргуни. Всѣхъ китайскихъ войскъ, говорятъ, будетъ 1.000 человѣкъ.

„Станица Игнашина бойко торговала съ Желтугой. Флаги у гостинницъ, харчевень и частныхъ домовъ напоминали о чемъ-то необыкновенномъ для захудалой станицы, по волѣ случая сдѣлавшейся станицей Желтуги. Всѣ ждали разрѣшенія подвоза провизіи въ Калифорнію и готовили запасы, надѣясь зашибить деньгу. Прошелъ слухъ объ открытіи новой Калифорніи на Аргуни въ пади, называемой Араканомъ, на сто верстъ выше Покровки. Слухъ оказался фактомъ. На Аргуни уже работаютъ до 800 человѣкъ. Золото оказалось богатое по содержанію, но низкопробное—80-й пробы, на видъ грязное, почти черное. Артель въ десять человѣкъ намываетъ до 250 золотниковъ въ день.

„Разрѣшеніе о подвозѣ продовольствія было получено въ Горбицѣ 16-го декабря. Съ этого времени движеніе транспортовъ шло непрерывно, и никто изъ торговцевъ не обращалъ никакого вниманія на дѣйствія китайцевъ, которые уже гнали рабочихъ съ Аракана.

„Числа 5-го января въ Стрѣтенскѣ стали говорить, что Калифорніи конецъ. Ходила масса разсказовъ объ убійствахъ по дорогамъ и въ самой Желтугѣ. Ѣхать по тракту считалось опаснымъ и совѣтовали обождать, пока поуляжется. Придерживаясь пословицы: „не всякому слуху вѣрь“, я отправился изъ Стрѣтенска на почтовыхъ въ тотъ же день, разсчитывая воспользоваться случаемъ проѣхать всѣмъ извѣстные „Грѣхи“ безъ задержки (семью

смертными грѣхами называются 7 амурскихъ станцій). До станціи Соболиной не встрѣчалось ни одного желтугинца, но съ Соболиной стали попадаться группы русскихъ и отдѣльно—китайцы. Здѣсь я узналъ, что китайскія войска, выгнавъ всѣхъ съ Аргуни, предложили рабочимъ выйти изъ Калифорніи въ теченіе 4 дней, потомъ срокъ былъ продолженъ до 6. Въ первые дни вышли наиболѣе благоразумные русскіе и китайцы. Китайцы не ждали пощады и бросились изъ Желтуги какъ угорѣлые. Одно напоминаніе о „кантами“ (кантами—отрубить голову) приводило ихъ въ бѣгство. Русскіе рабочіе, не зная ничего о намѣреніяхъ китайцевъ и опасаясь рѣзни въ одиночку, вышли толпой подъ предводительствомъ старшины. Впереди несли знамя съ надписью: „Мы, Александръ III“, которое сопровождали три горниста, игравшіе какой-то хитрый маршъ. Китайскіе рабочіе сначала тоже шли толпой съ знаменемъ, но потомъ разбѣжались по дорогамъ, горамъ и лѣсамъ. Такъ какъ русскіе вышли со стороны Амазара, а китайскія войска вошли въ Желтугу съ противоположной стороны, то встрѣчи не произошло. Когда аргунскій отрядъ китайскихъ войскъ присоединился къ желтугинскому, русскіе рабочіе и китайцы снова пошли работать на Аргунь. Теперь ихъ тамъ свыше 800. Вверхъ по Шилкѣ бѣжали самые безпомощные. Встрѣчавшіеся китайцы, гонимые паническимъ страхомъ, съ отмороженными до костей носами и щеками, вызывали сожалѣніе у самыхъ жестокихъ. Случайно пойманныхъ китайскіе солдаты убивали безпощадно, самымъ варварскимъ способомъ: кололи

тупыми пиками, рубили тупыми шашками, топтали лошадьми, стрѣляли, и пр. И все это безобразіе происходило безразлично—*какъ на русскомъ берегу, такъ и на китайскомъ*, пока русскіе рабочіе сами не положили предѣла варварству китайскихъ воиновъ, способныхъ рѣзать своихъ собратьевъ какъ барановъ. Наглость китайскихъ солдатъ простиралась до того, что они открыто гонялись за своими по улицамъ Амазара и *Игнашиной, обыскивали обывательскія избы, лазили въ подполья и кололи несчастныхъ на глазахъ всѣхъ.* Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Увидѣвъ, что китайцы поймали трехъ своихъ желтугинцевъ и уже начали приступать къ варварской казни, русскіе рабочіе приняли ихъ въ колья и обратили въ бѣгство, а пріискателей спрятали.

„Одинъ казакъ ѣхалъ по Амуру съ пустыми санями и наѣхалъ на казнь. Недолго думая, схватилъ китайца за шиворотъ, бросилъ въ сани и драло. Двадцать манегри бросились въ погоню. Казакъ добѣжалъ до перваго зимовья, гдѣ стояли русскіе рабочіе, и втолкнулъ помертвѣвшаго отъ ужаса пріискателя. Манегри за нимъ. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное: русскіе съ крикомъ и гамомъ и съ голыми кулаками бросились на конницу и обратили ее въ постыдное бѣгство. Всѣ вышли положительно нищими, безъ всякой надежды на будущее. Нѣкоторые бросились на пріиски съ предложеніемъ взять ихъ только за харчи. Даже бѣжавшіе съ пріисковъ 6 лѣтъ тому назадъ должники—и тѣ явились съ предложеніемъ отработать долгъ.

„— Ну, паря, велика у тя харя, а ума ни на

грошъ. Прежде въ Желтугѣ шампанское пили, а теперь мокай, паря, сухарь въ Шилку!—утѣшалъ пріискатель своего товарища, тщетно проклинавшаго судьбу.

„Большое число русскихъ рабочихъ осталось въ Игнашиной и въ Покровкѣ. Они думаютъ снова идти въ Калифорнію. Да, пожалуй, имъ и нѣтъ иного выхода, такъ какъ нѣтъ ни хлѣба, ни одежды, и заработковъ никакихъ. Въ Покровкѣ и Игнашиной небывалая дешевизна хлѣба и мяса по случаю подвоза въ Желтугу, но жаль—покупать его не на что. Эту зиму въ Желтугѣ водки не пили, тоже потому, что денегъ нѣтъ и кабатчики въ плохихъ душахъ. Корейцы и сахалинцы отступили за хребетъ на китайской сторонѣ и расположились лагеремъ въ ожиданіи ухода китайскихъ войскъ. Они ограбили торговцевъ, не успѣвшихъ вывезти своихъ товаровъ. Русскіе рабочіе предложили купцамъ оставить даромъ запасъ продовольствія для больныхъ русскихъ и китайцевъ, которые не въ состояніи выйти изъ Желтуги; тамъ осталось больныхъ: 20 китайцевъ и 30 русскихъ. Запасы были спрятаны на случай прихода войска. Въ Желтугѣ въ это время было 300 домовъ, *гостиный дворъ*, бани съ номерами, харчевни, склады и гостинницы.

„6-го или 7-го января отрядъ манегри отправился съ порученіемъ сжечь Желтугу, что и было исполнено въ точности. При этомъ двадцати китайцамъ были отрублены головы, *а нѣкоторыхъ русскихъ наказали ударами бамбука.* Сѣченіе головъ—азбука китайскаго уголовнаго кодекса—*навело панику по всей границѣ. Дорогой я встрѣтилъ на льду Амура семь труповъ съ отрублен-*

ными головами и руками и поджаренныхъ на кострѣ. По Шилкѣ и Аргуни находятъ много труповъ замерзшихъ китайцевъ и русскихъ. Большинство китайцевъ идутъ внизъ по Амуру. Масса ихъ спряталась въ горахъ, около станицы Свербеевой, на нашей сторонѣ. Отсюда идутъ по одиночкѣ и питаются милостыней. Положеніе ихъ ужасно. Одинъ видъ ихъ доводитъ до слезъ. Никакіе нервы не выдержатъ, когда полузамерзшій китаецъ на колѣняхъ проситъ у васъ „кушая“ съ рыданіемъ, или, вѣрнѣе, съ дикимъ воплемъ вмѣсто словъ.

„Внутри самой Калифорніи относительный порядокъ никогда не нарушался. Грабежи и убійства если и были, то только по прилегающимъ дорогамъ. Всѣ жители Калифорніи раздѣлялись въ послѣднее время на три квартала подъ управленіемъ трехъ старшинъ. У каторжныхъ былъ свой старшина, у китайцевъ—тоже. Желтуга, какъ случайный опытъ народнаго самоустройства, — явленіе чрезвычайно интересное, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавъ желтугинскіе законы, которые къ концу Калифорніи явились уже въ иномъ видѣ. Эти законы есть продуктъ двухлѣтней практики населенія Желтуги. Первоначально они были кратки и жестоки, затѣмъ дополнялись и смягчались, и наконецъ отъ нихъ повѣяло гражданскимъ благоустройствомъ“ [1]).

[1]) Мы получили послѣдніе желтугинскіе законы въ подлинникѣ и можемъ засвидѣтельствовать, что они дѣйствительно гуманнѣе первыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. ВЪ ТАЙГѢ. Очерки пріисковой жизни. Завиткова.

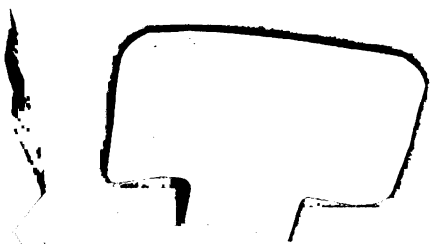
1. Благодатный пріискъ и его хозяинъ 1
2. Непредвидѣнное обстоятельство 10
3. Нити и узлы 20
4. Дѣло на ладъ пошло 32
5. Таёжное слѣдствіе 43
6. Таёжныя похороны 53
7. Бѣглецы и медвѣдь. 67
8. На плоту 78

II. СИБИРСКІЕ МУЧЕНИКИ. Очерки жизни пріисковыхъ рабочихъ. С. А. Стрѣтенскаго.

1. Искатели счастья. 92
2. Наемка 120
3. Съ задатками 139
4. Отправка 163
5. „Ку-ку! ку-ку! ку-ку!“ 174
6. Побѣгъ 192
7. Брошенный пріискъ. 220

III. ОЛЕКМИНСКАЯ КАЛИФОРНІЯ. Изъ путешествія на Олекминскіе пріиски. Н. Г-въ. . . . 238

IV. АМУРСКАЯ КАЛИФОРНІЯ. По разсказамъ очевидца. 273

7 83 5

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C045486612